УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

СОБРАЛЪ

П. КУЛЬШЪ.

Разговорный языкъ простаго народа, не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ, достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Пушкинъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изучая источники Исторіи Южно-Русскаго народа, я не разъ объѣзжалъ обитаемыя ими губерніи для собранія народныхъ пѣсень и преданій. Со временемъ надѣюсь представить любителямъ Исторіи и народной Поэзіи свой сборникъ пѣсень; теперь издаю только преданія. Предоставляя судить каждому объ ихъ исторической важности и поэтическихъ достоинствахъ, считаю долгомъ сказать только, что я записывалъ ихъ стенографически, какъ пѣсни, дорожа каждымъ оборотомъ и словомъ народной рѣчи. Я позволялъ себѣ исправлять нѣкоторыя фразы только въ тѣхъ преданіяхъ, которыя доставлены мнѣ моими пріятелями, но и объ этомъ жалѣю: гораздо лучше было бы напечатать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они были мнѣ доставлены.

И. К.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Преданія Историческія.

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

ЗОЛОТЫЕ КІЕВСКІЕ ВОРОТА.

Якъ лыхолитье було, то прышовъ чужоземець, Татарынъ, и ото вже на Вышгородъ бье, а дали вже й пидъ Кіевъ пидступае. А тутъ Мыхайлыкъ лыцаръ бувъ, да якъ зыйшовъ на башту, да пустывъ зъ лука стрилу, то стрила и впала у мыску тому Татарыну. Той скоро сивъ коло скамьи обидаты, тилько що поблагословывсь исты, ажъ та стрила такъ и встромылась у печеню. „Э!—каже,—се жъ тутъ е сылный лыцаръ!“—„Подайте мыни,—каже, до Кіянъ,—подайте мыни того, Мыхайлыка, то я одступлю!“ Отъ Кіяне шушу, шушу и радяцьця: „А що жъ? Оддаймо.“ А Мыхайлыкъ и каже: „Якъ оддасте вы мене, то въ останній разъ будете бачыть Золотыи ворота.“ Да сившы на коня, обернувсь до ихъ, да й промовывъ:

„Ой Кіяне, Кіяне, панове громада!
Погана ваша рада!
Якъ бы вы Мыхайлыка не оддавалы,
Покы свитъ сонця ворогы бъ Кіева не досталы!“

Да взявъ на ратыще ворота, такъ якъ отъ снипъ святого жыта визьмешъ, да й пойхавъ у Цареградъ черезъ Татарське вийсько, а Татары его й не бачать. Отъ, якъ открывъ ворота, то чужоземци ввалылысь у Кіевъ, да й пишлы потоптомъ.

А лыцаръ Мыхайлыкъ и доси жыве въ Царыгради; передъ нымъ стоить стаканчыкъ воды и проскура лежыть, бильшъ ничого не исть. И Золотыи ворота стоять у Царегради, и буде, кажуть, колысь таке времня, що Мыхайлыкъ вернецьця въ Кіевъ и поставыть ворота на свое мисто.

И якъ идучы хто мымо скаже: „О Золотыи, Золотыи ворота! Стоять вамъ изновъ тамъ, де стоялы!“ то золото такъ и зассяе. А якъ же не скаже такъ, або подумае: „Ни, вже не буть вамъ у Кіевѣ!“ то золото такъ и померхне.

(*Разсказывалъ одинъ старикъ нищій въ Кіевѣ.*)

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ.

Було колысь такъ,—ще передъ Хмельныщыною, — що церковны ключи булы въ Жыда. Якъ чого треба до церквы, то йды вже до Жыда, да торгуйся, що винъ визьме. То зъ того-то й лыхо зачалося.

(Разсказывалъ Климъ Быликъ, въ Кумейкахъ, Кіев. губ.)

КОЗАКИ И ЖОЛНѢРЫ.

Єсть десь ричка Жовтенька. То по одну сторону на заходъ сонця стоялы жовниры, а протывъ сонця стоялы Запорозьци. Изыйдуцьця було въ шынкъ на дешеву горилку; то жовниры, а то Козакы; у ряду сыдять соби. Да якъ напьюцьця горилки, то й заведуцьця быцьця за гряныцю, да часомъ который которого й зарубае. А дали вже такъ завелысь, що сталы й дуже быцьця, и проженуть бувало жовнирывъ ажъ геть за слободу, а въ слободи позабырають усе, да й вернуцьця. То жовниры просылы Короля, щобъ поставлено имъ певну гряныцю. Отъ Король и каже Козакамъ: „Проженить тихъ жовнирывъ ажъ у Варшаву". Отъ воны якъ прыгналы, то Король и каже отаману: „Чымъ тебе наградыть? Отъ тоби награда: де побачышъ Жыда, або багатого мужыка, то печы й деры". Такъ оттоди-то бувъ Печай и Хмельныцькый.

(Разсказывалъ Дмитро Посрутый съ Звенигородки, Кіевск. губ.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ.

Сталы Ляхы душе вже налягать на Козакивъ; прышло ихъ у Запорожжа по два Ляхы на одного Козака. То Козакы слалы до Короля лысты, що „такы намъ збытькы роблять, що не можно ни якъ прожыты." Такъ Король и давъ имъ права, а Барабашъ сховавъ, да никому й не показавъ: отъ Ляхы Козакамы й орудують. А Хмельныцькый бувъ при Барабашеви за писаря въ Чыгырыни; самъ у Суботови сыдывъ, а туды издывъ на писаретво. Отъ якъ родылась у Хмельныцького дытына, то винъ кумомъ узявъ Гетьмана. Якъ же вповнъ Гетьмана добре, тоди вынявъ у его зъ кышени хустку, и перстень зъ рукы знявъ, до й посылае до Чыгырына свою джуру: — „Два кони беры, да бижы въ Чыгырынъ по права!"

Прійжае той джура до Гетьманшы: „Пани! Зайлысь изъ Гетьманомъ паны; порубаюсь; такъ дайте тыи права, що одъ Короля." — „Оттамъ же,—каже, — воны въ стани пидъ ворытьмывъ глухимъ киньци,— де пьятка*, — у пуздерку въ земли."

---

* Замѣчаетъ разскащикъ отъ себя.

Просыпаецьця Гетьманъ: „Ой, куме!—каже,—куме! Була въ мене хустка въ кышени, а теперь нема; бувъ у мене перстень щырозлотый на руци, а теперь нема!“

—„То,—каже,—мій хлопець роздягавъ тебе, якъ клавъ у лижко, то повыймавъ.“

А самъ усе позырае, въ викно. Колы жъ гляне Гетьманъ, ажъ хлопець повивъ у станю коня такого, що тилько хахъ-ха-хха-хха! Тоди вже й постеригъ, що Хмельницькый посылавъ по права.

„Ой Хмелю,—каже,—Хмелыку!
Вчинывъ всы ясу.
И помижъ панамы великую трусу.
Лучче було бъ тобі брать сукна не мирячы,
А гроши не личачы,
Лучче бъ було тоби зъ панамы добре прожываты,
А нижъ теперъ по лугахъ Базалугахъ потыраты,
Комаривъ, якъ ведмидивъ, годоваты!“

Гетьманъ же йде до дому, а воны зъ хлопцемъ коней сидлають, да идуть у Сичъ. Прійхалы, вдарылы въ котлы; зибралысь Козакы, винъ вычытавъ одынъ указъ, — не слухають; вычытавъ другый, — не слухаютъ; да вже якъ третій прочытавъ, тоди вси й сталы на баталію.

(*Разсказывалъ Климъ Бѣликъ, въ Кумейкахъ, Кіевск. губ.*)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

..... Да й пойхавъ у Сичъ тымъ бокомъ* Днѣпра. Прыихавъ до Сичи, ажъ тамъ стоитъ жовнирство, и бере одъ Козакивъ десяту рыбу. Отъ, Хмельницькый, показавшы тайно Запорозьцямъ Королевскый лыстъ, усовитовавъ имъ, якъзбуты жовниривъ: —Я,—каже,—выйду на майданъ, да й зачну крычаты: „*У Раду! въ Раду! въ Раду!*“ а вы визьмите пидъ полу по дрючку, и якъ жовниры прыйдутъ безъ шабель у Раду, то вы на ихъ зъ дрючкамы, да всихъ и перебыйте.

Такъ и сталось. Да потимъ якъ пишовъ воёвати Хмельницькый, то розбывъ Ляховъ и на Жовтій Водѣ и коло Корсуня, да загнавъ ажъ за Случъ, да й сказавъ: „*Знай, Ляше, по Случъ наше!*“

(*Разсказывалъ Омелько Каплухій, въ Суботовѣ, Кіевск. губ.*)

* Лѣвымъ берегомъ.

ПЛАТА ХМЕЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ.

Якъ воёвавъ Хмельницькый зъ Ляхами, то всякому, хто піймаё, Ляха, обищавъ давать за кожного по рублю, а за ксёндза по три копы. То якъ піймавъ було Козакъ Ляха, то выголыть ёму на голови лысыну, да й скаже:—„Гляды жъ ты мини, вражый Ляше! Тилько скажешъ, що ты не ксёнзъ, то заразъ духъ зъ тебе вонъ!“

Отъ, и прыведе до Хмельницького.

— „Хто ты такый?“

— „Ксёнзъ.“

То Хмельницькій выме зъ кышени тры копы, да й дасть.

(Отъ же.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ.

Якъ ставъ Хмельницькый надъ Случчу, на гори, то обобравъ своє військо такъ, що не зосталось у Козакивъ грошей ни въ кишени, ни зашытыхъ.

(Разсказывалъ одинъ старикъ въ Горсунѣ, Кіевск. губ.)

ВОЙНЫ ХМЕЛЬНИЦЬКАГО.

Хмельницькый первый пиднявъ гайдамакъ. Напысавъ такый лыстъ, що: „Гей! Хто до мене пристане?“ да й назбиравъ Козакивъ. Якъ назбиравъ, то й почавъ ризаты Ляхивъ и Жидову; а якъ побачыть було яку хорошу пани, або Жыдивку, то змилуецьця да й перехрыстыть у свою виру, и панивъ перехрыщувавъ. Отъ, якъ ставъ воёвать, якъ ставъ воёвать, то повоёвавъ Ляхивъ ажъ по Случъ, да загнавшы ихъ за Случъ, одиславъ військо до дому, а надъ Случчу поставывъ витряныи барабаны. Що подме витеръ, то Ляхы думаютъ, що у Козацькому війську въ трубы грають, да й бояцьця ихъ за Случь. А Хмельницькый тымъ часомъ бачыть, що багацько лыха наробывъ, да взявъ, да й полизъ до Короля прохаты мылосты. А Король наряджывъ одынадцять кативъ у королевське платьте, а самъ дванадцятый ставъ. Якъ прылизе Хмельницькый до якого ката, заразъ ёму голову одтять. Отъ же Хмельницкый не полизъ й до одного ката, да прямо до Короля. Прылизъ до ёго рачкы и впавъ у ногы. То Король пиднявъ ёго за голову, да й сказавъ: „Ой ты, сваволныку! Багацько ты невынныхъ душъ занапастывъ!“

А Хмельныцькый ёму: „Найяснійшый Королю! Я хотивъ бы добре робыть, але Козакы мене не слухають; я такъ хочу, а воны такъ, да й сваволять и всякыи пакосты роблять.“

То король ёго и одпустывъ.

Одъ того-то Хмелныцького пишла й Гайдамаччына. То була Хмельнычына, а описьля настала Гайдамаччына.

Хмельныцькый той бувъ такый, що зъ Туркомъ знавсь. Пидъйде було до Турка, да й продасть одынъ, другый городъ, або село. То Турки вже тіи села розорялы и ясыръ бралы. Медвидовку и Ташлыкъ два разы продававъ. А коло Смилои, кажуть, мымо саму греблю Туркы йшлы, але Смилои не займалы, бо не була продана. Есть и письня зъ того часу:

„Бодай Хмеля Хмельныцького перва куля не мынула,
Що веливъ браты дивкы, й парубкы, й молодыи молодыци!
Парубкы йдуть стреляючы, а дивчата спиваючы,
А молодыи молодыци старого Хмеля проклынаючы.“

А далже не знаю якъ.

(Разсказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смѣлой, Кіевск. губ.)

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Хмельныченко побусурманывшысь збывъ пушкою зъ горы Валка (въ 2 верстахъ отъ Суботова) верхъ зъ батькивськои церквы, хотячы довидатысь батькивськыхъ грошей, що, кажуть, булы замурованы на горыщи на церкви. Винъ бы то прыйшовъ за нымы й до Суботова, але боявся, бо тутъ стояло військо; то вже зъ злосты хотивъ розбыть церкву.

Хмельныченко жыве ще й доси. Нашы старыи чумакы розказувалы, що бачылы ёго въ горахъ на свои очи, и самъ винъ имъ казавъ, що „Я сынъ Хмельныцького“. Ёго ссе гадына и винъ страшно мучыцьця и буде мучытысь и блукаты помижъ горамы ажъ до Страшного Суду; а тогди вже Господь ёго простыть, що побусурманывсь и хотивъ розбыть батькивську церкву.

(Разсказывалъ Омелько Каплаухій, въ Суботовѣ.)

ЦАРЬ ПЕТРЪ И ПАЛІЙ.

Бувъ-то такый Мазепа, такый-то Гетьманъ, що й Царъ ёго батюшкою звавъ. А Кочубей да Искра довидалысь, що винъ хоче зъ Шведомъ быть на Восточнаго Царя, да й пишлы до Царя до Восточного: „Эй,—кажуть,—Царю Восточный! Хоче Мазепа на тебе быть.“ А Царъ, не понявъ виры: „Чы можна,—каже,—щобъ винъ на мене бывъ?“

Отъ же и въ письни спиваютъ:

„А Царъ,—каже,—виры не понявъ,
Да назадъ ихъ одиславъ.“

Тилькы що воны одишлы, ажъ бижыть гонець до Царя: „Становицьця,—каже,—на баталію, а то Мазепа бытыме на васъ!“

То Царъ тоди зумывся: „Бижы жъ,—каже,—чы не наженешь ихъ; бижы якъ можна, щобъ винъ ихъ не потратывъ.“

Колы жъ прыбижыть, ажъ имъ уже й головы одтято.

Ото якъ ставъ быть Мазепа на Царя, то Богъ знае, що й робыть. Ажъ на роздилъ на церкву постягувавъ у Батурыни пушкы, да бывъ. Такъ избывъ, що вже, каже Козакъ *, такъ наше військо завертилося, що пропадать да й тилько!

— Царъ бидкавцьця: „Чы нема—каже,—въ нашому царстви такого человика, щобъ знавъ, якъ одолить Мазепу? Нехай обзываетьця,—каже,—буду жаловать ёго.“

А одынъ старый Запорожець осмилывсь, да й каже: „Пійду я до Царя, да й скажу, що есть такый, Палій Семенъ (а первый Императоръ такый жорстокый бувъ, що тилько збрешы, то й голову зниме), да й пишовъ.

„А чого ты,—каже**—„Козаче, прышовъ?“

— „Прышовъ,—каже,—я, Царю, порадыть тебе, що есть у насъ такый чоловикъ, Семенъ Палій. Винъ одоліе Мазепу.“

А Царъ каже: „Нема Палія, страченый.“

— „Ни, Царю, жывъ, тилько на Сыбери.“

Отто послалы по ёго пошту таку огненну, що й птыця не злетыть. Прымчалы до Царя: „Эй,—каже,—Палію, Палію, Семене! Отъ царство втратымъ!“

А винъ каже: „Не бійсь, колы я зайду, то ще буде по нашому.“

Ото заразъ ёму йсты.

„Ни,—каже,—нехай задзвонять до службы Божои.

Теперъ,—каже,—давайте мыни коня!“

Пишовъ по стани, такъ не добере соби коня: струсне за грыву, то такъ и впаде. „Ни,—каже,—Царю, нема въ тебе такого коня.“

А Царь розгнивавсь: „Якъ-то нема? Я Царъ, да нема въ мене коня для тебе?“

„Нема,—каже,—Пустить мене въ Козацьке військо, то я соби выберу коня. Пійшовъ у Козацьке війско; гляне, ажъ ёго конемъ воду везуть. Винъ ажъ заплакавъ: „Я,—каже,—въ неволи, и кинь мій у неволи!“

Сивъ на коня, то кинь пидъ нымъ такъ якъ орелъ! „Теперъ,—каже,—пойдьмо, Царю, у Мазепыне військо, то почуешъ, що про тебе говорять.“

А Палій такый лыцаръ бувъ, що не вольшебствомъ, а Ангельскымъ чыномъ воёвавъ, такый, що йздыть по чужому війську, нихто

---

* Отъ котораго слышалъ это преданіе разскащикъ.

** Царь.

ёго и не бачыть; а якъ гляне кому въ вичи, то зроду не выдержыть.

Пойхалы, ажъ сыдять у намети троє: Мазепа, Шведъ и Турецькый баша, да й кажуть: „Оце забьемъ усе ёго військо, да й царство ёго на троё раздилымъ."

— „Бачъ,—каже, Царю, що говорять!"

Мазепа жъ и Турецькый баша не вбачылы Царя зъ Палієвъ, а Шведъ постерпгъ, що се щось не певне, да й выстрелывъ на Палія зъ рушныци. Такъ Палій обернувсь до Царя, да й каже: „Якъ бы не стара шкура, то бъ, може, й пробывъ бы! Вражый сынъ и се добрый!"

Идуть звидты уже, а Запорозьци сыдять, да въ карты гуляють, а Палій каже: „Здоровы, паны молодци! Чы будемъ быцьця, чы будемъ мырыцьця?"

А одынъ Запорожець каже: „Се Палій пойхавъ"!

„Де тобі, кажуть, у чорта той Палій тутъ буде"!

Колы жъ винъ уйхавъ у своє військо, да й клейноды свои выставывъ, такъ воны й похолонулы.

А Мазепа одъ Палія бувъ и навченъ*. Такъ Царъ каже: „Що жъ, Палію! Ты ёму нычого не зробышъ, бо й винъ одъ тебе навченъ."

—„Ни,—каже,—Царю, хочъ винъ и навченъ одъ мене, да я ёму не сказавъ усёи правды."

Отъ и взявъ заряжать пушкы навхрестъ: та туды, а та туды; та туды, а та туды. „Теперъ,—каже,—стреляйте, то не багато зостанецьця". Якъ ударылы жъ, то такъ якъ былына на пожарыщи зостанетьця, то такъ зъ того війська зосталось. Отъ и погналы Мазепу....

Такъ хотивъ Царъ за Мазепу усю Гетьманщыну выгубыть, да ото й каже Палію, якъ уже побылы Мазепу: „Ну, теперъ, Палію Семене, чого ты одъ мене хочешъ? Чы великого панства, чы злата, чы що"?

А винъ каже: „Що жъ, Царю! Я буду просыть тебе объ одну ричъ, подаруй мыни!"

„Що таке? Кажы!"

„Не плюндруй,—каже, Гетьманщыны."

„Ну,—каже,—добре, для тебе дарую".

(*Разсказывалъ Климъ Бѣликъ въ Кумейкахъ.*)

МАЗЕПА И ПАЛІЙ.

Мазепа боявся Палія, щобъ винъ ёго не звоёвавъ, да взявъ ёго да й замуровавъ у стовбъ, у такый, що тилько маленьке оконце, а то ввесь замурованый, и якъ хто подасть у те виконце шматокъ

* Народъ каждому своему *лыцарю* приписываетъ *Характерство*, т. е., чародѣйскую науку воевать. Въ словѣ *навченъ* здѣсь разумѣется наученъ характерству.

хлиба, то тилько винъ и жывъ. Отъ, замуровавшы Палія, и ставъ Мазепа воёвать зъ Царемъ. А тогди ще Московськои земли бувъ тилько одинъ рукавъ, да й годи; а се вже теперь такъ Государь розжывся: давъ Господь милосердный, що позавоёвувавъ соби и городивъ, и земель. А тогди Московськои земли було тилько такъ якъ на рукавъ. Отъ, зовсимъ уже Мазепа одоливає Царя. А Царъ якъ дочувсь, що въ такымъ и въ такымъ мистечку замурованъ у стовбъ Палій, заразъ послався такыхъ, що розруйновалы геть чысто той стовбъ. Отъ, якъ выпустылы Палія, то винъ ажъ тремтыть увесь, такъ ослабъ. То Царъ мусывъ прохаты у Мазепы на дванадцять день згоды, покы одхаявъ Палія; а якъ одхаявъ, то Палій сивъ на коня, да объйхавъ кругомъ Мазепыно військо, да якъ поставывъ оттакъ (показывая рукою) ратыще, то имъ здалось, що лисъ стоить. Отъ воны и почалы йхаты черезъ той лисъ, зхыляючысь, а Палієвы Козакы давай рубать имъ головы. А Мазепа постеригъ, що лихо, да якъ ударыть у тарабаны: „Гей, братци, втикайте, бо ще старый собака жывъ!“

(*Разсказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смълой, Кіевск. губ.*)

СТЕПАНЪ ПЛАХА *.

Ни, Панычу, не такъ вы розказуете; а се ось якъ було. У Мазепы родывся сынъ. Царъ Петро бувъ кумомъ. Отъ якъ уже булы на подпытку, то Петро и призвавъ до себе Козака *Степана Плаху*. А той Степанъ Плаха такый бувъ чоловикъ, що знавъ усе, що буде наперед за сто лѣтъ.—„Скажы,—каже,—Степане Плахо, що зо мною буде?“

—„А отъ що зъ тобою буде, Царю,—каже Плаха: черезъ трыдцять рикъ твій крыщенык воеватыме на тебе.“

—„Брешешъ, Степане,—каже Петро: Чы то можна, щобъ моє дытя пидняло на мене рукы?“

Да й звелівъ забыть Плаху въ кайданы и посадыть у темныцю, не подавать ёму ни пыты, ни исти, тилько рижокъ зъ табакою положыты биля ёго:—„Отъ же,—каже,—тоби, Степане, рижокъ табаку. Колы твоя правда, то ты въ темныци будешъ жыть трыдцять литъ одною табакою; а колы брехня, то згынешъ.“

Посадывъ, да й байдуже описьля на того Плаху. А Мазепенко тимъ часомъ росте, и скоро сповнылось ёму тридцять литъ, заразъ зибравъ свою ватагу, гайда въ степъ, да й забушовавъ!

---

* Это тотъ же самый Семенъ Палій,, переименованный народомъ, видно, по ошибкѣ. Мазепа является здѣсь Мазепенкомъ.

„Гей, каже, Царю, давай на погуляньє!“

Петро жахнувся. Знавъ, що ни якою сылою не одоліє.

Мазепенко бо сей такый бувъ ломусь, що поставывъ пушку на долони, да якъ стрелывъ изъ Быкова*, то досягнувъ ажъ у Остеръ и розбывъ у Остри церкву. И доси стоить та церква розбыта.

Узялы Цара Петра думкы, да гадкы; сумуе на столыци, не може жаднои рады прыложыты. Колы жъ, де взявсь старый салдатъ: — „А що,—каже,—Царю! Бачъ теперъ, що правду казавъ Степанъ Плаха.“

— „Якый Степанъ Плаха?“

— „Якый! А забувъ хрыстыны въ Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха тоби сказавъ, якъ у око влипывъ, що твій хрыщенык черезъ трыдцять рикъ воёватыме на тебе.“

То Петро ажъ за голову вхопывсь.—„Заразъ, заразъ выпустить ёго зъ темныци!“

Прышлы до Степана Царьскыи слугы, да якъ глянулы на ёго, то ажъ за серце ихъ заколупыло. На тому Степану Пласи вже тилько кожа да косты, увесь ажъ мохомъ обрисъ, и борода до пояса. Биля ёго рожокъ, але въ рыжку вже пусто. Якъ бы ще днемъ, або двома, Петро опизнывсь, то тилько бъ и бачылы Степана Плаху!

Отто заразъ розбылы на ёму кайданы, понеслы на носылкахъ до Петра, бо куды вже ёму самому ты! Прынеслы до Цара, то Царъ ажъ слёзамы вмывся.—„Просты.—каже,—мене, Степане, за твою обыду! Прышлось и мыни теперъ круто. Мазепенко гасае по степу, да зове на погуляньё.“

То Плаха тогди: „Все забуваю, да ще й зъ биды тебе вызволю. Дай тилько мыни выгуляцьця на волю!“

Отъ и пишовъ гулять. Пье день, пье другый, пье третій. И якъ выгулявся, то бере зъ собою одынадцять Козакивъ, а самъ дванадцятый, да й гайда въ степъ. Скоро забачывъ Мазепенкову ватагу, заразъ узявъ, да й объихавъ ій кругомъ. Якъ объихавъ, то Козакы Мазепенковы мовъ подурилы и сталы одынъ одного колоть да рубать. А Мазепенко навтикача, а Степанъ Плаха зъ Козакамы за нымъ: скоро настыгъ, заразъ ёго и проколовъ спысомъ. Але то бисова тваръ! Изожравъ одынъ спысъ, изожравъ другый, изожравъ третій, и такъ уси одынадцять спысывъ поивъ, да вже якъ ударывъ ёго Плаха своимъ дванадцятымъ, тогди вже ёму и капутъ. А потимъ узявъ Степанъ Плаха Мазепенка, зпалывъ, да й попелъ по степу розвіявъ. То оце въ памнять тому Пласи и ярмарокъ у насъ на Останьё.

Отъ за того-то вражого Мазепенка розгнивався дуже Царъ Петро на Вкраину. Заразъ шле указъ, щобъ рубылы въ пень увесь народъ.

Уже й шаблы повыймалы, щобъ рубать.

---

* Мѣстечко въ Переяславск. уѣздѣ.

А тутъ усюды у трубы, да въ шоломійки смутно, да жалибно выграваютъ, а по церквахъ молебни правлять, щобъ одвернувъ Господь гнивъ Царськый.

Ажъ ось шле Петро другый указъ: велитъ всимъ головы здыймать.

То вже й шабли поопускалы, але ще таки голивъ не здыймають. А тутъ усюды у трубы, да у шоломійки смутно, да жалибно выграваютъ, а по церквахъ молебни правлять, щобъ помыловавъ Господь невынныи душы.

Колы жъ шле Петро третій указъ: прощає ввесь народъ. Тогди вже всюды скоки да музыкы. Звеселывся ввесь людъ Хрыстіянскый.

(Доставилъ П. К. Чубинскій, а ему разсказывалъ поселянинъ на степу, около новой Басани, въ Переяславскомъ уѣздѣ.)

Примѣчаніе. Въ XVIII столѣтіи Польское государство простиралось на востокъ до западныхъ, означенныхъ теченіемъ Днѣпра, границъ Черниговской и Полтавской губерній и до рѣкъ: Тясмина, Выси, Кодыма и Синюхи. Всѣ пограничныя земли отъ Каменца Подольскаго до Крылова на Днѣпрѣ правительство Польское роздало во владѣніе вельможамъ, или ихъ родственникамъ за истинныя, или мнимыя заслуги, съ условіемъ, чтобъ владѣльцы поимѣвъ содержали на свой счетъ отряды кавалеріи или пѣхоты для защиты границъ. И такъ всякій помѣщикъ, сообразно съ своимъ могуществомъ, имѣлъ всегда въ своемъ имѣніи полкъ, сотню, или хоть десятокъ Козаковъ, набранныхъ изъ крестьянъ. Козаки эти назывались *надворными* или *городовыми* и составляли гарнизоны въ укрѣпленныхъ замкахъ, подъ присмотромъ, однако жъ, Польской шляхты. Не смотря на то, что Украинцы въ XVII вѣкѣ выгнали изъ Украины Католиковъ, въ XVIII вѣкѣ Католики опять были господствующимъ классомъ народа въ этой странѣ, ибо Россія не могла удержать за собою всѣхъ земель, отвоеванныхъ у Польши Козаками, и уступила Полякамъ всю Украину праваго берега Днѣпра, удержавъ за собою только Кіевъ. Долго усиливался гетманъ Дорошенко возсоединить обѣ стороны Днѣпра въ одну гетманщину, и хотя онъ палъ въ борьбѣ съ неблагопріятствовавшими ему обстоятельствами, хотя западная Украина нѣсколько разъ признана была Польскою провинціею, однако жъ Запорожцы никогда не оставляли своей идеи, идеи противодѣйствія господству пановъ и Католичества въ Украинѣ. По этому, не смотря на трактаты между Россіею и Польшею, всякой *ватажко* Запорожскій считалъ добрымъ дѣломъ пробраться въ Польскую Украину, напасть на дворъ какого-нибудь пана, вырѣзать все Польское, Католическое и Жидовское и награбить при этомъ всякаго добра, чтобъ, возвратясь въ свои степы, погулять на славу съ Козаками. Такъ какъ паны отдавали свои села въ аренду Жидамъ и мелкой Шляхтѣ, старавшимся всѣми мѣрами выжать изъ крестьянъ побольше доходу, или же управляли своими имѣніями посредствомъ губернаторовъ (управителей), экономовъ, лѣсничихъ и т. п., все Шляхтичей, позволявшихъ себѣ всякія наглости съ крестьянами для своего обогащенія, то господство ихъ поселяло къ нимъ глубокую вражду въ Украинцахъ. Къ этому присоединялось еще насильственное введеніе Поляками въ Украинѣ Уніи. И потому Запорожскіе выходцы, извѣстные вообще подъ именемъ *Гайдамакъ*, всегда имѣли межъ крестьянами своихъ сторонниковъ, а иногда присоединялись къ Гайдамакамъ и надворные или городовые Козаки. Набѣги Гайдамакъ продолжались отъ конца XVII почти до конца XVIII вѣка въ большемъ или меньшемъ объемѣ. Часто цѣлыя поколѣнія пановъ Католиковъ погибали подъ ихъ ударами въ одну ночь, а дворы ихъ превращались въ кучу пепла. Но самая кровавая драма разыграна была Гайдамаками въ западной Украинѣ 1768

года. Она-то называется *Коліивщиною*, и къ ней относится значительная часть помѣщенныхъ въ этой книжкѣ преданій. Только помощь, поданная Польшѣ противъ Гайдамакъ Россіею, спасла тогда Поляковъ отъ совершеннаго истребленія ихъ во всѣхъ провинціяхъ, населенныхъ Южнорусскимъ народомъ.

ЧУПРЫНА И ЧОРТОУСЪ.

(Вольный переводъ съ Польскаго рукописнаго мемуара.)

Початокъ Гайдамаччыны, зъ якыхъ часивъ вона ведецьця, Богъ, святый знае. Чувавъ я, що ище и за батькивъ, и за дидивъ нашыхъ завжде показувалысь на Вкраини, да й на Подолю, Гайдамакы. А бралысь воны усе зъ Спчы. Знаете, на Спчъ утикае було всяка погань: хто або прошпетыцьця въ чомъ небудь, або вбье кого, да боиться, щобъ и самому на лобъ очей не поставылы, то все тее бигло на Запорожьжя. А знаючы уси входы и выходы, уси стежкы, а часомъ и мстючысь на якого пана, прыде туды, да: „Ходимо, брацьця, на Вкраину! Я вамъ покажу, *де зимуютъ раки.*“

Ну, а тіи *до сего торгу и пишкы.* Заразъ зберецьця ихъ десяткивъ або и сотень скилько, выберуть соби ватажку, характерныка такого, що вже ёго хыба срибна куля визьме, да такъ якъ вовкы пидъ село, такъ воны було тыхо пидберуцьця на Вкраину. Де байракъ глухый такый, що ни звиръ, ни птыця не знае, де хуторокъ або пасика стоить на одшыби, тамъ воны переднюють, а въ ночи якъ смыкнуть, то мыль десятка якъ не було. Эге!

А війська, знаете, тогди у Ляхивъ на Вкраини не дуже товсто було: де-негде команда та паршыва дере крупы, да латае чоботы по замочкамъ. То воны похозяйствують у панивъ, да въ Жыдивъ, якъ у себе въ господи, навьючать усякымъ добромъ батовню коней, да й гайда назадъ! Покажуцьця и зслызнуть такъ жыво, якъ нибы во сни прыснылось: тилько й знаку, що въ Ляхивъ, да въ Жыдовы скрыни пустыи, да въ иншого душы въ тили нема. Отакіи-то булы тіи затязьци!

Рыдко, рыдко колы удавалось жовнирству застукаты ихъ саме на хазяйстви, хыба здрадою. А то було прыбижыть корогва гусаріи, чы рейтаръ на чутку, що *Гайдамакы деруть*, да поличыть тилько слиды одъ пидкивъ на иляху, да зъ тымъ и вернецьця, Але вже якъ и застукають, то и имъ, сердечнымъ, добре було достаецьця.

Довелось и мыни буть разивъ зо два у тій справи. Ото разъ стоялы мы въ Полоннимъ, замку у князя Любомырського. Ажъ ось, саме увъ обидню годыну, якъ мы, выпывшы по чарци, тилько що взялысь за ложкы, летыть гонець. Кинь пидъ нымъ ажъ хытаецьця, а низдры роздуло ёму якъ рижокъ. Заразъ ёго, такъ якъ бувъ, у грязи и въ пылу, передъ Князя.

— „Що таке?“

— „Гайдамакы на Подолю. Просыть лыментаръ Подольскый посылку, бо самы нычого не вдіють.“

— „А багацько жъ ихъ?“

— „Сто кильканадцять чоловика.“

— „Добре. Завтра самъ зъ військомъ рушу.“

Заразъ ёму другого коня и выправылы назадъ.

Отъ, мы вже тогди годи вылежуватысь на сонци, а давай лагодытысь у походъ: перечыщать самопалы, споряжать кульбакы, патронташы, уюки. Назавтра, скоро свитъ, зайграно въ трубы, и рушылы зъ замку. Пихоту й гарматы везлы пидводамы. Третёго дня сталы й коло Ялтушковъ, де Гайдамакы обсиклысь у лису. Ото сталы въ ряды. Панъ лыментаръ пріихавъ, подывывсь. — Ну, теперь оддыхайте, да будьте готовы йа ничъ. Треба добре пылноваты, а то выскочать зъ рукъ, якъ мыло въ воду.

Ото одночывшы, якъ наставъ вечиръ, пылнуёмо мы. Кругомъ лису поставлено мужыкивъ кильке тысячъ зъ ципами, а декоторы и зъ рушныцямы; а за нымы, одступывшы ступеней сто, чы бильшъ, стало військо: те, що прышло зъ самымъ лыментаремъ, своимъ чередомъ, а наше своимъ чередомъ, а було всихъ тысячъ зо дви, и гусары, и панцырныкы, и пихота,—чого тамъ не було! И вси на ту жменю тыхъ гольтипакъ.

Сыдымъ мы, огни скризь розложылы, балакаємъ де-що, але все тыхо, бо заказано було одъ старшыны, щобъ, Боже бороны, якого гвалту, а щобъ добре чувалы. Я ще тогди бувъ молодый, не знавъ ще, що то за Гайдамакы; то дывно мыни стало, що таке військо на ныхъ зобрано. Отъ и пытаю у одного старого гусарына, що вже ёму усы рослы, рослы, да ажъ за ухо закрутылысь. — Що оце, дядюшка, – кажу,—за дыво таке си Гайдамакы, що ось на ныхъ уси ко рогвы стяглыся?“

— „Эге,—каже,– а ты, хлопку, ще не знаєшъ, що то за звирята? Колы бъ у жадного зъ насъ було по десять рукъ, то ще на ихъ мало, бо тіи галганы обороняюцьця мовъ скаженыи. Воны знають, що вже имъ помилованія не буде; то кыдаюцьця на людей, якъ ироды, и часомъ пробыюцьця скризь цилый повкъ, не то самы, а и зъ усією добыччу. Ось завтра побачышъ, якъ воны повбираны. Се въ насъ такъ спорядылысь, бо зъ Сичы попрыходылы въ одныхъ лоёвыхъ сорочкахъ, да въ телячыхъ шароварахъ.“

— „А якый же,—кажу,—ватажко теперъ имы доводыть?“

Каже: — „*Иванъ Чупрына.* Пятнадцять разъ уже выходыть винъ на добычу; разивъ скилько пробывавсь скризь нашыхъ жовнирывъ, да вже теперъ, здаєцьця, дамо мы ёму перцю.“

Отакъ мынула и ничъ. Стало на зорю займатысь. Колы жъ по той бикъ лису, де стояла пихота, самопалы — пукъ! пукъ! перше зрыдка, а дали разъ по разъ. А тутъ зъ гарматы — гу! пишла грукотня по лису. Дерево трещыть, да падае. Крыкъ, гамъ! Гарматы ревуть, а луна по ранній роси такъ и розлягаєцьця.

Наши заразъ на коней, а мужыкы злякавшысь навтикача. А мы тилько рушылы ихъ перейматы, ажъ тутъ изъ лису душъ сорокъ Гайдамакъ, вси въ кармазыни, да въ блаватасахъ, такыи гетьманы выскочылы, що ажъ очыма на ихъ не зглянешъ, и коней навьюченыхъ зъ двадцятеро зъ собою ведуть. Выскочылы, да якъ ударять зразу на чотыри корогвы Волоськыи, що стоялы спереду, такъ ихъ и розидралы на дви часты. И отъ якъ бачышъ, часомъ блыскавка зъ грому впаде на дуба, або на густу да стару сосну, да якъ розчахне ии одъ верху до нызу, то одно гильлє на сей бикъ, а друге на той бикъ важко впаде и затрещыть: оттакъ тіи Гайдамакы розвалылы велыку купу Волохивъ, а самы, якъ весною огонь по сухымъ очеретамъ, такъ и понеслысь, такъ и понеслысь по полю, ажъ поле закрасылы. А Волохы якъ сунулысь на компутовыхъ, а тутъ ще й мужыкы побиглы, куды хто втрапывъ, то все такъ змишалось, якъ каша, що вже чортъ бы й найшовъ свою лаву; вертысься кругомъ, язъ коза въ череди, да й годи. Описьля вже декоторыи опамятались и побиглы за нымы, але *въ пустый слидъ, хочъ тупыцею* Гайдамакы вже за селомъ, а село за нымы до неба палає.

Але тимъ, що булы на другимъ киньци лису, выпала инша доля. Ще, кажуть, зъ вечора ватажко Иванъ Чупрына, гріючысь коло багатьтя, постеригъ, що вся нужа зъ сорочкы зибралась ёму до ковнира, да й каже: — „Отеперъ же, панове, буде намъ лыхо зъ вражымы Ляхамы! Бачыте, якъ уся нужа зибралась мыни до ковнира!“

То вже Гайдамакы, почувшы сев, повисылы носы и запысалы соби пропало. Але Запорожець не такъ пропадає, якъ простый человикъ. У нихъ вовча натура: уміє добре шарпаты, уміє жъ и вмерты, не скиглячы дармо. Отаманъ и каже: „Роздилимось же, панове, на три батовы; то кому-небудь да поможе Господь выскочыть зъ западни, а въ купи вси пропадемо. Чекайте, каже, мого гасла зъ пистолета. А якъ почуєте гасло, заразъ два разы зъ янчарокъ на Ляхивъ грукнить, да й зъ Богомъ на проломъ!“

Отъ, якъ стало займацьця на зорю, то впнъ и полизъ рачкы на край лису, щобъ подывытысь, що Ляхы роблять. А зъ нымъ порачковало зъ десятокъ молодцивъ, и зачепысь одынъ лизучы рушыцею за гольлючку! Рушныця—бехъ! а на те хвальшыве гасло по лису трахъ! трахъ! пишла гуркотня! Пихота наша заразъ до лису, да зъ самопаливъ и затопыла. Чупрына лигъ, кажуть, одъ первои кули, а Гайдамакы ще не вспилы впасты на коней и потрапыть до ладу, а тутъ ще й ватажка немає! Збылысь воны зовсимъ зъ пантелыку! Одначе жваво вражы сыны боронылысь: убылы пидповковныка Ляцького, скилькось охвыцеривъ и зъ сотню рейтаръ. Але и имъ добре було: разъ то, що стрельба кругомъ, а тутъ зъ гарматъ що ревнуть, то дерево по поламъ, або и все въ скипкы розскочыцьця и падає на ныхъ. Жарко було дуже сиромахамъ. Выбыто ихъ мало не всихъ, а решту пораненыхъ и постриляныхъ забрато въ плинъ. Найшлы самого Чупрыну мертвого. Здорова да гладка шельма! Лежыть выервувшысь, якъ быкъ, що довго ривъ пидъ ризныцькою довбнею и завдававъ усимъ страху, а дали такы, хочъ якый дужый бувъ, упавъ, сер-

дечный, и землю глыбоко вдавывъ; лежыть, якъ гора, и на мертвого ще страшно дывытысь. Оттакъ же й той Чупрына, велыкый да страшный, лежавъ у пышныхъ кармазынахъ рядомъ зъ старымъ дубомъ, що звалено гарматою. А бронь пры ёму, и на кони збруя така, що несчысленны грошы коштуе: Срибло да золото, да робота, робота жъ така, що ажъ очы бере! На обохъ рукахъ у ёго дорогыхъ перстнивъ, по кышенямъ золотыхъ дзыгаркивъ скилько, и грошей, то и зличыты не можна. Да и на всихъ Гайдамакахъ, и коло самыхъ, и коло коней, знайдено срибла, золота и всякыхъ дорогыхъ матерій на великыи тысячы. Усе те подилылы мижъ собою жовниры и лейстровы Козакы. Доставсь и мыни ригъ зъ порохомъ у срибній оправи, да ладовныця подъ срибною бляхою. Але все те якъ прышло, такъ и пишло: пропало въ Уманську руину. Ото подилывшысь добыччу, раненыхъ одиславлы у Каменецъ на втрату, а мертвыхъ закопалы въ Ялтушовському такы лиси, надъ шляхомъ, и могылу надъ нымы насыпалы высоку.

Ото була перва моя справа зъ Гайдамакамы. А зновъ рокивъ черезъ два пишла по Вкраини поголоска, що зза Сынюхы ричкы вышла добра купа Гайдамакъ зъ ватажкою *Чортовуса*, да прошла ажъ на Подильля, награбовала срибла, золота и всякого добра скилько уюковыи кони знесуть, и повертае назадъ лисамы да байракамы. Але нихто не знавъ, де саме воны теперъ и въ якому мисьци выткнуцьця на степу изъ лису.

Тревога зробылась усюды така, що Боже твоя воля! Не було иншои розмовы, якъ про Гайдамакъ Оце сёгодни почуешъ, що тамъ и тамъ спалылы пана зъ панією и зъ диткамы, а завтра, що напалы на кляшторъ и всихъ ченцивъ Кателыцькыхъ выризалы. Той каже, що бачывъ людей якыхсь чудныхъ; а той, що въ однимъ шынку наткнувсь на самого Чортовуса: сыдыть за столомъ въ червонимъ жупани, рукы по локоть закачаны, по кармазыновымъ рукавамъ чорна кровъ Жыдивська стикае; кружае видромъ горилку и никого не боицьця, бо вмie такъ робить, що оце е, а схоче, то й нема. Що день, то все страшнiйшыи слухы: сёгодни скажуть, що въ ёго тры сотни молодцивъ, а завтра тры тысячи. По дорогахъ знай товчецьця Жыдова зъ усимъ збожемъ; утикають то до замочкивъ, то до мистечокъ. Выславъ Князь Любомырськый зъ Полонного двохъ, чы трёхъ, Жыдивъ на розвидыны, обищавъ велыку плату, але Жыдова такъ боялась Гайдамацькыхъ лапъ, що повертилась трохы поза мистечкомъ, да й вернулась ни зъ чымъ. Тогди прызываe Князь мене, да Ласуна, да Гладкого, да ще Лободу. — „А що, — каже,— Козакы! Чы послужыте вы мыни по вири й по правди?“

— „Послужымъ, — кажемо,—мылостывый Князю и батьку.“

— „Отъ же, — каже, — вамъ по десять червинцивъ на дорогу. Идьте и прывезите мыни певну звистку, де Гайдамакы и скилько ихъ.“

Взялы мы, поклонылысь и попхалы вси четверо иншымы шляхамы. Довго бывся я по пущахъ и бездорожьяхъ, ажъ покы прыбывсь до одного хутора. Лисъ кругомъ густый такый, що тилько небо да землю выдно, а хатынка стоить однымъ одна, и на бикъ уже

похылылась, и въ землю вросла, а солома на ій уся одъ моху, да одъ бурьяну ажъ зазеленила. Ни дорогы, ни стежкы до тіи хаткы нема; тилько поузъ самый прычилокъ тече навелычкый рывчакъ. Думаю соби: выдно жъ тутъ нема никого! Колы жъ дывлюсь, ажъ пидъ повиткою за хатою сыдыть дидъ, сывый, сывый! Бровы ёму понавысалы ажъ на очи, а борода до пояса. Сыдыть и струже стругомъ держано на ратыще, а биля ёго пидъ повиткою стоить зъ десятокъ ратовыщъ зовсимъ готовыхъ. Отъ я, злизшы зъ коня, прышовъ до ёго; а винъ мене и не бачыть, що я йду: струже соби, да бурчыть щось. Я прышовъ такы блызенько, да и ставъ: послухаю, що винъ бурчыть. Колы жъ чую, що то винъ письню старосвицьку хоче спиваты, да вже голосъ ёму дрыжыть и не выведе, тилько муркоче:

„Перебійнисъ просыть немного, трохъ Козаченькивъ за собою,
Рубає мечемъ головы зъ плечей, а решту топыть водою:
Ой пыйте, Ляхы, воды калюжы болотяныя,
А що пывалы по тій Украини меды, да вына сытныя!“

— „Здоровъ,—кажу,—дидусю!“

— „Здоровъ,—каже,—здоровъ, дытя мое!“ да й не дывыцьця такы на мене.

Я думаю соби, якъ бы тутъ зъ нымъ заговорыты, да й мовчу. А винъ тогди пиднявъ свои важки билыи бровы, да глядь на мене: — „Э,—каже! — А що ты за чоловикъ?“

— „Оттакъ,—кажу,—якъ бачъ, чоловикъ хрыщеный, волочусь безъ талану.

— „А чы наша вира?“

— „Наша“—кажу.“

— „Чого жъ тоби, сынку, треба?“

— „Треба,—кажу,—мыни напередъ усёго попопсты.“

— „Правда,—каже,—сынку, правда. Попереду треба нагодовать чоловика, а тогди вже й роспытуй.“

Заразъ пишовъ, несе мыни хлиба, сала, меду, бо и пасичка въ ёго тутъ невелычка загорожена. Попопившы, я кажу ёму, що хотилы нибы мене Ляхы повисыты за те, що я згубывъ пеській дзыгарокъ, а я втикъ, да хочу пристать до Гайдамакъ, тилько горе мое, що не знаю, де ихъ знайты.

Винъ тогди мыни и каже: — „Добре, сынку. Йдь же отуды и туды, мымо такого й такого дуба, то тамъ ихъ и знайдешъ на урочыщи *Обозовыщи.*

А самъ зновъ спвъ, да й почавъ стругать ратыще.

Попхавъ я, ажъ такъ: у яру попидъ густымы дубамы кони ходять и жупаны червоніють де-не-где. Прыпхавъ я ближче, ажъ стоить пидъ дубомъ Козакъ зъ ратыщемъ на варти. Я заразъ по Запорозькій: —„*Пугу!*“

А винъ мыни: — „*Пугу, пугу!*“

А я знову:—„*Козакъ зъ Лугу!*“

— „А де той Козакъ зъ Лугу?“ крыкнувъ хтось товсто изъ лису: — „А йдь лышень сюды!“

Я й и́ду. Дывлюсь, ажъ супротывъ мене и́де здоровенный Запорожець зъ усыма, що я ще зъ роду не бачывъ: чорны, чорны, да довгы, да роскошны такы, що ажъ вылыскуюцьця. Жупанъ на ёму шовковый червоный, ажъ свитыцьця, якъ огонь; шапка червона схылыста, поясъ золотый, за поясомъ пистолеты, пры боку шабля, кульбака; и стремена все те въ щырымъ золоти, ажъ горыть. А кинь пидъ нымъ пречудовной уроды: биłый якъ лебедь, такъ и одбываѥ одъ зеленого лысу и травы, ты бъ сказавъ, що й земли не доторкаѥцьця. Знявъ я шапку и поклонывсь ажъ до кинськои грывы; забувъ, що то й Гайдамака; такъ бы, здаѥцьця, взявъ, да й пидославъ ёму душу пидъ ногы: стою передъ нымъ, якъ передъ гетьманомъ, або передъ королемъ.

— „А що,—каже,—брате! Чы наша впра?“

„Наша,—кажу,—вельможный пане.“

— „А ну, перекрестысь!“

Перехрыстывсь.

— „Ну, и́дьже,—каже,—соби до куреня!“

Прыи́хавъ я, ажъ той курень увесь обсыпанъ валомъ. Впущено мене черезъ ривъ у ворота. Якъ уихавъ я, да якъ гляну, то въ мене й въ очахъ зарябило. Повно Козакивъ, да вси жъ то повбираны такъ, що й не розказаты: кармазынъ коло кармазына, срибло коло срибла, золото коло золота. Такъ якъ отъ, часомъ, зимою зайдешъ у вынныцю, да присядешъ коло печи погрицьця, да подывысься, що тамъ у тій печи робыцьця того жару: и красне, и жовте, и сыне, горыть, ходыть, мыгтыть и мріе, ажъ нибы ворушыцьця все: такъ у тимъ табори ходылы одынъ поузъ одного Гайдамакы; той у червоному, той у жовтому, той у блакытному; а золото на ихъ якъ огонь сяе, що й очыма не зглянешъ. На сылу я трохы освоивсь, що вже не такъ дыко мынi мижъ нымы стало. Поставывъ свого коня до яселъ. Пихто въ мене не пытаѥ, що я за чоловикъ. Слоняюсь я помижъ нымы якъ дома. Дывлюсь, ажъ Ласунъ уже тутъ. Ходыть, заложывшы рукы за поясъ, тилько вылётамы помахуе. Зъ старшыною вже за панибрата, а мене буцимъ и не бачыть; тилько погладывъ уса, да бровою моргнувъ, подывывшыся на мене зъ убоча.

Колы жъ на другый день прыи́жжаѥ и Лобода зъ Гладкымъ. Попрыбиралысь мужыкамы и прывелы нибы-то коней продавать. Ласунъ самъ и торговавъ у ихъ и могорычъ изъ нымы пывъ, да нышкомъ и сказавъ, що Чортовусъ жде, покы постягаюцьця ёго чаты, бо теперь ще тилько дви чаты зiйшлось, а ще дви злучацьця зъ нымъ у *Мазепынiй Могыли*, що завтра мы туды рушымъ, то щобъ Князь бувъ готовъ и державъ ногу въ стремена а зъ насъ або Ласунъ, або я, дамо дропака и Князю дорогу покажемъ.

Выправылы тыхъ коноводывъ, а самы другого дня пишлы у Мазепыну Могылу. А та Мазепына Могыла да есть то островъ увесь у бору, а кругомъ таке грузьке багно, що ни чоловикъ, ни кинь,

ни собака не перебрыде. И на той островъ черезъ багна высыпано тры гребли.

• Не заборомъ надійшла ще одна чата зъ великою добыччу. Отъ, якъ зробывсь пидъ той часъ галасъ и кружатына въ табори, то я улучывъ счаслыву годыну, да на коня, да драла. Прыбигъ о пивночи у Полонне пидъ замокъ, пидъ *Кіевську* браму, стукнувъ, — не пускаютъ мене, бо не пизналы: жупанъ на мыни перловый, гудзыкы рубыновы, поясь лытый, шапка соболёва, да насылу вже впустылы. Заразъ мене до Князя. Такъ и такъ, мылостывый Князю; ще тилько одныи чаты дочекаюцьця, да й рушать пидъ Константыновъ бо чуюцьця на сылахъ. Треба поспрашаты, щобъ не выпустыть ихъ изъ того острова.

Зазаръ усе військо на коней, а пихота на пидводы, забралы гарматы й порохы, поихалы. А я конемъ попереду, дорогу показую. Було то полёваньне на страшного звиря, що и очы, и ушы, и чутье добре мае, а ще луччыи пихти. Заказано пидъ велыкою карою, щобъ нихто не говорывъ и люлькы не курывъ.

Звернулы зъ шляху, потягнулысь лисомъ, мовчкы, тыхо, тилько колы-неколы колесо гарматне чы возове стукне, найхавшы на корень, або трисне суха гольлюка. Ишлы день и ничъ зъ малымъ одпочынкомъ, а дали влизлы у таку гущыну, у такы трущобы, вертепы и выбои, що ледви, ледви вытягалы возы и гарматы зъ того ковтуна. А тутъ ничъ темна така, що тилько навманы вгадуешъ дорогу. Але такы, благодарыть Бога, вышлы безъ прыгоды зъ тіи гущыны и выбралысь на рядкый биръ. Я злизъ зъ коня, да зъ радощы ажъ землю поциловавъ.

Ото жъ скоро вже дійшлы мы й до того пасичныка, що ратыща струже. Обскочылы его кругомъ и взялы въ свои рукы. А винъ тилько подывывсь, пиднявшы вгору бровы, да сказавъ: „Отъ же вражы Ляхы такы пронюхалы, а потимъ зновъ насупывсь, да й байдуже: знае вже, що такъ не сёгодни, такъ завтра смерть. Але такый же старый да сывый бувъ той пасичныкъ, що нихто его не бывъ и не лаявъ. Посадылы его на визъ, ще й сина пидмостылы, да й поихалы до Мазепыной Могылы.

Переночовалы въ невелычкимъ сельци. А вранъци позганялы мужыкивъ изъ околыць зъ раламы и зъ сокырамы. Було ихъ душъ, мабуть, зъ тысячу. Рушылы далше и въ ночи пришлы до якогось урочыща. Тамъ, выдно, була колысь давно таборщына, бо лису на килько гоней вырубано и позоставалысь валы и ровы. Усовитовавъ тутъ одынъ Козакъ перегодыть, ажъ покы на неби зайдутъ Козаре. А небо було чысте якъ хустка и скризь зорямы заискрено. Але Князь боявсь, щобъ Гайдамакы тымъ часомъ насъ не довидалысь.—„Не бійтесь,—каже,—нихто сюды не прыйде, бо кажутъ, що се мисьце закляте; тутъ, кажуть, по ночамъ видьмы да упыры выграваютъ свои штукы, зъ того-то воно и зовецься *Куцого чорта слобода*.“

Ото якъ переждалы годынъ зо тры, то почалы зныкаты зъ неба зори, а на неби красныи плямы одъ багатьтя, що горило въ Гай-

дамацькимъ табори. Рушылы мы тыхо и прышедшы до самыхъ гребель, порозставлялы передъ кожною греблею по шесты гарматъ, и ровы передъ гарматамы повыкопувалы, а округы гарматъ пихота стала. Мужыкивъ зъ сокырамы розставлено кругомъ попидъ соснамы, и скоро гукнуть по разу гарматы, заразъ щобъ рубалы сосны. А решту пихоты порозставлялы зъ рушныцямы понадъ багномъ, щобъ стрелять хто выткнецьця зъ лису.

Почало вже сирить. Сердечныи гулякы сплять соби, и не сныцьця имъ, що вже ихъ поймано въ матню. Ажъ ось, заразъ изъ самои бильшои гребли шисть гарматъ бубухъ! а зъ другои гребли увъ одвитъ—гу! а зъ третёи зновъ—гу! Затрещалы и загулы по лису сосны; а тутъ въ разъ застукало тысяча сокыръ объ дерево. Ой не весело жъ було Сичовымъ молодцямъ просыпатысь пидъ такый гукъ и трескотъ! Утыхлы гарматы, давшы по два разы огню; пересталы й сокыры. Я взявъ морську трубу и закрычавъ: „Здайтесь на ласку панську, бо обгорнуты кругомъ!“

Жадного одвиту. Тыхо, тилько дымъ курыть понадъ багнамы, пидіймаючысь въ гору. Ажъ ось на гребли затупоталы кони и крыкъ: „Гоны! Ловы! Постой, Кырыло!“ и покы пихота дала огню, якъ ось, летыть бисомъ щось на кони и прямо помижъ гарматы! Тилько тогди позналы Ласуна. Погоня Гайдамацька завернулась, бо жарко повіяла пихота съ самопаливъ; чоловикъ зъ десятокъ покотылось зъ кульбакъ.

Отъ, и день развыднився. Окрыкнувъ я тры разы ихъ, щобъ здавалысь. Ажъ за третимъ разомъ гукнулы зъ лису, добре потчуючы и насъ и нашыхъ матерокъ. Зновъ загурколалы гарматы, затрещавъ лисъ, застукалы сокыры. Годынъ за тры поробылы кругомъ багна засикы, а соснамы завалылы кругомъ Гайдамацькій таборъ и самыхъ надушылы гыбель. Пробовалы сердегы одстрелюватысь, повылазывшы на сосны, а наша пихота соби брала ихъ на циль; але багно було дуже шыроке, то не багато воны намъ шкодылы.

Отакъ и день цилый пройшовъ. Стукъ да гримъ, да курява понадъ лисомъ. А якъ стемнило, усовитовавъ Ласунъ поробыть тайно на гребляхъ завалы зъ гильлюкъ, пенькивъ, кильля и хворосту, щобъ кинно черезъ ныхъ перебратысь нельзя; бо запевне знавъ, що Гайдамакы пійдуть проломомъ. Здався намъ на добро ёго совитъ, бо справди Чортовусъ, роздилывшы свою ватагу на тры купы, смыслывъ ударыть разомъ трома греблямы и прочыстыть соби дорогу.

Чатовалы мы всю ничъ пидъ оружемъ, прыслухалысь до всякого шелесту. Якъ ось о пивночи затупотилы кони, перше глухо, а дали все чутнійшъ, якъ сталы пидходыть до гребли, а нарешти загула гребля одъ чвалу копытъ, а Гайдамакы загукалы: „Нуте, брацьця, *або добути, або дома не бути!*“ и прыпустылы на взводы. Дання имъ зблызытысь, щобъ зтягнуть усихъ на греблю, а потимъ гу! заревлы гарматы. Отогди вже зробылось правдыве пекло. Що мынута, то й гукнуть гарматы не зъ того, такъ зъ того боку. А пораненыи крычать, кони иржуть да бьюцьця помижъ понавалюванымъ

гильлємъ, дерево скризь трещыть да падає, а по бору луна такъ и розлягаєцьця А ничъ же то темна, темна! Тилько разъ по разъ сяє красный огонь зъ гарматъ. Сяйне, окаже кругомъ людей, коней, блыскучу збрую и рудый дымъ клубамы зверху, да зновъ и погасне, тилько реве да стогне кругомъ у темноти. Правдыве було пекло! Цилу ничъ стрелялы пушкари, мовъ завязавши очи; тилько чулы, що на гребли ворочаецьця все и кыпыть якъ у казани. А якъ розвыднило, тогди тилько побачылы, яке лыхо сталось Гайдамакамъ. Думалы пробыцьця, сиромахы, черезъ греблю и, позабывавшысь въ завалы, пропалы тамъ якъ бжолы въ боцьци пидъ пасичною довбешкою. Якъ бжолы карабкаюцьця, тонуть и вязнуть у густій патоци, колы пасичныкъ выверне въ бочку важкыи да повныи забоцни, такъ воны, сердегы, вязлы помижъ гильлямъ и тонулы въ багнахъ. Лежало ихъ гыбель. Ажъ жаль було дывыцьця. Народъ усе здоровый да роскошный, и кони добры; да все жъ то те пороздырано картечамы и покривавлено. Лежать, бидахы, повывертавшысь, густо, якъ снопы на хорошій ныви. Якъ молотныкы, вставшы зрана, стануть у два ряды на довгому току, и спирно бьють дубовымы ципамы снипъ за снопомъ, ажъ покы разлетыцьця увесь соломою: такъ ихъ порозбывано картечамы, пороздырано чугуннымы кулямы на шматкы и перемишано зъ потрощенымы гильлюкамы и колодамы. На велыкій гребли, у завали, знайшлы й самого Чертовуса на колоди. Пыць лежавъ, сердечный, головою на колоди, роскыдавшы крыжемъ рукы; а усы, мовъ дви чорныи гадыны, ростяглысь по колоди, у крови уси, дай позасыхалы. Картеча вдарыла сиромаху саме въ груды и выскочыла въ спыну, роспоровшы пышный кармазынъ. Кровъ изъ раны потекла и по всёму жупану, и по золотому поясу, залыла й дорогого билого коня, що лежавъ пидъ нымъ забытый. Шаблю пры Чортовусу и оруже найшлы пречудовне, але нихто бъ не зхотивъ ёго носыты, бо Чортовусъ бувъ, кажуть, чаривныкъ и все те наговорено чарамы да прымхою. Одынъ Князь Любомырськый не боявсь ни якыхъ чаръ и взявъ соби ту шаблю и зброю. Пораненыхъ душъ тридцять забралы и повезлы до Полонного на зтрату, добычу подилылы помижъ військомъ, а трупы четвертовалы и розставлялы на паляхъ по селахъ и шляхахъ, але зъ того бильшъ було людямъ обрыдлывосты нижъ постраху.

Ото и друга наша справа. Се діялось куды ще до Коліивщыны!

ШЕЛЕСТЪ, ЛУСКОНИГЪ, ГНЫДА И ЗАЛИЗНЯКЪ.

Росказує було покійный нашъ Гладкый, що Гайдамакъ зъ самого початку прышло изъ Сичи въ Мотренынъ манастыръ тилько тры, нибы то на поклоненіє. И такъ соби нибы никчемный народъ,

вахлан такый; ходять було схылывшысь. Одынъ же пишовъ у Лебединськый манастыръ. Звався *Демянъ Гыда*. А другый, на прозвыще *Лускопигъ*, пишовъ у Моженськый манастыръ; а третій, *Шелестъ*, зостався тутъ у Мотреныному за послушныка. Жыве, каже, годивъ зо два .и все робыть ратыща, скуповуе жупаны, шаровары, шапкы, чоботы. То якъ хто спытае:" „На що се, брате?"—„Се,—каже,—подамъ у Сичъ гостыньця, бо тамъ усе тее дороге, а народъ знай прыбуваe, то трудно на одежу."

Мы жъ тому й вирымъ, думаемъ, що справды то винъ хоче податы у Сичъ гостыньця. Коли жъ иду, каже, я разъ до церквы у Мотренымъ манастыри, ажъ винъ, той Шелестъ, стоить на стезьци, саме на *Спасовимъ Яру*, и вже въ жупани. Бо перше було ходыть у невирненькій свытоцьци, а теперъ вже,—каже,—ёму жупанъ, сыни штаны, шапка добра, шабля прыпасана, за поясомъ пистолеты, — есть все чысто. „Здоровъ,—каже,—брате Антоне!"

— „Здоровъ!"

— „Прыставай,—каже,—у Козакы."

А я кажу—„Що жъ? У мене й батько, й маты, й браты есть, то будуть мене лаять."

—„Да прыставай—каже—у насъ буде добре, въ насъ такъ буде, въ насъ такъ буде. Мы, покы вику, Козакы Козакамы будемо."

„А мини страшно; я й кажу:—„Памъ и такъ добре."

— „Да прыставай!"

Я ще такы боюсь.

А винъ:—„Иды лышень до воза!"

Иду, ажъ и возокъ за деревомъ стоить. А коло визка Жыдъ и Ляхъ лежать повязаныи. Я якъ подывывсь на ныхъ: - „Э, се жъ уже щось не добре, колы вяжуть!" да й страхъ мене ще бильшый узявъ.

А винъ тягне зъ визка баклагу:—„Пый,—каже, горилку!"

А я кажу:—„Що жъ, брате; ще рано; ще тилыко до церковъ задзвонылы."

— „Да пый,—каже,—брате. *Одынъ тому часъ, що невистка въ плахти.*"

Якъ узявъ, якъ узявъ коло мене впадать. Я, ничого робыть, напывсь трохы.

— „Пый ище."

Я ще напывся,

— „Прыставай,—каже,—брате!"

Але я все такы боюсь.

Тогди винъ насыпавъ на долоню пороху, да розтеръ, ростеръ зъ горилкою, да якъ помазавъ мене по выду, то така зразъ охота взяла, що тилько дай спысъ у рукы, то, здаецьця бъ, пишовъ, да й душывъ бы всякого.

Винъ зразъ мыни жупанъ, шаблю, пистолеты прыпасавъ, убравъ мене зовсимъ по Козацькій, и ратыще давъ.—„Ходимо жъ,—каже,—за клена, да тамъ и стій, да хто бъ ни йшовъ, хто бъ ни йхавъ, беры, й вяжы!"

Пишовъ, каже, я за клена; колы жъ дывлюсь, ажь усюды вже Козакы й стоять поза деревамы. А винъ-то хотивъ, щобъ нихто не давъ звисткы у Жаботынъ команди. Поставывъ мене: — „Гляды жъ, добре пылнуй, щобъ нихто не пройшовъ, не проихавъ."

Отъ, я постоявъ тамъ трохы, покы той чадъ пройшовъ, да потимъ якъ одумаюсь, якъ схоплюсь за ратыще, да якъ пущусь додому! Прыбигъ, а батько: — „Де се ты бувъ?"

— „Бида, кажу,—тату! Шелестъ Козакивъ уже збираѳ."

Отъ батько полаявъ мене трохы, да й каже: — „Ховайся жъ, врэжый сыну! А то буде тоби одъ ёго лыхо!"

То якъ пишовъ я ховацьця, то ховався ажъ тры годы.

А Шелестъ якъ почувъ, що вже команда про ёго знаѳ и пишла на Ведмедовку на *Пысарську Гать*, то зобравъ, саме на Святу Недильлю, двисти Козакивъ, да прямо у манастыръ. Да чудно, що де тыи Козакы удругъ узялысь, де воны и коней набралы и усёго. А народъ тилько що зъ церквы почавъ выходыть, ажъ сіи назустричъ; то народъ такъ и шарахнувъ зъ манастыра; „Э, се жъ Гайдамакы!" А Шелестъ и почавъ гулять зъ Козакамы: музыкы, письни, танци!

А манахы нычого имъ; сыдять соби по келіяхъ, бо давно ще про тев знамы. Ще скоро Шелестъ прыйшовъ у Мотренынськый лисъ, а тамъ тогди булы велыкыи трущобы, гущына непроходыма, и жывъ тамъ улису одынъ чернець, — ще й досы келійка стоить: то винъ и сказавъ заразъ тому ченцеви: — „Иды,—каже,- соби звидси, отче, тутъ тоби не жыть, бо тутъ Козакы будуть, тутъ буде таке, тутъ буде таке!" То чернець и зойшовъ зъ того мисьця и выкопавъ соби у другимъ мисти пещеру, такъ, може, якъ до того плетня поцидъ землею, муръ стоить.

Отъ же, погулявшы-то тамъ Шелестъ зъ Козакамы, и повивъ ихъ у лисъ на *Сичъ*. А тамъ есть таке мисто у Мотренынському лису, що и звидси байракъ, и звидты байракъ, а посередыни такъ, якъ шпыль стоить. То воны на тимъ шпылыку обрубалысь и жылы годывъ зо тры. Оце було пойде ихъ чоловикъ десять, пятнадцять, да попадуть якого чоловика, и давай мучыть, щобъ казавъ, у кого є грошы, або хороша одежа, да прыдуть у ночи, да й деруть. Такъ що всяку ничъ було люде выбыраюцьця спать у бурьянъ, але часомъ и въ бурьяни знаходылы. А команда до ихъ не прыходыла, бо и сама боялась. Да що тамъ тіеи и команды було!

Отто якъ зобралось ихъ у кожному манастыри по трыста чоловикъ, то и *Зализнякъ* зъ Запорожьжя прыихавъ, да зобравшысь до купы, усихъ девять сотъ чоловикъ, и рушылы въ Польщу. Прышлы въ Талне, а тамъ ярморокъ; то ярморокъ такъ и сунувъ! А Зализнякъ пославъ завертать: „Не бійтесь, люде добры, не бійтесь: мы васъ не зачепымъ; гуляйте соби и базаруйте!"

А зъ Талного пишлы до Уманя. И тамъ тежъ ярмарокъ. Да якъ побачылы, що йде Зализнякъ, то ярмарокъ у замокъ и заперсь. А воны замокъ узялы, да й выризалы усихъ Ляхивъ и Жы-

дивъ. То казавъ мыни Лопата,—а той Лопата да бувъ тры годы чурою при Зализняку; то казавъ, що оттакъ изъ замку кровъ бигла (показывая за косточку ноги.).

Отъ, якъ опановалы Умань, то й поставылы усюды свій караулъ. Колы жъ йдутъ два Доны: одынъ нибы-то старшый, а другый простый. Зализнякъ прынявъ ихъ за гостей, угощаєтакъ, що куды! Ажъ ось, трохы згодомъ, йде зновъ тры Доны. Винъ и тихъ прынявъ. Колы жъ иде чоловика уже пять Гусаръ. Тогди винъ и постеригъ уже, що бида буде, да й зове Лопату, свого чуру, — а се самъ Лопата й росказувавъ мыни.

„Иване!“ каже.

А я, каже, а я кажу: — „Чого, батьку?“

— „Иды лышъ, каже, уже сюды!“

Я, каже, й пишовъ, такъ изза грубы въ грапськыхъ домахъ.

Винъ узявъ, розщепнувъ каптанокъ, разщепнувъ чересъ коло себе, такъ якъ кычка набытый червиньцями:—„На, каже, тоби сей чересъ; якъ вывезешъ, то будешъ мене згадувать.“

— „А вы жъ, батьку?“

— „Э, мы,—каже,—тутъ пропадемо.“

Уже постеригъ, сердечный. Кажу:—„Якъ же я звидси выйду?“

Каже: — „Визьмы мого коня, да веды до воды. Якъ стануть тебе пытать: „Куды йдешъ“? то ты скажы, що поведу батькового коня наповать; то воны й пустять.“

Колы жъ я выгляну зъ хаты, ажъ уже вяжуть Гайдамакъ, и оце звяжуть двохъ за рукы спынамы одынь до одного, да й мишокъ земли на рукахъ положать; то воны бидныи й стоять такъ по двое вкупи. А я взявъ коня, да й веду. А вже всюды Московська сторожа стоить, и пытають мене: — „Куды йдешъ?“

— „Поведу,—кажу,- батькового коня наповать.“

То воны й пустылы.

Отъ я напоивъ коня, и вже бъ то треба мыни втикати, да такъ мыни стало ёго (Зализняка) жаль! Думаю соби: вернусь!

Только що выбривъ зъ воды, ажъ бижыть зъ миста Козакъ, уже на Жыдивськымъ кони:—„Куды?“

— „Поведу батькови коня.“

— „Уже, - каже, - батька чортъ узявъ и тебе визьме.“

Да рвоне въ мене зъ рукъ того коня, а мыни кынувъ Жыдивського: — „Пумъ,—каже, втикаты!“

Кынулысь мы втикать, а за намы два Доны; то гналысь за намы одъ пивдня до самои ночи, да вже ажъ коло Талного згубылы насъ у лису. А мы йхалы до дому двое сутокъ, блукалы все по закуткамъ, и ничогисинько не йлы. А всюды вже стоить сторожа: ловлять Гайдамакъ. Пріихалы ниччу до *Калыхъ Болотъ* (мѣстечко между Шполою и Талнымъ), а Козакъ и каже: — „Ось, потривай лышъ, я тутъ бродъ знаю (черезъ рѣчку Гнилый Тыкичъ).“

Сталы брысты, а коні въ води якъ захлюпосталы, то тутъ за намы: — „Ловы! Ловы!“

Мы по коняхъ! А Козакъ хотивъ ратыще поправить, да якъ пидперъ мене пидъ чересъ, такъ и перерізавъ: чересъ у воду тилько брязь! Пропалы грошы!

А мы якъ ускочылы въ лисъ, то полягалы на коней, да тилько ногамы поганяемъ: несы, куды хочъ! Да якъ прыихалы до дому, то ще довго ховалысь, покы усовитовалы батьку люде пійты до Губернатора, да сказать, що я на тимъ боци (Днѣпра) жыто перевивавъ. То ще мусывъ батько їздыты на той бикъ за свидительствомъ одъ громады, да напоившы громаду, й прывизъ мыни тее свидительство. То вже тогди я мижъ люде показавсь.

Отаке-то колысь дiялось! Лопата вже той давно вмеръ и слухъ затыхъ объ Гайдамакахъ. Да бувъ я разъ у Манастырыщи (?), а за Манастырыщемъ есть ямы глыбокыи, то я ставъ, да й дывлюсь: що бъ се за ямы булы? Колы жъ иде старый чоловикъ: — „Дидусю! — кажу,—що оце за ямы такы?“

— „А ты,—каже,—хыба не тутешній?“

— „Ни,—кажу,—я здалека, ажъ изъ Чыгрынського повиту.“

— „Оце жъ,—каже,—вашы Чыгырынськыи Гайдамакы лежать! Тутъ ихъ порубано ажъ девять сотъ, и якъ навалылы землею, то кровъ зъ ямъ сцяла вгору завывшкы зъ чоловика. А чы бачышъ тры хресты, генъ-генъ стоять? Ото лежать ихъ ватажкы. Тамъ порозстрелювалы Шелеста, Лусконога и Гныду.“

(Разсказывалъ Иванъ Бурдунъ, въ Александровкѣ, Кіевск. губ.)

МАКСЫМЪ ШЫЛО.

.....Почувшы Губернаторъ (Черкаскый) Росковськый, що Гайдамакы деруть одного чоловика, Шрама,—а той Шрамъ державъ у ёго на оренди корчму у Руській Поляни,—то винъ, почувшы, що Шрама деруть, поихавъ ёго обороняты. А одинъ Гайдамака изъ викна, недопустывшы ёго до оренды, и вбывъ зъ рушныци. То воны самы скололы того Гайдамаку: — „О, вражый сынъ, — кажуть, — доброго пана стратывъ!“ да взялы да й скололы. И доси хрестъ стоить надъ тымъ Губернаторомъ у Руській Поляни.

А потимъ бувъ Губнераторомъ панъ Сельскый. То за сёго вже Губернатора прыихавъ отаманъ *Шыло* зъ ватагою, душъ, мсже, зъ сотню. Мене ще тогди на свити не було, а росказувавъ те все покійныкъ батько. Прыихалы, каже, воны пидъ браму (Черкасскаго замка), да й крычать, щобъ одчынылы. А Губернаторъ злякавсь, да й звелivъ одчиныты, хочъ у замку було не безъ народу. А я, каже, бувъ

на той часъ дома. Прыбигаю до замку, ажъ уже мене не пускаютѣ. Я до частоколу. Дывлюсь скризъ щылыну, ажъ Губернаторъ стоить на колинахъ передъ Максымомъ Шыломъ, а той сѣдыть на кони, якъ разъ проты меме, и читае ёму указъ нибы-то одъ Царыци, щобъ ризать усихъ Ляхивъ и Жыдивъ, щобъ и на свити ихъ не було. А я соби думаю: „Ось постой лышъ, я тоби дамъ не такого указу!“ да просунувшы въ щылыну рушныцю, тилько що хочу стрелыть прямо ёму въ груды, а кинь махне головою, то й нельзя влучыть. Я зновъ пережду покы кинь понурыцьця, да щохочу зновъ стрелыть, то винѣ знову и махне головою. А литне, знаете, времня, саме передъ Тройцею; то мухы коня кусаютѣ.

Колы жъ прыбигае, то жъ изъ миста, повковныкъ замковый, Пацына Францышекъ: — „Бога бійся, Омельку! Не стреляй. Ходимо перше роспытаемось.“

Пошлы, сталы стучать. Впущено насъ у башту.

Отъ, батько пиднявъ пидъ рукы Губернатора и каже:— „Устань, пане! Що ты передъ ледащомъ оце робышъ? Да вы ихъ не слухайте! Се Гайдамакы. Выстреляймо ихъ, вражыхъ сынивъ!“

Губернаторъ и вставъ. А Максымъ и каже батькови: — „Хто ты за чоловикъ?“

А батько каже:—„А кого тоби треба?“

— „Ты, выдно, Омелько Судденко.

— Такъ, Омелько Судденко.“

А батько да бувъ первый на всю губернію стрелець. То вже Максыму сказано:—„Стережысь, Максыме, Омелька Судденка, бо той чоловикъ тебе зъ свиту зжене.“

То Максымъ и каже батькови:—„Не стреляй же, брате, сёго хлопця свынцёвою пулею, а стреляй срибною!“

А батько каже:— „Молы Бога за пана повковника, а то доси и одъ свынцёвои ты на кони не сыдивъ бы, да ще, що кинь головою махавъ. „Выколимъ, каже, ихъ, панове!“

Отъ нашы й заходылысь коло Гайдамакъ. А Максымъ и каже: — „Що жъ, панове? Що зъ того, що вы насъ выколете? Насъ е багацько, то выколютъ и васъ. Я не по своій воли прыихавъ; мене послано, а посланого не вбываютъ.“

Нашы пораховалы, пораховалы, да й выпустыли ихъ. Гайдамакы сталы на кватыри у Андрійця, коло Тройци. А описьля прысылае Максымъ Козака зъ запыскою до замку: просыть Губернатора выйты за хвиртку на тайну розмову. Губернаторъ выйшовъ безъ оружьжя, а батько зъ нымъ пры пистолетахъ; и Максымъ выйшовъ самъ безъ оружьжя, а Козакъ зъ нымъ пры пистолетахъ. — „Не знаю,—каже,—що мыни и говорыть свому старшому. Зъидь, — каже,—зъ Черкасъ, а я скажу, що дома не заставъ.“

Губернаторъ послухавъ, да и зъихавъ. А Гайдамакы порозбывалы зъ горилкою бочкы, пограбылы багатыхъ людей, да й потягнулы зъ Черкасъ.

(Разсказывалъ Василь Судденко въ Черкасахъ.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЧЕРКАСАХЪ.

Гайдамакы прыходылы въ Черкасы разивъ, може, зъ пять, иноди въ день, а иноди въ ночи, иноди въ велыкій, а часомъ въ невелыкій, купи. Разъ йхавъ Тышко Гарасыменко зъ хлопцемъ изъ ярмарку. Колы жъ глядь, ажъ по Медведовському шляху йдутъ на коняхъ. Ажъ ось прыбига до воза Козакъ: — „Що за люде?“

— „Изъ Черкасъ. Булы на ярмарку.“

Козакъ вернувсь до отамана и одвистывъ. Тогди отаманъ прыславъ двохъ уже Гайдамакъ.

Отъ, каже (Гарасыменко) мене взялы, да й звязалы поясомъ, а хлопцеви звелилы поганять коней; йдемъ зъ нымы ажъ до города.

Пріихавшы блызенько, сталы. Отаманъ заразъ:—„Зъ коней!“

Уси й позлазылы зъ коней.

— „Прыпадайте до земли!“

Попрыпадалы уси ныць, и хлопецъ излизъ зъ воза, да й соби прыпавъ до земли. А я лежу звязаный на вози, да й дывлюсь. А винъ щось тамъ соби мырыть, мырыть, — се вже, бачъ, винъ ворожывъ, чы буде вдача, а дали:—„Вставайте!“

Усталы, посидалы на коней, да й поихалы поза городомъ. Коней зоставылы за царыною, а самы пишлы въ городъ, и мене везуть у вози. А хлопець, ще за городомъ, уставъ зъ воза, нибы про себе, да й пишовъ соби. А воны й байдуже за хлопцемъ.

Идемъ, каже, прямо до Дрыгы. А Дрыга жывъ напротывъ того двора, де теперъ Городнычый. Визъ зоставылы за воритьмы, а самы до брамы. Одынъ заразъ перескочывъ черезъ частоколъ, да й одчынывъ браму. А я, каже, лежу у, вози, да все те мини й выдно. Отъ, каже, Гайдамакы выкресалы багатьтя. А одинъ злизъ на прычилокъ, да перелизъ черезъ хату, да й одчынывъ двери. А я, каже, давай зсовувать зъ себе поясъ, да й розвязавсь, да вже покынувшы и коней зъ возомъ, добигъ до дзвиныци, да вдарывшы разивъ зо тры въ дзвона, да зъ дзвиныци. Бижу поузъ дядькивъ двиръ. А дядько на той часъ згодывся на двори: — „Хто то такый? Чы се ты Тышко?“

— „Я“ кажу.

— „Чого се ты бижышъ?“

— „Ховайтесь, — кажу:—Гайдамакы Дрыгу деруть.“

Отъ, дядько порозбужувавъ своихъ, да запершы ворота, и ходять по двору на варти. А до Дрыгы бояцьця йты: такый бувъ страхъ!

А Гайдамакы положылы Дрыгу доли, да, насыпавшы ёму на голу спыну пороху, запалылы и дралы гребломъ, щобъ прызнавсь, де тыи червиньци, що колысь ганявъ у Шлёнське волы, да заробывъ? А мижъ нымы да бувъ наймытъ Дрыгы; такъ той усе й выказавъ. И поты дралы, покы стара не внесла въ хату горшка зъ червиньцямы.

Гайдамакы не займалы замковыхъ Козакивъ, и Козакы ихъ не займалы. Тилько ото Росковськый угнався бувъ за нымы въ Руську Поляну, то ёго и вбылы. Се було ось якъ. Гайдамакы напалы на двиръ Олексійця у Бѣлазери, а самого ёго не заскочалы. А винъ, прытаившысь пидъ повиткою, и чуе, що ще хочуть иты въ Руську Поляну до Шрама. То винъ звидты, да до пана, да й розказавъ, що отака й така ричъ. Оттогди-то Росковськый и вгнався за нымы въ Руську Поляну.

(*Разсказывалъ Харко Цехмыстеръ, въ Черкасахъ.*)

НАЙМЫТЪ ГАЙДАМАКА.

Почувшы, що Гайдамакы ободралы Дрыгу, да ще й на другыхъ людей похваляюцьця, утикавъ черезъ Днипръ у дуби Сутула Гарасько, зъ жинкою и зъ дытыною,- бувъ у ёго сынокъ Андрійко. То се вже той Андрій Сутуленко розказувавъ, що, каже, треба було намъ переиздыть черезъ Днипръ у човни, а батько й коня на поводи за човномъ вивъ. То я боявсь, щобъ кинь не перевернувъ човна, да й ставъ плакать. То батько й покынувъ мене на берези: „Пропадай же,—каже,—вража дытыно!“ А знае, що дытя не де динецьця!, бо Гайдамакы дитей не займалы. Отъ я, каже, переночувавъ у садку, а потимъ пишовъ до бабы. Баба мене нагодовала. Я й гуляю соби. Колы жъ дывлюсь, иде наймытъ нашъ, що прыставъ у Гайдамакы. Уже соби и жупанъ добувъ: — „Здоровъ,—каже—Адрію!“

— „Здоровъ!“

— „А батько де?“

— „Отамъ и тамъ,—кажу,—а я въ бабы.“

А баба вбога була, то й не ховалась одъ Гайдамакъ.

— „На жъ,—каже,—тоби грошей, да не давай никому, а несы до бабы!“

Да й почавъ мини кыдать у пазуху пятакы зъ обоихъ кышень. Повну пазуху, каже, мини насыпавъ.

(*Разсказывалъ Василь Судденко, въ Черкасахъ.*)

ВОВЧОКЪ.

Гайдамакы дралы Смилу разивъ тры, чы що. У первый разъ якъ прышлы, то пани заховалась у лёху, а панна у груби; але панну такы знайшлы и замокъ розграбылы, а потимъ узялы панну и

хлопця, Хведирку, да вывели ажъ до *Курыловои* могылы, а тамъ ватажко змыловавсь, да й каже:—„Иды жъ, панно, да молы за мене Бога, а то бъ ты на сій могыли полягла!

И хлопця, Хведирку, пустылы. А се було зимою. Панна жъ таки хочъ у черевычкахъ бигла по снигу, а Хведирка босый.

А въ другый разъ прыходывъ ватажко, *Вовчокъ*, да й ставъ коло Костянтынова, у Шолудьковимъ садку, душъ ихъ десятокъ тилько. Стоить винъ тамъ, а повкъ Полякивъ, почувшы, що тутъ Гайдамакы зибралысь, прытягнувъ ажъ изъ Билои Церквы, да й наткнувсь на той садокъ, а Вовчокъ якъ выскочыть звидты, то жовниры назадъ! А Вовчокъ той и самъ невелычкый, тилько плечыстый шельма, и на невелычкому коныку, да якъ узявъ ихъ гнать, то такъ ратыщемъ и на той, и на той бикъ ихъ и кладе. А на ёму бувъ кажанокъ (родъ куртки или полукафтанья изъ кожы), то зпидъ того кажанка кровъ такъ и льецьця, що по ратыщу бижыть у рукавъ. Да якъ догнавъ до Смилянськои гребли и воны вскочылы въ Смилу, тогди вернувсь, да й каже: — „О такъ Вовчокъ! Жене Ляхивъ новчокъ!“

(Разсказывахъ Кондратъ Тарануха, въ Смълой.)

ГАЙДАМАКА И ПАСИЧНЫКЪ.

Розказувавъ мыни одынъ дидъ, що, каже, сыжу я въ пасицы, колы жъ чортъ несе бурлаку, увесь обшарпаный: — „Здоровъ, диду!“

— „Здоровъ!“

— „А що будемо робыты? Давай на сорочкы миняцьця!“

Я вже злякавсь:—„Давай, кажу.“

Оддавъ ёму сорочку. Винъ скынувъ тее рямье, надивъ сорочку: — „Давай и штаны!“

Оддавъ я й штаны.

— „Давай, диду, меду!“

Я, каже, ажъ тремчу ввесь зъ переляку. Пишовъ, одризавъ ёму забоцень такого вже гарного гречаного.

Винъ напвсь, да й каже: — „Чы ты, диду, знаешъ *Вовчу Гать*? (Въ Черкасскомъ уѣздѣ, около с. Дубіёвки.)

— „Знаю.“

— „Отъ же, каже, тамъ є пенёкъ дубовый, обшморганый колесамы. То ты завтра встань до зходъ соньця, да пійды туды, да одличы тры ступни, и выкопаешъ тамъ гроши. Ото тоби за те, що ты мене прыодывъ и нагодовавъ.

Пишовъ я на другый день, ажъ справди повнисинькый улей самыхъ пятакивъ.

(Разсказывалъ пріятель Тарнухи, бондарь въ Смьлой.)

МЕСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА.

Якъ стоялы Гайдамакы въ Мотренынському лиси, то одынъ отаманъ назвавъ за щось Козака Жыдомъ:—„Эхъ ты, каже, Жыдъ!“

А той Козакъ:—„Такъ я Жыдъ? такъ я Жыдъ? да зъ пистолетомъ, до ёго.

А отаманъ бувъ характерныкъ: — „А що жъ—каже,—ты мене будешъ стреляты?“

Да и груды розхриставъ:—„Стреляй, колы хочешъ!“

— „А тожъ не стрелю? Може, думаешъ, не визьме?“

Да бахъ!—той и вывернувсь. Отъ, Козакы до ёго зъ дубынамы за те, що застрелывъ отамана. А винъ:—„Потривайте,—каже—панове! Слухайте лышъ, що тутъ мижъ намы було за дило! Де жъ выдано, щобъ Козака зъ Жыдомъ ривняты? То и вси вы Жыды, колы я Жыдъ?“

То Козакы, розпытавшы и выслухавшы всю прычыну, сказалы: — „Правда, правда! *Ледачому ледача й смерть.*“

(Разсказывали въ Мотренинскомъ монастырь.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРЪ.

Якъ зибралысь Гайдамакы у Мотренынському лису, то зробылы соби Сичъ. Выбралы таке мисто, ще зъ трёхъ бокивъ байраки, а зъ четвертого поставылы башту. Кругомъ обрубалысь лисомъ. По середыни насыпалы купу грошей и ныткою перекрестылы, да й прыбылы ій колочкамы у чотырёхъ мистахъ. И Козакъ кругомъ ходыть. Оце жъ у одному байраци Сичъ. а въ другому, на Бойковій Луци—*Склыкъ*. А склыкомъ звався качанъ, що высивъ на дули и коло ёго довбня. А то для того, що скоро яка тревога, або що, заразъ прыбижыть Козакъ, да довбнею й почавъ валять, а казанъ на ввесь лисъ реве: то вже, де бъ который Козакъ не бувъ, скорійшъ збигаюцьця до купы. Да тутъ же заразъ коло Склыка бувъ у дуброви *Значокъ*, таке-то,

бачъ, обзначене кругомъ мисце, де ихъ кони паслысь. А одъ значка, верстовъ тры, икъ Жаботыну, було *Гульбыще*, на высокій могыли, такъ що якъ зійдешъ туды, то ввесь Жаботынъ якъ на долони. Позходять, було, на ту могылу, балакають, у карты граютъ, спивають писень усякыхъ. Рыдко було якый день выберецьця, щобъ тамъ никого не було.

— „А де жъ, паноче, жывъ описьля той чернецъ, що Шелестъ выпроводывъ ёго зъ Сичи (спрашиваю я.)?“

— „Есть отамъ, може, зъ пивверствы отъ манастыра, заразъ за валомъ, шпылыкъ, такъ нибы гора; то оттамъ-то, пидъ горою, винъ соби вырывъ пещеру и хатку збудовавъ. И доси стоитъ хатка, и садочокъ есть. Зовемо мы те мисто *Скытомъ*.

Ото Ляхы, якъ почулы, що въ лису зибралысь Гайдамкы, то прышлы, душъ ихъ сотня, на коняхъ и зъ оружьжемъ, пидъ браму у манастыръ. Ченчыкы вышлы до ихъ зъ хлибомъ и зъ сильлю.

— „А де Гайдамакы, сызматыкы вы пшекленты?“

Ченчыкы бидныи трусяцьця.

— „Не знаемо, вельможныи паны!“

— „Не знаете, галганы! Охъ, вы галганы не знаете, пшекленты хлопы.“

И давай шукать по манастыру, и въ церкви шукалы всюды, заглядувалы и за иконостасъ, — Нема! Такыи-то навиженыи Ляхы! Ото бъ дурныи булы Запорозьци, щобъ ховалысь за иконостасомъ! Имъ у лису найлучча схованка.

Шукаютъ Ляхы Гайдамакъ, а отаманъ, скоро вчувъ про се, заразъ и послявъ двохъ Козакивъ у Замятныцю. Тыи, прыбигшы туды, давай колоть орандара и всихъ Жыдивъ. А мужыкы прышлы до корчмы, да й пытаюцьця:

— „А що, панове? чы наша вира?“

— „Аже жъ бачъ, що ваша: не кололы бъ Ляхивъ да Жыдивъ.“

То мужыкы ихъ и не займаютъ, а ще до ихъ прыстаютъ.

А Ляхы тымъ часомъ пораюцьця все ще въ манастыри. Якъ ось прыбигъ зъ Замятныци вистовый: — „Панове! Гайдамакы Замятныцю выризалы!“

Ляхы драла! да до Жаботына. А отаманъ пишовъ за нымы, да й порозставлявъ кругомъ Жаботына Козакивъ. То оце выскочыть изъ лису Козакъ, повертыцьця, повертыцьця на кони передъ Жаботыномъ, да зновъ й пойде въ лисъ. Тожъ Ляхы думаютъ:

— „Оце жъ кругомъ Жаботына вже стаятъ по лису Гайдамакы!“ Да покынувшы Жаботынъ, да въ Смилу. Команда жъ рушыла въ Смилу, а намисныкъ, зъ Козакомъ Лопатою, що бувъ описьля чурою у Зализняка, такъ намисныкъ изъ симъ-то самымъ Лопатою у Камнянку, бо тамъ винъ жывъ и була тамъ у ёго сотня лейстровыхъ Козакивъ. Отъ и пытаецьця намисныкъ у отамана тихъ Козакивъ: „А що, отамане, чы можна стать протывъ Гайдамакъ?“

„Можна, батьку, тилько що ихъ куля не бере.“

То намисныкъ якъ почувъ сее, то побилнвъ якъ хустка, да й каже: — Куля не бере? Куля не бере? Такъ ихъ, ты кажешъ, куля не бере?“

Да вже боицьця и отамана, и одъ ёго одходыть, да все тилько: — „Куля не бере! Куля не бере... Гмъ! куля не бере! Такъ ты кажешъ, отамане, що ихъ куля не бере?“

— „А не бере, батьку.“

— „Эге! Куля не бере.... эге, эге!“

Да сившы на коней зъ Лопатою, да въ Смилу. Лопата жъ попереду бижыть зъ спысомъ, а намисныкъ за нымъ. Колы жъ, не доижжаючы корчмы Сумськои, наганяе ихъ гонець: — „Пане Намисныку! Гайдамакы Камнянку рижуть!“

Намисныкъ кынувсь, якъ опареный, въ Смилу, а Лопата зъ тымъ гонцемъ изоставсь.

А Гайдамакы, стоячы коло Камнянкы, послалы до лейстровыхъ, вызываючы отамана до порады. Отаманъ лейстровый вышовъ до Гайдамацького отамана. То сей и каже:—„Що вы, будете зъ намы быцьця, чы ни? Мы не по своій воли прышлы. Глядить, щобъ не було й вамъ такого лыха, якъ Ляхамъ!“

И показавъ лейстровому отаману бумагу. Якъ показавъ, то й Каменьская сотня прыстала до Гайдамакъ.

(Разсказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.)

МАКСЫМЪ ЗАЛИЗНЯКЪ.

.....Саме у Петривку, у первый день, у понедилокъ, прыихало чоловикъ дванадцять затязъцивъ на розвидыны. Повстричалы Андрійця, да й розпытують:—„Де тутъ оттакый-то вийтъ?“

— „Я,“ каже Андрієць.

— „Веды жъ насъ до себе на кватыру!“

Зазвавъ ихъ до себе на кватыру. Послалы до пана Сельского въ замокъ, щобъ давъ напыткивъ. Той имъ заразъ й прыславъ, бо вси боялысь Гайдамакивъ. Отъ, воны пьютъ да й кажутъ:

— „Нехай вражый Ляхъ дае, а письли звяжемъ ёго, да й повеземъ да коша.“

А Андрієць, почувшы сее, да въ замокъ:—„Бережысь,—каже,—пане: отака й така ричъ!“

То панъ Сельскый заперсь у замку. А Гайдамакы повертилысь попидъ частоколомъ, да й вернулысь до коша. А кошемъ воны стоялы тогди цилыи суткы у *Великыхъ Кургановъ*.

А такый бувъ народъ шаленый, тыи затязьци, що оце йде по улыци, да вбачытъ у двори чоловика, то выме пистолетъ, да й крычытъ: — „У хату, мурею! а то запалю!“

То чоловикъ схылыцьця, да пидъ повитку.

.... На другый день у Петривку рознеслась по Черкасамъ чутка, що йде якесь військо. А мы тогди булы ще хлопцямы. То люде бояцьця, а намъ байдуже: сказано диты. — „Побижымъ, побижымъ! що тамъ за військо!“ Побиглы за Билазерську царыну, ажъ справди йде військо такы настояще. Попереду йде отаманъ на буланимъ кони, у кармазыни, шапка на ёму сыва, чоботы сапьяньци, поясъ шалевый, за поясомъ пистолетъ, а при боку шабля. Ото жъ бувъ самъ Максымъ Зализнякъ. Не старый ище чоловикъ, литъ, може, сорока, а може й бильшъ, на выду повный, кругловыдый, уродою хорошый, на взростъ невелыкый, але плечыстый, усы русявы невелычкы, за ухомъ оселедець. А за нымъ усе по два, усе по два зъ ратыщамы, и у переднихъ паръ, може у трёхъ, ратыща зъ кароговкамы двойчатымы, такъ що оце половына буде била, а половына красна, а знову половына жовта, а половына чорна, або червона, або сыня. А по самому заду иде чоловикъ зъ десятокъ пишо безъ ратищъ и базъ усёго, а тилько колкы позасмалювалы, да и йдуть. То вже выннкы, то, що попрыставалы у Гайдамакы.

Отъ, мы й сталы коло шляху, по праву руку, и шапкы позымалы. А винъ, поровнявшысь зъ намы, да й каже:—Здоровы, сучакы!“

А мы кажемо: — „Здоровъ, пане!“

— „А що вы, не орете?“

— „Ни, пане.“

— „А мы жъ оце почалы ораты!“

Да й поихавъ у городъ черезъ ту улыцю, де теперъ старый базаръ, да поза Пацыною, де теперь жыве Ищенко, що служытъ у суди, и прыихалы воны прямо до замку черезъ мистъ. Башта була одчынена. Я вже не бачывъ, хто ii одчынывъ. Уихалы въ замокъ, самы сталы въ ряды, а ратыща въ козла поставылы. А Зализнякъ крыкне: — „Зъ коней!“

Отъ, воны позлизалы и попрывязувалы коней коло конюшни у коновязей. А отаманъ, зъ десятьма, може, чоловикамы, пишовъ прямо до покоивъ. А назустричъ ёму вышло зъ покоивъ чоловика тежъ изъ десять, зъ отаманомъ Бузькомъ, зъ Цесарськои Слободы. Позымалы передъ нымъ шапкы. И винъ, прыйшовшы до ныхъ блыжче, знявъ шапку, да заразъ и надивъ, а воны уси передъ нымъ безъ шапокъ:

— „А здоровы, каже, Козацтво!“

— „Здоровъ, отамане батьку!“

— „А де вашъ отаманъ?“

Отъ, отаманъ до ёго й выскочывъ зъ купы, безъ шапкы. А винъ и соби шапку знявъ. Обнялысь, поциловалысь: — „Ну, просить же на кватыру!“

Пишлы въ покои.

А паны вже давно убралысь на той бикъ Днипра, пще, якъ почулы одъ Андрійця, що Гайдамакы похваляюцьця ихъ перевязать. Одбылы шпыклиржъ сокырою. Шукають, чого имъ треба. А чоловикъ изъ симъ затязьцивъ пишлы до оренды. А мы, хлопята:—„Ходимъ, ходимъ за нымы!“

Отъ, одынъ попавъ десь сокыру, да по замку торохъ! Замокъ такъ и розпався. Тогди давай рубать у бочкахъ обручи. Горилка такъ и потекла зъ комиръ по косогору. А жинкы згрибають писокъ, да спыняють ту горилку, да берутъ прыгорщамы, да въ горщыкы й збыраютъ скризь намитку. А Гайдамакы жинокъ не займаютъ, и вбогыхъ людей не займаютъ, тилько багатыхъ грабылы, а Ляхивъ и Жыдову ризалы. То вси Жыды повтикалы зъ города и паны. А панивъ тогди у насъ було тры: панъ Сельскій, губернаторъ, Пацына, повковныкъ, и Жуковськый, лиснычый.

Отъ, я, подывывшысь на се чудо, прышовъ до дому, ажъ панотець поихавъ у лисъ зъ двома наймытамы, а дома зосталась паниматка, да парубокъ, Сидоголовка. Прыхожу въ хату, ажъ маты плаче.

— „А де батько?“

— „И вже, сынку, поихалы!“

Колы жъ батько, не знаю вже чого, чы роздумавсь, чы що, вернувся ажъ изпидъ горы одъ церквы. Тилько що выпрягають коней, ажъ ось иде лейстровый городськый Козакъ, Головко, веде у двиръ двохъ Гайдамакъ, да й каже:—„Кажутъ, цехмыстре, що въ васъ є чоботы сапьяньци, що вы робылы панамъ.“

— „Ни, каже, нема: я робывъ, да давно.“

Отъ, ёго й повелы у замокъ до самого Зализняка. Панотець описьля вже розказувавъ, що, каже, скоро ввійшлы въ будынокъ, то я, каже, и вбачывъ, що Бузько атаманъ заховавсь у кимнату. А Зализнякъ и каже:—„Ты цехмыстеръ шевськый?“

А я кажу:—„Я, пане.“

— „У тебе єсть чоботы сапьяньци, що ты робывъ панамъ.“

— „Робывъ, отамане, да давно, а теперъ нема.“

А Бузько скризь щылыну зъ кимняты й шепче щось, а Зализнякъ и ухо прыложывъ, да й каже:—„Не знаю, хто бреше: чы той, чы той. Ну, ступай соби!“

Батько до дому, да за коней, да скорійшъ зъ двора! Поихалы зъ двома парубкамы въ лисъ и тамъ дралы лубьбе, ажъ покы Гайдамакы повіялысь зъ Черкасъ.

Якъ поихавъ панотець, то я хожу по хати, а парубокъ, Сидоголовка Яковъ, шывъ чоботы протывъ окна, а паниматка тежъ поралась у хати. Колы жъ Гайдамака, идучы мымо окна: „*Пугу!*“

А парубокъ бувъ колысь на Запорожьжи, то й одвитывъ ёму: „*Козакъ зъ Лугу!*“

Ажъ ось и йдутъ у хату два затязьци изъ Головкомъ Иваномъ, да одынъ на порози у хату зъ пистолета—бехъ! Паниматка такъ и загрусылась. А другый Гайдамака й каже:—„О, вражый сыну, злякавъ молодыцю!“

— „А ну, кажуть, одчыняй, нене, комору, бо Бузько казавъ, що именно в сапьяньци“.

Одчынылы.

— „Одмыкай скрыню!“

Одымкнулы.

Копалысь, копалысь, нычого, не взялы; знайшлы чобитъ, да й пишлы соби.

Якъ пишлы, то парубокъ, Сидоговолко, зновъ сивъ, да й ставъ кончать чоботы. Колы жъ прыходыть ще одынъ, у Жыдивському каптанку, на грудяхъ и не сходыцьця, и въ постолыкахъ саморибкахъ:— „Кому се ты чоботы шыешъ?“

— „Соби.“

„Ну лышъ, каже, дошывай!“

Да и сивъ на лави и ждавъ, ажъ покы Сидоголовко дошывъ.

— „А що, дошывъ?“

— „Дошывъ.“

— „Ну, на жъ тоби оци постолыкы, а я надину твои чоботы; а ты соби пошыешъ.“

Надивъ и пишовъ соби.

(Расказывалъ Харко Цехмыстеръ, см. стр. 37.)

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ.

Гайдамакы наробылы багато шкоды въ Умани. А вже якъ ставъ пысать Король до Матушкы: „Велыкъ свитъ Матушка! Що оце робыцьця въ Польщи, що якысь бурлакы розбываютъ народъ?“ То вона якъ послала повкъ легкоконный, а другый Донцивъ, то Гайдамаки й порызныльися.

Стоялы воны въ Розсошыньцяхъ, а Доны туды прышлы, да й кажуть: „Прымите й насъ! Мы до васъ прыстанемо“. Тіи й прынялы. А Доны ихъ половылы, да й повязалы. То Донськый повковникъ пыше до Матушкы: „Що зъ нымы робыть?“ А вона ёму одписала: „Кому шкоду зробылы, тому й въ рукы оддайте!“

То вже якъ воны утикалы на Нызъ, то чоловикъ десять ихъ плыло по Днипру, да й прысталы дубомъ коло Черкасъ, и прышлы на базаръ, да взявшы перехрыста пысара (?), що бувъ пры панахъ,

повелы черезъ ричку Солоныцю до Днипра, да руки ёму поясомъ звязалы, очи завязалы билымъ платкомъ, и сказалы ёму стать навколишкы. Винъ ставъ, а одинъ зайшовъ ззаду, да бехъ ёго зъ рушныци въ спыну! винъ такъ и впавъ навзнакъ. А самы сплы въ дуба, да й поплылы. А люде зійшлыся, заховалы того перехрыста и хрестъ поставылы. И довго той хрестъ стоявъ, да вже водою вымыло, бо Днипръ розлываецьця ажъ пидъ самый городъ.

(Онъ же.)

Примѣчаніе. Въ 1768 году нѣсколько выходцевъ изъ Запорожья вздумали освободить Западную Украину отъ владычества Польскихъ пановъ и уничтожить въ ней Католиковъ, Уніатовъ и Жидовъ. Съ помощію, такъ называемой, *Золотой грамоты*, присланной, будто бы, имъ отъ Императрицы Екатерины II, они склонили на свою сторону городовыхъ Козаковъ и множество простолюдиновъ Украинскихъ, и какъ эта толпа не имѣла правильнаго воинскаго устройства, то, разсѣявшись по Украинѣ, обижала даже и своихъ единовѣрцевъ; почему народъ вспоминаетъ о событіяхъ 1768 года съ негодованіемъ. Козаки тогдашніе, извѣстные подъ именемъ *Гайдамакъ*, вооружены были пиками, которыми *кололи* Католиковъ и Жидовъ. Отъ этого и вся трагедія 1768 года назвалась *Коліивщиною*.

ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА.

Ляхы взялыся гнать на Благочестіе. „Чого воны, кажутъ, на нашій земли жывуть, а Благочестывого Государа помынаютъ?“ и давай головкы лупытъ Благочестывымъ. Ото спалылы першъ тытара въ Мліевп, а дали й хуторкы чернечы Мотренынськы попалылы. А въ тому монастыри бувъ гуменъ, охъ, забувъ же я якъ ёго звалы! Бачытъ, що лыхо Ляхы роблять, полуплять головы Благочестывымъ; а пысака добрый бувъ, да якъ удравъ *Золоту Грамоту!* А Максымъ Зализнякъ прыихавъ на поклоненьне, а винъ ёму й пиднисъ: „Велыкъ свитъ Государыня велыть ризать Жыда й Ляха до ногы, щобъ и не смердили на Украини.“ Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотныка, такъ такъ и повалывъ народъ, уся Смилянщына й Чыгырынщына. Якъ пишлы выннкы, то що, то вже тоди *велила маты й вимъ браты.*

(Разсказывалъ одинъ старикъ въ Корсунѣ.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ КАНЕВѢ.

Що то, диду, за Гайдамащына була*? — Проклята була! Самовольцп такы булы, що.... Невирне такъ було прославылось! Якъ попъецьця, то ёму не кажы ни злого, ни доброго, така собача юха!

* Спрашиваю я.

Булы мы зъ батькомъ у ярмарку пидъ Мошнамы, на Святу Недилю, то ихъ и наткнувъ хтось, що въ Билыка кинь добрый есть. А мого батька й торкнулы: „Утикай, Дмытре, ото буде тоби лыхо!“

То батько якъ рушывъ зъ ярмарку. Добигав до сёго хреста, що пидъ лисомъ стоить, оглянецьця, ажъ винъ летыть изъ узвозу такъ, якъ ворона, и до села не допустывъ, нагнавъ. А тутъ череда ходыть, то батько выкынувъ коня, да й пустывъ у череду.

Ганявсь винъ, ганявсь за тымъ конемъ, ганявсь, ганявсь, не піймавъ, да ажъ до хаты прышовъ до батька:— „Иды, сыну вражый, да коня мыни дай!“

То батько мусывъ самъ ловыть коня и оддавъ ёму.

— „Ну, прыдешъ же у Каневъ, то тамъ Нежывый тоби заплатыть.“

— „Прышовъ батько въ Каневъ, ажъ Каневъ уже спаленъ. А тамъ-то паны зробылы соби замочокъ, да ажъ у тры ряды палямы обгородылы, и заперлысъ тамъ. А Гайдамакы давай солому возыть, да якъ запалылы, то все тамъ и зъ панамы и зо всимъ такъ огнемъ и взялось.

У якогось пана кинь бувъ огыръ такый, що пятьсотъ рублей вартъ, а сидло саме пятьсотъ рублей варто було; такъ завелы того коня ажъ у островы у лугъ, а Гайдамакы й тамъ найшлы.

Такъ ото прыходыть батько въ Каневъ, а Гайдамакы посадылы дванядцать Жыдивокъ урядъ, да зайде зъ боку, да й бье зъ пистоля. Усихъ выбылы; а до однієи тры разы прымеръ робылы, такъ не спалыть, да й годи. Отъ и пишлы до отамана: — „Що тутъ робыты, пане отамане? Тры разы робылы прымеръ зъ пистоля до Жыдивкы, не спалымо?“

— „А що жъ, може вона зхоче выхрыстыцьця?“

— „Хочешъ выхрыстыцьця?“

— „Хочу,—каже: я вже и *Вирую во единого Бога* знаю.“

Отъ и почалы затязьци збырать хрыстыны. Де молодыцю попалы:—„Иды кумою,“ а самы кумамы. А посьли якъ сталы даровать своій хрыщеныци, то поскыдалы самыхъ денежокъ стилько, що й конемъ не повезешъ.

И добра молодыця зъ тыеи Жыдивкы вышла, виру нашу описьля хороше держала, и така була богомилна. Було тилько задзвонять до церквы, то й йде. Такъ ото батько й прыступывъ до тыхъ затязьцивъ. А воны у Нетеребци вырвалы казанъ: —„На жъ тоби, —кажуть,— оцей казанъ!“ Батько взявъ казанъ, а Нетеребци описьля прышлы, да й узялы. Таке-то прокляте було, та Гайдамащына! Багато накопилы лыха, а описьля ще паны, да Жыды народъ дерлы. Прыде: „Се тоби Гайдамакы далы, або ты самъ гайдамачывъ,“ да й бере, що зуздрыть. Таке-то!

(Разсказывалъ въ Кумейкахъ Климъ Бѣликъ.)

ШВАЧКА.

Гайдамакы дерлы народъ рокивъ, може, зъ десять, ажъ покы Мандебурія стала. Тогди *стійчыкы*, що замку стереглы, й застукалы ихъ отутъ (показывая рукою), у лозахъ. А коліямъ ничымъ стрелять, куль нема, то оце выриже зъ лозы, да й хрестыкъ нарiже, да й стреляв. Есть про ёго й письня; колы хочете, то й заспиваю:

„Ой на Козаченькивъ, ой на Запорозьцивъ, да прыгодонька стала,
Ой у середу, да й у обидній часъ, ихъ Москва забрала.
Крыкнувъ Швачка да на осаулу: „Изъ коней додолу!
Охъ й не даймося, панове молодьци, мы Москалямъ у неволю!“
Москалыкы умны, Москали розумны, розуму добралы,
Ой напередъ Швачку изъ осаулою до купы звязалы.
Охъ извязалы, й попаровалы, й на возы поклалы,
Изъ Богуславья до Билои Церквы ихъ у неволю забралы.
Охъ, де жъ вашы, панове молодьци, вороныи кони?
Ой нашыи кони въ пана на прыпони, а самы мы въ неволи!
Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, а срiбныи узды?
Ой нашыи узды въ коняхъ на зануздi, а самы мы у нужди!
Охъ, а дежъ вашы, панове молодьци, ясненькыи спысы?
Ой нашыи спысы вже въ пана у стриси, а самы мы у лиси!
Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, громкыи рушныци?
Ой нашыи рушныци въ пана на скамныци, а самы мы въ темныци!
Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, голубыи жупаны?
Охъ нашы жупаны поносылы паны, а самы мы пропалы!
Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, чоботы сапьяньци?
Ой нашы сапьяньци позабиралы райци у недиленьку враньци!
Охъ пошлимо галку, охъ пошлимо чорну, а до Сичы рыбы исты,
Охъ, нехай донесе, охъ нехай донесе до Кошового висты.
Охъ уже жъ галци, охъ уже чорній, да назадъ не вертацьця,
Ой уже же намъ, панове молодьци, изъ Кошовымъ не выдацьця!

— Ну, скажы, будь ласкавъ—Гайдамакы якъ идуть було, то й письни спиваютъ?“ *

— „Ни, Гайдамака йде тыхо. А се вже воны тогди спивалы, якъ у неволи сыдилы.“

(Разсказывалъ Кондратъ Тарануха.)

---

* Вопросъ мой.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАВОТИНѢ.

Въ Жаботыни Жыдъ поналичувавъ на людей стилько довгу, що стало вже не въ моготу й выплатыцьця: може въ десятеро бильшъ, нижъ воны булы выноваты. То Козакы Жаботынськы не хотилы платыть; кажуть: „Прысягны!“ А винъ, невира, взявъ, да й прысягнувъ; о тогди вже платы якъ хочъ! Отъ, пять Козакивъ поробылы соби маленьки спысы, щобъ пидъ полу можно взять, да й прышлы до ёго ввечери, якъ видъ саме сивъ вечеряты. А Жыдивка надила дорогый очипокъ, що воны проклятыи носять. Отъ одынъ Козакъ узявъ да спысомъ пидъ той очипокъ и суне. А Жыдъ: — „Що ты! Що ты! шельма ты! Якъ ты смѣешъ?“

А винъ ёго якъ порне спысомъ! Тогди й Жыдивку, й Жыденятъ перекололы.

(Разсказывали Въ Мотренинскомъ монастырѣ, Кіевск. г-б.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНИ.

Якъ узялы Гайдамакы Умань, то силы на стольцяхъ середъ города, да й звелилы позвать паноцьцивъ. Отъ и прывелы до ихъ Базылянъ. То отаманъ и каже:—„А що, паноцьци! Мы васъ завсегда слухаемъ; послухайте жъ вы насъ хочъ разъ, а мы васъ наградымо.“

Тіи бидныи трусяцьця, кажуть: — „Що звелыте, вельможныи паны?“

— „Отъ що: визьмить вы хресты, да пройдить по улыцямъ и одправте похоронъ.

Базыляне побралы хресты, ходять по улыцямъ, правлять похороны. А народъ плаче по всёму городу, и самы Базыляне правятъ, да й плачуть.

Якъ кончылы, отаманъ наградывъ ихъ червиньцямы, да й каже своимъ: — „А що, хлопци, бачте, паны у якыхъ хорошыхъ жупанахъ ходять. А вы, бидахы, часомъ и сорочкы не маєте! А путе, лышень, беритесь за дило!“

Отъ, тутъ уже и пишла ризьня.

(Разсказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.)

НЕЖЫВЫЙ.

Нежывый робывъ колысь горшкы у Артема Ганчара, и все було каже: „Я хочъ на одынъ день, а буду паномъ.“ Потимъ винъ бувъ у Мотренынському лису, а звидты пишовъ на Каневъ, и выризавшы

тамъ Ляхивъ и Жыдивъ, повернувъ на кватыры до Чыгрына. А въ Галаганивци да жывъ панъ Щерба, оттой-то й запросывъ ёго до себе въ гости. Нежывый зъ усимы Козакамы своимы пишовъ до Галагановкы, Козакивъ же зоставывъ по сей бикъ гребли, а самъ зъ дванадцятьма отаманамы пишовъ пишо до Щербы. Отъ Щерба, обачывшы, що винъ у двори безъ війська, заразъ якъ крыкне своимъ: „Берить ёго!“ Тутъ ёго и злапалы. А військо, почувшы, що отаманивъ позабирано, заразъ усе порозбижалось.

(Разсказывалъ Омелько Каплаухій, въ Суботовѣ.)

ЦЕХМЫСТЕРЪ.

У Мыколаи бувъ священыкъ, Остапъ Каряка. Поляки давай ёго пидбывать, щобъ поихавъ у Польщу, да высвятывся на Унію: „Пойдь, пойдь, Остапе, тоби лѣпѣй бендзѣ.“ Винъ и поихавъ, высвятывсь и вернувся вже Уніятомъ. Отъ, у Тройци Благочестіе, а въ насъ Унія, рокивъ, може, й скильки. То якъ пійдемъ було у якый манастыръ говить, то ченци насъи навучуютъ: „Избунтуйтесь,— кажутъ, —да до Преосвященного добыйтеся, то буде и въ васъ Благочестіе!“

А ся епархія тягнула тогди до Переяслова. А въ Переяслови Преосвященный бувъ Гервасій. Отъ, батько мій и поихавъ туды изъ парубкомъ, Шпакомъ:—„Ваше Преосвященство! Мы прыихалы просыты, нехай и въ насъ буде Благочестіе, якъ и въ людей! А то у насъ Унія, що мы ии й терпиты не можемо.“

А Преосвященный и каже: — „Дитвы! Просите Каряку, нехай до мене прыиде, то я ёго поблагословлю на Благочестіе!“

А панотець каже:—„Святый Владыко! Мы всією громадою просылы, а винъ не йме виры. „Тогди,—каже,—буде у васъ Благочестіе, якъ у мене поросте на долони волосься.“

То Преосвященный и каже:—„Люде добры! Обождить же; винъ схаменецьця, да не въ пору; Йдьте, — каже, — диткы, до дому, а священыкъ вамъ буде!“

А въ Ревовци да бувъ тогди молодый пипъ, Максымъ Левыцькый. То Ляхы ёго мордовалы, щобъ прыстававъ на Унію: жаръ за халявы сыпалы и на колесо тяглы, а винъ утикъ, да въ Переясловъ до Преосвященного. Тамъ ёго панотець и бачывъ. Да тамъ же у Переяслови бувъ тогди у Преосвященного и тытаръ изъ Млієва (?). Узявъ Лядськый антымынсъ изъ церквы, да й прывизъ до Преосвященного. То панотець и того тамъ бачывъ.

Отъ, якъ сказавъ Преосвященный, що „йдьте, каже, до дому, а пипъ вамъ буде',“ то панотець и поихавъ назадъ изъ Шпакомъ. А тогди перевозъ бувъ тилько у Сокырній, да у Домынтахъ, а то скризь по сей бикъ стояла на бекатахъ стражъ Польска, а по той — Гетьманьскый.

ци на радутахъ. То оце було въ ночи й крычать, — намъ у Черкасахъ и чутно, – оце одынъ: „*Славенъ городъ Петинбурхъ!*“ а другый: „*Славенъ городъ Переяловъ!*“ Усе города велычалы. Таке-то, бачъ, було гасло.

Такъ було тогди тилько два перевозы; заплатышъ було *индуту*, то й пропустять. Ото мій панотецъ у Доминтовъ, ажъ тутъ одъ брата посланець Братъ заплатывъ чоловику тому, да й переказуе: „Нехай,—каже,—не йде въ Черкасы, бо вже Ляхы провидалы, то стережуть на дорози, щобъ піймать.“

То батько зъ Шпакомъ у Богушкову слободку, да нанявъ рыбалку, щобъ ёго перевизъ потайно на сей бикъ, а коней изъ Шпакомъ покынувъ.

Прышовъ до дому, ажъ тутъ лыхо: шукаютъ ёго Ляхы, щобъ стратыты. То винъ до зятя, да й жывъ тамъ зъ мисяць у загороди, покы все утыхомырылось.

Якъ утыхомырылось, то й ставъ панотецъ жыть дома вже, але все ще опасувався. Колы жъ прысилае разъ за нымъ панъ Швагроныстый. А тогди у насъ у Черкасахъ команда стояла, то панотецъ лядунки обшывавъ. Отъ винъ и пишовъ до того Швагроныстого, саме туды, де теперъ суда стоять.

Прыхожу, каже, я туды, ажъ дывлюсь, прывезлы Мліевського тытара, що у Преосвященного я бачывъ: рукы назадъ звязаны и самъ прывязаный до полудрабка. Я, каже, якъ побачывъ, то й вмеръ! Думавъ, що й мене за тымъ оце прызвалы. Колы жъ выходытъ Швагроныстый:—„Ну, Цехмыстеръ, гляды, щобъ у середу булы лядунки!“.

— „Будутъ,—кажу,—вельможный пане!“

— А винъ: — „Иды жъ, „каже, да щобъ булы!“

Отъ у мене й на души, каже (панотецъ), трохы одлягло. Скорійшъ звидты: Нехай вамъ бисъ!

А тытара того повезлы у Мліёвъ, да ото, що есть тамъ коло Мліёва гребелька и вербы, то тамъ ёго на верби повисилы за рукы, и усякъ мордовалы: оце коноплямы обмотають, да смолою обмажуть, да й запалять. А потимъ, замордовавшы, голову ёму одрубалы, да й выставылы на выгони на высокій палп. А въ ночи щось украло тую голову, да й одвезло ажъ у Переяловъ до Преосвященного. То Преосвященный ще лучче почавъ старацьця, щобъ було Благочестіе.

Ажъ ось разъ прыходыть чоловикъ до паноцьця.—„Идить,—каже,—пане Цехмыстре, якыйся пипъ прыихавъ, да зове васъ.“

Пишовъ панотецъ, ажъ то той самый Максымъ Левыцькый, що бувъ у Преосвященного:— „Люде добры,—каже, оце прыславъ мене Преосвященный, щобъ я бувъ у васъ попомъ!“

А нашы кажуть: — „Добре, батюшко; мы того бажаемъ.“

— „Ходимъ же, — каже, — въ церкву!“

Пишлы въ церкву. Винъ одправывъ акахвыстъ, посвятывъ церкву, обійшлы кругомъ церквы, а потимъ и каже: — „Люде добры! Дайте жъ мыни кватыру! Въ мене и жинка е, и диточокъ двое!“

Отъ, нашы далы ёму обществомъ хату, а потимъ уже винъ посылавъ у Ревивку пидводу, то прывезлы ёму й попадю и дитей двоє: дочка була Явдоха, да сынокъ Лесько.

То якъ пожывъ той попъ у насъ рокивъ зо два, то ёго зробылы протопопою, а письля такъ розжывся, що було берлыномъ издыть. Будка зъ викнамы и кони въ простяжъ. То оце одынъ на кони сидыть, а другый коло будкы, а самъ у будци, да ще й за будкою одынъ.

(Разсказывалъ Харко Цехмыстеръ, въ Черкасахъ.)

БЛАГОЧЕСТІЄ.

Довго тягалысъ по Вкраини тіи коліи, да описьля вже почалы ихъ усюды хватать, и якъ стала Мандебурія на нихъ, то сталы гонытельства и на попивъ Благочестывыхъ. Людей гонылы сылою на прысягу, то и батько прысягавъ на Унію. А декоторыи не хотилы, да ховалысь; не хотилы ламаты виры, а ждалы такого времня, що зновъ буде Благочестіє. И я тогди родывсь, якъ Мандебурія встала. То батько не хотивъ хрыстыть мене увъ Уніята, а хотилы везты ажъ у Выноградськый манастыръ, да вже якось знайшлы попа тута и въ ночи тайно охрыстылы.

(Разсказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смълой.)

ЯРМАРКИ.

А якъ уже забрала край Царыця, да стало усюды Благочестіє, тогди иродъ у пекли и тужыть одынъ до другого:—„Отъ, лыхо, всюды Благочестіє стало! Теперъ уже нельзя никого ни на грихъ, ни на що пидвесты: у будень будутъ робыть, а въ недилю по церквамъ ходыть!“

А другый каже:—„Не журысь, брате: мы такыхъ на ихъ панивъ нашлемъ, що въ недилю не будутъ по церквамъ ходыть, а зроблять усюды по недилямъ ярмаркы; то й самы николы не будутъ у церкви и народъ буде ярмарковать“.

Отъ же й справдылось діявольске слово. Теперъ у насъ: що неділя, що свято, то й ярмарокъ не въ тимъ, то въ тимъ сели.

(Разсказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смълой.)

ЖОЛНѢРЫ.

Писля Гайдамаччыны, якъ уже Ляхы сталы зновъ правыты Вкраиною, то було на десять хатъ одынъ ножъ и одна сокыра: боялысь, щобъ зновъ народъ не збунтовавсь. Оце ввійде жовниръ у хату: — „А, ты, мужыку, Сызматыку! у тебе два ножи, галганъ. Гайдамака!“

Визьме и пропало!

(Разказывалъ Кондратъ Тирануха, въ Смълой.)

ХАРКО.

Я самъ знавъ Харка. Винъ бувъ сотникомъ у Жаботыни. Воны зъ Лелекою выплы сюды, якъ Москаль розруйновавъ Сичъ, да й оженылысь у Жаботыни. Лелека жъ ставъ господаровать: млыны, державъ, скотъ продававъ, то-що; а Харко зробывсь сотныкомъ у Жаботыни, и у ёго було сорокъ чоловикъ Козакивъ. То було до панивъ посылав: „Я васъ, — каже, — заслоняю й стережу, а вы мыни давайте кошту й провызію.“ То паны було й прысылають ёму въ Жаботынъ. Бравый бувъ Козакъ! Було йде: жупанъ голубый на верси, красный на споди, чоботы сапьяныци, шапка чорна похылыста, самъ чоловикъ плечыстый, русявый, повновыдый. Було разъ пройде сывымъ конемъ, у другый воронымъ, у трегій буланымъ, у четвертый бплымъ. Той же едноралъ! а Козакъ! А було до войны такый жвавый, що вже зъ нымъ Козакы ничого не бояцьця. Назадъ отченашъ переговорывъ, — ступай смило; куля не визьме!

И пошла вже така слава, що супротывъ ёго нихто не встоить. То Ляхы й думають соби: „Отъ же мы ёго, вражого сына, годуемо, да выгодуємо такого Гайдамаку, якъ Хмельныцькый. То була Хмельныччына, а ще буде Харкивщына!“

Да й прыслалы до ёго въ Жаботынъ:

— „Просыть панъ до Паволочы въ гости!“

Винъ и поихавъ.

А я зъ Лелекою добре знавсь таки. Зъ Харкомъ — ничого хвастать, а зъ Лелекою таки мы добре гулялы. То винъ самъ мыни розказувавъ:—„Я,—каже,—ёму й казавъ: „Эй, не йдь бгате!“

А Лелека той кортавывъ трохы.

—„Эй, кажу, не йдь, бгате! бо не дурно кинь на воротяхъ спотыкаецьця!“

А Харко якъ выиздывъ до Паволочы, то кинь на воротяхъ спиткнувся.

— „Ни, якъ такы не слухать панивъ? Воны мене й годують и все“.

— Ну було жъ ёму хочъ не напывацьця, було ёму лыть у кышени; хусткы въ ёго булы було ёму въ хусткы лыть, то бъ ёго такы не взялы. А то якъ напывсь, то ёго пьяного взялы къ чорту, да й зтратылы.

(Такъ разсказывалъ въ Смѣлой Кондратъ Тарануха, а въ Звенигородкѣ лырныкъ Уманецъ, поэтъ по сбразу жизни, прибавляетъ нѣкоторыя подробности, болѣе поэтическія, нежели истинныя:)

У Паволочи була у ёго хрыщена маты, зъ велыкого поколинія пани; то винъ-то надіявся, що ёго тамъ не займуть, да напывшысь добре, якъ лигъ спаты, тогди та паны: „Теперъ,—каже—Ляшкы, маете часъ, оступайте Харка!“ То Ляхы за ёго. Отъ же ще бъ воны ёго не зтратылы, колы бъ ёго коня не прыковалы: конь бы ёго вызволывъ, не давъ бы ёму пропасты; винъ бы й губы, й зубы усимъ порозбывавъ и будынокъ розвалывъ, бо то кинь бувъ лыцарськый; а то взялы бисовы Ляхы да й прыковалы за чотыри ногы у стани. То кинь, якъ почувъ Харкову кровъ, то давай иржаты, да вже ничого не врадывъ. А Ляхы якъ сталы Харка рубать, то рубалы ажъ тры дни, да ни якъ не порубають: и шабля позубылась гиршъ, якъ зализо; да вже дорозумовалысь, що рубать ёго ёго жъ шаблею; а въ ёго шабля була лыцарська, то та шабля ёго й побидыла.

БАЗІЛІАНЕ.

Базыляне учать було по Польскій, и который хлопчыкъ, або дивочка, скаже Боже прыказаніе, то старосцына дасть пятака, грывню, або хрестыкъ. Сказано—маныла. У одного хлопчыка спытала: — „На що тебе Богъ создавъ?“

А винъ каже:—„Щобъ панщыну робывъ.“

Тому дала срибного злотого.

(Разсказывалъ Дмитро Погорѣлый, въ Звенигородкѣ.)

РОСКАЗЫ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

I.

Запорозьци прыйдуть було зъ Сичы въ Кыевъ, чоловикъ ихъ десять, двадцять, да й зачнуть гулять. Оце одкуплять бочкы зъ дигтемъ, да й розильлють по базару, одкуплять скилько е горшкивъ на торгу, да й порозбывають на черепьпя, одкуплять скилько е мажъ изъ

рыбою, да й розкыдають по всёму мисту: „Йжте, люде добры!“ А дали сидають на коней; шапкы на ныхъ оксамытныи червоны, жупаны то сыни, то красны, штаны такы, що грывню бъ давъ, щобъ тилько подывыцьця. Музыкы йграютъ, а воны, побравшысь, у бокы, и идуть мымо бурсы, Гетьманы такыи, що ну! То бурсакы було оце повыходять за ворота, дывляцьця на ныхъ, да й плачуть. Колы жъ на друге лито дывысь — половына бурсы на Сичи и вродыцьця!

А вже якъ который Запорожець дожыве до велыкои старосты, то й просыть выдилыть ёму грошы зъ кружкы, и якъ выдилять, то прыдецьця на ёго пай тысячъ пять. Отъ, винъ набье чересъ червинъцямы, да забере зъ собою прыятелей душъ трыдцять, або сорокъ, да й йде въ Кыевъ *прощацьця зъ свитомъ*. Оце вже тутъ гуляють воны недиль зо дви, такый бенкетъ пиднимуть, що ввесь Кыевъ зходыцьця на ихъ дывыцьця: „Запорожець. Запорожець зъ свитомъ прощаецьця!“ И оце якъ йдуть було вулыцею, то ввесь народъ за воритьмы. А воны жъ то повбираны, такъ якъ есть тоби макъ у городи! Кони пидъ ныымы — якъ орлы, такъ й грають, а золото да срибло ажъ мыготыть увъ очахъ на соньци, що й зглянуть не можна. Тутъ и бандуры, тутъ и гуслы, тутъ и спивы, й скокы и всякы выкрутасы! Оце такъ Запорожець зъ свитомъ прощаецьця!

А погулявшы такъ недиль зо дви, да начудовавшы ввесь Кыевъ, йдуть уже у Межыгорськый манастыръ. Хто жъ йде, а хто зъ самымъ тымъ, що прощаецьця, танцюють до самого манастыра. Сывый, сывый якъ голубъ, у дорогыхъ кармазынахъ, выскакуе йдучы попереду Запорожець; а за нымъ народу, народу! такъ якъ на Велыкдень коло пасокъ, або на Іордани на лёду. И на ёго коштъ усихъ поять, уси танцюють, уси веселяцьця, ажъ земля гуде!

А вже якъ прыдутъ до самого манастыра, то и стучыть Запорожець у ворота.

А тамъ пытають:—„Хто такый?“

— „Запорожець.“

— „Чого?“

— „Спасацьця.“

Одчыняцьця ворота, винъ одынъ туды ввійде, а товарыство зъ народомъ и музыкамы зостануцьця за воритьмы. А винъ скоро ввійшовъ у манастыръ, заразъ чересъ изъ себе и оддае на церкву, жупаны кармазынныи зъ себе, а надине волосяну чернечу одежу, да й почавъ спасацьця.

(Слышалъ отъ Т. Г. Шевченка.)

II.

Запорозьци якъ пидмовлять було до себе на Сичъ якого хлопця зъ Гетьманщыны, то перше пробують, чы годыцьця буть Запорозцемъ. Отто звелять ёму варыты кашу: — „Гляды жъ, вары такъ, щобъ

и не сыра була, щобъ и не перекыпила. А мы пійдемъ косыть. То ты, якъ уже буде готова, выйды на такый-то курганъ, да й зовы насъ, а мы почуємо, да й прыдемъ."

Отъ, поберутъ косы, да й пійдутъ ниби-то косыть; а де въ чорта имъ хочецьця косыть! Заберуцьця въ комышъ, да й лежатъ. То оце хлопецъ, зварывшы кашу, выйде на могылу и зачне гукаты. А воны й чуютъ, да не озываюцьця. То винъ гукае, гукае, да давай плакать: —„Отъ, занесла мене нечыста сыла мижъ сіи Запорозьци! Лучче бъ було дома сыдиты пры батькови, да пры матери. А то ще перекыпыть каша, то прыдутъ да бытымутъ вражы сыны! Ой, бидна жъ моя головонько! Чого мене понесло мижъ сіи Запорозьци!"

То воны, лежачы въ трави, вислухаютъ усе, да й кажутъ: „Ни, се не нашъ!" А дали вернуцьця до куреня, да дадутъ тому хлопцеви коня й грошей на дорогу, да й скажутъ: — „Йдъ соби къ нечыстому! Намъ такыхъ не треба!"

А якъ же который удасьця розторопный и догадлывый, то, вышовшы на могылу, клыкне разивъ зо два: „Гей, панове молодьци! идите каши исты!" да якъ не озываюцьця, то винъ: „Чортъ же васъ беры, колы мовчыте! Буду я й самъ исты." Да ще передъ одходомъ ударыть на могыли гопака: „Ой тутъ мыни погуляты на простори!" Да затягнувшы на ввесь степъ Козацьку писыню, и пійде соби до куреня, и давай уплитаты тую кашу.

То Запорозьци, лежачы въ трави, и кажутъ: „Оце нашъ!" Да побравшы косы, и йдутъ до куреня. А винъ: — „Де васъ у биса носыло, панове? Гукавъ, гукавъ, ажъ горло заболило; да щобъ каша не перекыпила, то я почавъ самъ исты."

То Запорозьци споглянуть одынъ на одного, да й скажуть ёму: —„Ну, чуро, вставай! Годи тоби буть хлопцемъ; теперъ ты ривный намъ Козакъ!"

И прыймаютъ у товариство.

(Разсказывали въ Мотренинскомъ монастыри.)

III.

Запорозьци, скоро було заспорять, заразъ на поедынокъ на пистолеты. Розстелютъ бурку. Одынъ на одному рижку стане, а другый на другому и стреляютъ. Ото въ ихъ тилько й суда.

(Разсказывалъ въ Александровѣ Иванъ Бурдукъ.)

IV.

Було що року нанздять на ярмарокъ у Смилу Запорозьци зъ Сичы. Прыйде було ихъ чоловикъ дванадцять, трынадцять. А нарядъ

на ихъ такый, що Боже твоя воля! Золото да срибло! Оце шапка на ёму буде оксамытна червона зъ рижкамы, а околычка, такъ пальци на тры, або сыва, або чорна; на споди у ёго жупанъ—самый чыстый кармазынъ, якъ огонь. що й очыма не зоглянешъ; а зверху черкеска зъ вылётамы або сыня, або голуба; штаны суконны сыни, шырокы, такъ и высять ажъ почты по передкахъ, чоботы червоны; а на лядунци або золото, або срибло; и черезплечныкы, то й те все позолочуване; шабля пры боку вся буде въ золоти, ажъ горыть! А якъ иде, то й до земли не доторкаецьця. А оце було сядуть на коней, да по ярмарку, якъ искры сяють! Кыне було оце брыль, да й не допустыть: пидбижыть конемъ, да й ухватыть; а скоро въ кого впавъ, товже оце йдуть, пьють и гуляють за ёго грошы. А храбрость, така храбрость! Було йде, то ій Богу такы до земли не доторкаецьця; тилько—шамъ, шамъ, шамъ, шамъ, пишовъ гулять! Сватають було дивчатъ. Мою сестру засваталы; то коней у батька поодгодовувалы, самы недиль зо дви гулялы, да потимъ: „Пойдемо жъ мы за свыдительствомъ, да будемо винчацьця“ Якъ поихалы, то тилько й бачылы.

(Разказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смылой.)

V.

Яку жъ вамъ теперъ письню заспивать? Хыба про Васюрынського?

„Васюрынськый Козарлюга все пье, да гуляе,
„Отамана Кошового называе:
„Позволь, батьку отамане намъ на башти статы:“
„Якъ не стыдно Билій Царыци а Сичъ руйноваты?“

Васюрынськый, знаете, той бувъ такый сылный, що якъ прычащаецьця, то чотыри чоловикы держать попа, щобъ не впавъ одъ духу. Такый бувъ лыцаръ, що тилько дхне, то одъ самого духу не встоишъ на ногахъ. Якъ прышлы Москали Сичъ жакуваты, то винъ просывсь, щобъ тилько позволено ёму стать на башти: „Мы,—каже,—станемо зъ кулакамы, то ни спысъ, ни куля не визьме.“ А описьля якъ побачылы, що Москва вже все позабирала, то сило ихъ сорокъ тысячъ на човны, да й поихалы до Турка.

(Онъ же.)

VI.

Я служывъ два годы у Берыславѣ*, а тамъ не далеко рыбныи зоводы Запорозькыи. То було якъ прыдешъ у заводъ, то воны тебе не стануть пытать, що ты за чоловикъ, а заразъ: „Дайте

* Въ 75 верстахъ отъ Херсона.

лышъ Козаку попойсты, да й горилкы чарку пиднесить, бо винъ, може, здалека йде, то втомывсь.“ Отъ, якъ наисысь, то ще ляжъ одпочынь, да тогди вже пытають: „Хто ты такый? Може роботы шукаешъ?“ Отъ, скажешъ:—„Шукаю.—„Такъ и въ насъ е робота; прыставай!“ То й прыстанешъ, и часомъ за мисяць рубливъ двадцять заробышъ. А народъ бувъ усе роскошный, шыи такыи, що хочъ обидьв гны: уже воны до себе якого-небудь не прымуть, а усы довгы, що ажъ за ушы позакладують. У недилю було зберуцьця гулять, то багатыи особо, а вбогыи особо. Багатыи й шатеръ соби напнуть и справляють балъ: горилку пьють, у карты, а найбильше въ шашкы, грають. На кобзи було лырникъ имъ грае, пидобгавшы ногы, а воны танцюють. Пійде було навпрысидкы, то геть обійде чортъ знае де. То вже народъ муштрованый бувъ! Або колесомъ пійде, то чортъ ёго знае, якъ винъ тамъ котыцьця: зо всимъ якъ колесо!

(Разсказывалъ въ Звенигородкѣ пасичникъ изъ Кремечуга.)

VII.

Росказувала одна стара баба, що, каже, якъ була я дивкою, то, каже, Запорожець ставъ зо мною жартовать. А другый стоить, да й каже: — „Вражый сыну! На що ты зъ дивкою жартуешъ? Хыба тоби нема молодыци?“

— „Я,—каже,—тилько такъ.“

Да вынявъ зъ кышени такый хорошый шовковый платокъ, да й каже:—„На жъ тоби, бисова дивко, носы! Се тоби за те, що зъ тобою пожартовавъ.“

(Онъ же.)

VIII.

Тогди такъ було, що оце пидмовыть дивку, завезе на Запорожьжя, продасть, а самъ вернецьця. Мыни одынъ прызнававсь: „Я,—каже,—продавъ Варку, то й каюся и не буду до вику женыцьця.“

И не женывся.

(Разсказывалъ Дмитро Погорѣлый, въ Звенигородкѣ.)

IX.

Якъ стоялы мы въ Кыєви, то я зъ другымы стражъ державъ. Мижъ намы булы Запорозьци въ холодныци. Старшый Запорожець

въ зализахъ сыдыть, а товарыство въ колодкахъ. Старшый здоровый чоловикъ, оттакый! да й то не худо - пахолкы.

А Запорозьци, волны люде булы. Каже: „Хочъ до крови не хай бьюцьця, а колы до насъ нема прозьбы, то мы й не помагаємъ.“ За те, що ихъ зъ степивъ прогонялы и добуватъ не позволялы, то Кошовый розсердывся, що одъ ихъ ввесь степъ одбиралы и завоёвуватъ не позволялы. Тогди намъ такы и тиснійше стало, бо вередовать почалы. А воны нашій Царыци служылы. До ихъ изъ нашихъ утикалы, бо тамъ вольнійшъ було.

Отъ оцей старшый и товарыство пидмовлялы до себе Московського карабынера; а той не пишовъ, да своимъ охфыцерамъ и объявывъ, то ихъ и позабиралы. То було говорыть: „У насъ оттакъ, баттьковы диты, дiялось: колы зажелавъ, ступай до насъ; а ни, сказавъ: „Мени й тутъ дыбре служыть Богу й Царыци за Виру Хрыстiянську.“

А на ёму одежа славна, штаны оксамытны чорны, курткы зелены, а шапкы не бачывъ, — и не надивавъ, правду сказать.

Оце за нымъ ходымо, караулымо, а винъ намъ каже:—„Що вы, батьковы диты, ходыте за мною? Вы бъ тры дни надо мною стоялы, вы бъ думалы, що я передъ вамы, а я Богъ знае, де бувъ бы!“

Да було свому товарыству, що въ холодныку, гласъ и оддае: „Сыдить,—каже,—хлопци; вы шуткуйте, шуткуйте, да ждить ладу, покы бумага прыйде зъ полку; побачымъ, хто выноватъ, чы мы, що пидмовлялы, чы винъ, що насъ пидъябедывъ. Не погане море, що собакы хлепчуть, не поганы й люде, що пидъ прыказомъ сыдять!“

А воны, сказано, сыдять въ козарни*, ихъ и на работу зъ рештантамы не выгонялы. Тутъ и ложечка (кровать) для Прапорщыка.

То якый Запорожець: „Отъ увяжить мене,—каже,—въ мишокъ, чы встережете мене, що мене бережете?“

— „Чомъ?“

„Кете мишокъ!“ — да й влизе въ мишокъ, да до сволока ёго й прытягнуть за трямкы; а винъ изза дверей и йде, да: „Здоровы, вражы сыны! Устереглы?“

Або который-небудь Запорожець:—„Що вы, думаете, я не знаю, що вы вмiете красты?“ Да разъ до мене: „А на що ты пятака вкравъ?“

— „Я й не бачывъ пятака!“

„А ну, скынь чобитъ!“

Скынувъ, ажъ у чоботи пятакъ!

А винъ: „А, йдятъ васъ мухы!“ Да й смiецыця, вражый Запорожець.

А то винъ хымородою хымородывъ, сказано каверзныкы.

А старшый було лежыть да: „Гуляйте, хлопци, гуляйте, да заспивайте лышъ писынь!“

— „А якои,—кажу,—вамъ писенькы заспивать? Може оттакои, дядьку, оттакои?“

---

* Posadzić do kozy.

А я й не знавъ, що винъ Запорожець: на ёму ни якои кавалерыи нема, а въ зализахъ, да думаю: такъ, служащый, да й заспиваvъ ёму Запорозькои: „Ой пойжае да по Украини да Козаченько Швачка,“.... То винъ слухавъ, слухавъ, слизмы облывся, да мене за голову: — „Ахъ, сыночку мій! Се жъ наша батькивщына! Се жъ наша отцевська писыня! Се не писенька, се щырая правдонька! Такъ мы у своихъ батькивъ служылы, да оце про ихъ и писыню проложено!“ Сёму вже (когда онъ видѣлъ Запорожца) годъ пятьдесятъ пятый буде.“

(Разсказывалъ Семенъ Юрченко, въ Мартыновкѣ, Черниговск. губ.)

X.

Запорозцьци перше звалысь *Козары* и сыдилы въ Каневи, потимъ въ Романкови, потомъ у старому Кодаку, а дали ныжче Никополя. (Происхожденіе ихъ:) Служыло ихъ три у Короля. Король заплатывъ двомъ жалованьне, а третёму сказавъ — „Отъ же я двомъ заплатывъ гришмы, а ты, колы хочъ, иды въ Каневъ, осады соби тамъ слободу!“ Отъ винъ пишовъ, да й завивъ тамъ Сичъ.

(Разсказывалъ старикъ въ Корсунѣ.)

XI.

Въ Запорожьжи нихто було не скаже старому: „Дурно хлибъ исы.“ Прыйдь, ратыще встромы, янчарку повись, да й лежы соби хочъ тры мисяци, пый й йжъ готове. Тилько встань, Богу помолысь; колы є грошы, иды въ корчму, горилку пый.

А якъ же скаже хто: — „Дурно хлибъ йсы,“ то Козакы такъ и нападуть: „А ты вже закозаковався, сякый, такый сыну!“

(Онъ же.)

XII.

Козакы пидъ Мазепою зминылы, да й пишлы пидъ Турка. Турокъ давъ имъ землю и все. Колы жъ умеръ Козакъ, а земля й выкынула, умеръ другый — и другого выкынула, третій, выкынула й третёго. Такъ воны тоди: — „Эй, брацьци сердечныи! вернимось, бо насъ тутъ и земля не прыймае!“

А Царъ Петро вже зазывае: — „Верницьця, — каже, — не буде вамъ ни якои кары, ни упомынку.“ Такъ воны й вернулысь.

То йхавъ разъ батько поузъ Савуръ Могылу, а тамъ велыкыи шляхы идуть: одынъ у Московщыну, а другый у нашу сторону. То мижъ

тымы шляхамы, коло тыи Савуръ Могылы камень велыкый лежыть. А зъ нымъ ходывъ тоди на Динъ Василь Куценко, письменный. Такъ батько каже:—„Иды лышъ, Васылю, прочытай, що на тимъ камени напысано!“ А той пишовъ, да й прочытавъ: „*Проклятъ, проклятъ, проклятъ, хто буде одъ Запорозьцивъ одбирать землю, покы свитъ сонця!*“ Государъ таке заклятьтэ положывъ.

Мій батько такы водывся зъ тымы Запорозьцямы. Бувало то горилку, то що возять у Сичъ. Росказуе було, що, каже, якъ прывезешъ горилку, то й прыде куповать, и заразъ бере волочокъ, тягае, самъ пье и душъ десять частуе. Хто стоить, жодного частуе. Уже жъ ты ёму не кажы ничого. То выпьють такъ якъ на корхъ зъ бочкы,“ да тоди вже: „Заплатимъ же, паны молодьци, за горилку!“ да й закупыть уси бочкы, и вже заплатьть добре! А якъ же бъ що сказавъ, то и стоявъ бы тамъ не знатъ докы, да може й назадъ повизъ бы горилку.—„Не йдить,—кажуть,—до вражого сына куповать: чаркы горилкы жалуе.“

А вже въ ихъ такъ, що якъ садовышъ, то садовы багатого и вбогого; а якъ же ни, то й хазяина по грудяхъ:—„Матери твоій бисъ: богатого такъ и трактуешъ, а мене такъ и ни!“

Жвавый народъ бувъ! Було якъ пійде конемъ, то не такъ якъ нашы, а такъ якъ панъ; колы бъ струснувся! Такъ и пизнаешъ ёго оддалеку.

Разъ стою за воритьмы, ажъ ихъ йде тров, а за нымы по одному коню пидъ въюкамы: и що тамъ сриблавъ тыхъ въюкахъ! Такъ думаю, що четверыкъ на жадному.—„Здоровъ“—кажуть.“—хлопча!“—„Здоровы!“—„А де тутъ Дмытро Билыкъ жыве?“—„Оце,—„кажу“—й Билыкъ!“—„А дома?“—„Дома.“—Заихалы, пообидалы въ батька, да й поихалы. А то воны верталысь изъ Польщы. Кажуть батькови: —„Уже, Дмытре, надралы; буде зъ насъ покы й нашого вику!“

Не одну жъ Польщу воны дралы. Було й нашымъ одъ ихъ лыхо! Ни харчи було не провезешъ, ничого. Росказувавъ батько, що идемо, каже, зъ Запорожьжя. А братъ до брата на Запорожьже ходывъ, такъ винъ ёму два возы рыбы наклавъ. Идемо зъ Запорожьжа, ажъ дывымся—ратыще на шляху встромлене. Уже жъ и не йды далше, а то якъ выскочать, прокляты комышныкы, не довго на свитъ дывытымыся. Зупынылы воливъ, ажъ и йде ихъ тры. Два жъ стоить на коняхъ, а одынъ до воза:—„Розшнуровуй визъ, вражый сыну!“ Розшнуровавъ. Винъ й почавъ изъ воза рыбу выкыдать. А въ другому вози спысъ стрымывъ; визъ бувъ очеретомъ укрытый, и спысъ у ёму стрымывъ. Той чумакъ дывывсь, дывывсь, дали якъ ухопыть спысъ, да якъ суне того комышныка пидъ бикъ, такъ и пронявъ.—„А йдить,—каже,—й вы сюды! (на тыхъ уже, що на коняхъ сыдять)! И вамъ те буде!“ То тыи бачать, що се не промахъ, да й звомпылы.—„Що жъ?“ кажуть,—мы бачымо, що винъ вражый сынъ глумыцьця“. Да й оружьже поодкыдалы.—„Сховаймо, кажуть,—ёго, брацьци! То такы не падлюка, то Хрыстыянынъ.“ Угорнулы въ рядно,—рядно въ того чоловика взялы,—да й заховалы. То-

ди пытаюцьця: —„Хто жъ ты такый?“ — „Я“ —каже —оттакый и такый, ходывъ до брата въ гости!“ —„Знаємо,—кажуть,—того Козака! Щобъ же тебе! Колы бъ ты намъ хочъ слово сказавъ, що ты ёго братъ, мы бъ тебе й не чипалы.“ Да й пойхалы.

Такый то народъ бувъ. Якъ не краде Запорожецъ, то й кажуть ёму: — „Докы ты, вражый сыну, будешъ лежаты? И чарки горилкы ни за що выпыть! “

Нашъ родычъ, Яцько, бувъ у Запорозьцяхъ, то було росказуе: —„Пишлы, каже,—разъ ажъ за Богъ рику надъ Тылыгулъ коней красты: глянемъ, ажъ такый табунъ коней ходыть! Отъ я прылизъ, ажь Нагаецъ вартовый спыть и вижкы замотавъ коло рукы. Я якъ сунувъ ёго спысомъ, а винъ у панцыри, то спысъ такъ и закорчывся. Винъ якъ схопыцьця, да до мене! то якъ бы не було ножа, то заризавъ бы вражый сынъ; а то я якъ черкну ёго ножемъ по горлу, то винъ такъ и повалывсь.

А вже въ Сичъ баба не ходы; хочъ бы сестра, хочь бы маты ридна — не пустять. Такъ, чортъ же знае по якому жылы тыи Запорозьци: самы соби якъ бурлакы. Бувъ одынъ Запорожецъ Нагаецъ, да й внадывся до попади. Коло Сичы десь тамъ у сельци винъ жывъ; такъ винъ до попади й внадывся. А Запорозьци пронюхалы, да й пишлы до Кошового:—„*Такый намъ стыдъ робыть Нагаець, пане батьку; унадывсь, кажуть, до попади, якъ той собака!*“—„*Постійте жъ,*“—*каже*—*паны молодьци; я Козака надежного пошлю; нехай прысочыть ёго; тоди вже буде ёму судъ и росправа !*“ Отъ, Нагаець поихавъ изъ Сичы, а Козакъ соби. Прыихавъ до попади: — „*Одчыны!*“ Не одчыняе. Винъ якъ сune въ двери ногою, — двери такъ й вывалылысь. У хату, ажъ винъ тамъ за запонкою. „*А що ты тутъ робышъ, сякый, такый сыну?*“ Якъ узявъ быть ёго нагаемъ. А той просыцьця:—„*Брате мій ридный! Уже хочъ бый, тилько панови батьку не лысы!*“ А тамъ уже таке чортове заведенiе, що симъ разъ якъ ударыть кыемъ, то вже хлиба не истымешъ. Такъ що жъ? У такого одмолысься? И нагаемъ выбывъ, и Кошовому зъясовавъ. Ну, звисно вже: заразъ до стовба, да кіямы. Занедужавъ, сердечный Нагаецъ, одъ такой бани, да й вмеръ незабаромъ.

Уже що бойкый людъ бувъ, то такъ! Разъ ходывъ изъ батькомъ у Сичъ изъ горилкою мой ридный дядько. Отъ и пытаюцьця:— „Що се, Дмытре, зъ тобою?“ — „Да се, — каже — мой шурынъ, моей жинкы братъ.“—„Якъ ёго зовуть?“ —„Хома.“ —„Не вклепався,—каже,— пипъ, що ёму таке имня давъ: винъ на Хому й походывъ, дiяволивъ сынъ!“

А разъ такы добре допеклы мойму батькови. Сыдыть винъ изъ нымы въ лёху, да й пьють. А воны й давай ёго на смихъ пидіймать:—„Ге, васъ, кажуть, тамъ у Польщи,—а се бъ то, бачъ, на Вкраини,—повы мыромъ не мажуть, а гусячымъ саломъ. „А батько, не довго говорывшы, схопывсь, да на базари купывъ хлиба, да й пишовъ до Кошового. Кошовый выслухавъ:—„Ишъ,—каже,—вражы сыны! А воны жъ изъ чого поплодылысь? И воны жъ изъ мужыкивъ породылысь, а теперъ уже тилько ихъ мыромъ мазано! А пійды,—каже на Козака, що

пры ёму був, пійды лышенъ помыры ихъ!“ Прышовъ Козакъ изъ батькомъ до лёху:—„А чого, – каже,—вы тутъ, вражы сыны, змагаетесь?“— А воны:—„Сядь, сядь, батьку! Чарку горилкы выпый!“ Отъ винъ посыдивъ трохы:—„Що жъ—каже,—я дармо чоботы топтавъ для васъ? Положить по рублю!“ Уси вынялы по рублю и положылы ёму въ шапку. И батько мусывъ положыть рубля. Такъ розсудывъ, дiяволивъ сынъ!

А то, кажуть, ще-то въ старовыну, одибравъ Кошовый що найкращый народъ да одижный, да й послався до Короля. Отъ Ляхы бачать, що въ ихъ усы оттакелезны:—„Чого бъ, кажуть, дать имъ исты? Даймо имъ сметаны!“ Далы сметаны, а Запорозьци кажутъ:—„У насъ не даютъ сметаны напередъ, медъ напередъ даютъ.“ – „Ну, дать имъ меду!“ Далы меду, а воны якъ попоилы меду, да позакручувалы усы:— „Теперъ,—кажуть – давайте й сметаны!“ А пидъ той самый часъ непрiятель прыславъ Ляхамъ лукъ:—„Якъ не натяжете,—каже,—сёго лука, то становицьця на баталiю (не о войнѣ лѣ съ Крыжаками подъ Динабургомъ?)!“ Отъ Ляхы пробовалы, пробовалы, нихто не натяне. А одынъ Запорожецъ:—„Ось кете лышъ,—каже,—сюды!“ Узявъ, такъ и натянувъ той лукъ.—„Дайте жъ,—каже,—теперъ мыни штабу залѣза, да взявъ, да кругомъ шыи тому послови обгорнувъ, дай завернувъ, такъ якъ отъ снипъ завертаешъ, що перевесло скружышъ; такъ винъ ту штабу завернувъ:—„Колы одвернете,—каже,—вы сю штабу, тоди мы на баталiю зъ вамы станемъ. „Якый же ёго чортъ одверне? – Хыба бъ голову одкрутывъ! Може, якъ прыихавъ, то може чортъ знае, докы пылялы. Не можна ни лягты, ничого.

Э, здоровый народъ бувъ! Уже якъ зруйновалы Сичъ, то одынъ такый бувъ здоровый, що духомъ убье чоловика. Якъ пишовъ прычащацьця, да духу не втаивъ, то трохы Священыкъ не впавъ навзнакъ.—„Хто ты,—каже,—старче, такый? Прызнайся.“—„А що жъ,— каже,—батюшка, я отой и той.“—„Зыйды, —каже,— зъ сёго града, бо тилько дознаюцьця, то пропадешъ.“

Ще скоро рознеслась чутка, що Запорожьже зруйнуютъ, то Гетьманци було Запорозьцямъ спивають:

„Вражы сыны Запорозьци не добре зробылы,“

Що край добрый, станъ веселый да занапастылы.“

То Запорозьци було зляцьця! Воны бъ то й былы ихъ, такъ и тожъ народъ военный. Хочъ и по шынкамъ було зостринуцьця, то не дуже було страшно.

А було якъ очортѣе. Запорозьцямъ у Сичи горилку пыть, то й понаизжаютъ у гости на Вкраину, або на Гетьманщыну. Прыизжаютъ було й до мого батька. То имъ же добре, що е да що пыть, а батько зъ нымы такъ було укачаецьця въ довгы, що ну! Якъ позъиздяцьця було, то й говорять:—„Наше Запорожьже такъ изведецьця, що чортматыме ничого!“ Такъ самы було й говорять. Отъ же и звелось!

Якъ уже въ Сичъ Москаль порынувъ, то воны драла, а Москаль: — „Бижить, да коло Кызыкермена ланцюгъ перекыньте черезъ Днiпръ! Якъ будуть утикать, то зъ пушокъ на ихъ!“ А воны вербу

зрубалы, да й пустылы по Днипру; то верба вдарылась объ ланцюгъ, а пушкы – гу-гу! А Запорозьци тоди:—„Оттеперъ, брацьця, гребить!“ Да й утеклы одъ Москаля.

(Разсказывалъ Климъ Бѣликъ, въ Кумейкахъ)

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА *.

Бувавъ тутъ колысь часто у насъ у манастыри Повковныкъ Козацкый зъ того боку Днипра, звався Перепелыця. То було якъ зачне росказуватъ про давніи войны, такъ умора да й тилько. — Що, каже, теперъ за войны? То якъ колысь нашы Заднипрянськыи Козакы воёвалы, такъ, такъ! То, каже народъ храбрый и до войны тяжко способный. Якъ згадаю, каже, соби, що якъ бувъ я сотныкомъ, то ходылы мы зъ Свитлійшымъ ажъ на край свита, пидъ Очаковъ, да, казалы намъ, що жинкы якъ перуть, то праныкы на небо кладуть: такъ небо тамъ нызенько. То нашому Козацтву и хотилось побачыты такого дыва; и страшно було такъ далеко одъ дому одбыватысь. Але, що маєшъ робыты, колы прыказъ!

Отто, ще, може тыжнивъ за два до походу, жинкы давай усячыну готовыть у дорогу: гринкы сушыть, сало въ возы укладуваты. Нарыштовалы повныи мэжи. Посходылыся уси родычы. Плачъ, жаль такый по всёму селу, що Господы! Де жъ бакъ! На блызькый свитъ до Очакова, де небо вже такъ нызенько, що бабы праныкы кладуть, перучы на рицьци! Прощалысь зъ намы бильшъ, якъ тыждень, провожалы за царыну гурбою, зъ чаркамы, зъ пляшкамы въ рукахъ. Плакалы якъ по мертвыхъ, такъ що я й самъ трохы зплакнувъ, а зъ Козакивъ деякыи и геть-то зарюмалы.

Отъ же то й пишлы мы до того Очакова на край свита. Прышлы, ажъ ни: небо ще не дуже нызько а хыба трохы ныжче, якъ у насъ.—„Ну,—кажемо,—слава жъ тоби, Господы! Ще, выдно, не тутъ край свиту!“

Сталы мы стояты пидъ тымъ Очаковомъ, да ажъ обрыдло, такъ довго. Которому Козакови повны саквы жинка тютюну напхала, або ригъ кабакы набыла, то все тее повикурювалы й повынюхувалы. Дуже довго щось стоялы; прынялы й холоду, й голоду, бо стоялы въ шатрахъ, якъ Цыгане, и не було тамъ ни борщу, ни каши, а все

* Украинскіе старинные балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда пресмѣшныя пародіи, не щадя въ нихъ даже и самихъ себя. *Очаковская бѣда* принадлежитъ къ такому роду разсказовъ.

тилько гринкы зъ саломъ йлы. Отаке-то лыхо! Ажъ ось, не стало вже ставать и сала, а тилько самы гринкы позоставалысь. Що тутъ чыныты! Колы бъ ще Козакы зъ голоду не попропадалы, то якъ тогди й до дому вертатысь? Бида! Повисылы нашы носы, зовсимъ змарнилы; тилько що дыханіе въ тѣлѣ, бо сказано, що зъ одныхъ гринокъ за смакъ?

Отъ, я, взявшы зъ собою пысаря сотенного, да осаула, да отамана, порадывсь зъ нымы, да й пишлы до Свитлійшого прохаты, щобъ дозволывъ послаты до дому пидводы за саломъ. Прыходымъ, ажъ Свитлійшый стоитъ на рундуку и люльку курыть. Поклонылысь ёму. А винъ: —„Что вы, Хахлы?....."

Овва, якъ же погано злаявъ! О, цуръ же ёму! — „Ваша Свитлость! Бида прышла Козакамъ!"

— „Какая бѣда?..... изновъ такъ и ляпнувъ по Московській на всю губу.

А, якъ же паскудно лаецьця! Але ничого робыты: — „Бида,— кажу,—Ваша Свитлость; Козакы зъ голоду мруть!"

— „Какъ съ голоду, проклятые Хахлы?"

— „Мруть, Ваша Свитлость: одни гринкы зосталысь увъ обози, а сала вже забулы й яке воно."

Ще я й не доказавъ, а винъ: — „Вонъ, Хахлы!..... Ребята! Возьмыте ихъ!"

Тутъ Москва якъ выскочыть, да за насъ, а мы пидобравшы полы, навтикача; а вражый Москаль, якъ репяхъ, такъ и вчепыцьця, що, геть ёго, проволочешъ може гоней зо двое. Утеклы насылу. Нехай имъ, цуръ симъ Моєкалямъ! Щото за народъ нависный зъ нымы ни порадытысь по людській, ни що!

— „Эге, панове, — кажу описьля своимъ,—Оце вамъ наука, щобъ бралы сала ще бильшъ, якъ хлиба, а то бачъ, яке лыхо!"

Отто вже стоимо мы зъ лыхою годыною; имо тіи гринкы. Якъ ось, стала чутка, що Туркы йдутъ пидъ Очакивъ. Посылає мене Свитлійшый зъ сотнею попереду, а самъ мусытъ бы то й йты за намы. Пишхалы мы, й думаємъ соби:—„Оттеперъ же, мабуть, прышла на насъ остатня годына!"

Йдемъ, блукаємъ по полю якъ непрыкаяныи. Колы жъ де ни визьмысь у степу курява така, якъ нибы чыя велыка панщына почала віяты жыто на току у сто лопатъ. Оце жъ Туркы йдуть! Що тутъ, о Господы, чыныты? Стрелять бы то до ныхъ, хочъ и далеко, щобъ почувъ Свитлійшый, да й шовъ скорійшъ на пидмогу. Такъ що жъ? Покы ще прыде, то Туркы насъ пошаткують на капусту. А хочъ и ни, то якъ пидоспіютъ нашы, то все такы намъ лыха конемъ не объихаты: треба стояты спереду, то вси й пропадемо ни за собаку. Що тутъ у Бога діяты! Дывлюсь, ажъ мостокъ надъ яркомъ:—„Брацьця,—кажу,—зховаймось пидъ сей мостокъ. Нехай чорты бьюцьця, а мы пересыдымъ тутъ лыху годыну, да й жывы до дому повернемъ!"

Козакы заразъ мене й послухалы. Збылысь у купку коло мене тамъ, якъ бджолы кругомъ маткы. Сыдымо; колы жъ земля и звидси, и звидты гуде, такъ якъ нибы дви хмары наступають, одна зъ западу, а друга одъ сходу сонця. Якъ зійшлыся жъ Москали зъ Туркамы, якъ сталы бытысь, то, Господы твоя воля! и родылысь, и хрыстылысь, такого страху не бачылы. А дали чуємо, що Москали перейшлы за мостокъ, да й погналы Туркивъ.

Отъ, мы тогди зпидъ мистка. Дывымся, ажъ кони такъ играють кругомъ насъ по полю, а Туркы, що трискы на дрывитни, валяюцься купамы, а деякыи порыненыи ходять помижъ нымы и самы не знаютъ, куды йты, бо й сылы, й смилосты вже чортъ маєе, а напужаны такъ, якъ овечкы одъ вовка; якъ розжене стадо, то ще довго дурныи стоять, вылупывшы очы, по горахъ, а пастухъ хочъ гукай, хочь не гукай.

—„Берите ихъ!“—крыкнувъ я своимъ,—, вяжить вражыхъ Туркивъ, покы духъ имъ не одытхне! ловить коней!“

Отъ, мои Козакы давай ихъ батоваты! И набатовалы сотень зо дви, да коней сотъ зо дви, и грошей повны кышени понабиралы.

— „Теперъ же,—кажу,—хлопци, звернимъ у бикъ зъ дорогы, да одпочынемъ трохы де-небудь у байраци, бо може втомылысь, ганяючысь за киньмы; а надвечиръ вернемось до Свитлійшого.

Такъ изробылы. А якъ усе вгамовалось, и самъ Свитлійшый вернувсь до лагера, то й мы надвечиръ прычвалалы. Прыходымо до ганку, ажъ винъ стоить зъ люлькою такы въ зубахъ. Заразъ, якъ побачывъ насъ, такъ и загнувъ намъ по Московськи:—„А что вы, Хахлы!“

О, цуръ же ёму, якъ не гарно лаецьца! Овва! Чы можны жъ такы такъ ганыты чоловика ни за що, ни про що?

— „Да мы оце, ваша Свитлость, прышлы спытатысь, кому оддаты плинныхъ?“

— „Какихъ плѣнныхъ, проклятые Чубы?“

— „Да отъ же бачыте, що мы ходылы увъ объиздъ изъ своею сотнею, то якъ напалы на насъ Туркы, а мы якъ почалы ихъ стреляты, да рубаты, то й самыхъ розогналы, и двисти плинныкивъ узялы, тилько шкода, що вси поранены!“

— „Двѣстѣ плѣнниковъ! А людей сколько потеряно?“

— „Ни одного чоловика, Ваше Свитлость: уся сотня, слава Богу, жыва й цила!“

„Тьфу, проклятые Хахлы! Двѣсти плѣнниковъ и самы цѣлы! Забрать у нихъ плѣнныхъ! Пошлы къ..... глупые Чубы!“

Такъ намъ загнувъ на прощанье, да й одпустывъ, спасыби ёму!

То вже тогди мои Козакы й кажутъ: — „Якый-то тоби, пане сотныку, Бигъ розумъ давъ! Якъ бы тебе не послухалы, то вси бъ, може, марне пропалы; а теперъ, слава Богу, и добычы повны рукы, и самы зосталысь жывы й здоровы!“

(Разказывали въ Мотренинскомъ монастыри.)

РАЗСКАЗЫ О ТАТАРАХЪ.

I.

..... А той Артыпармакъ такый бувъ, що водывъ Орду по всій Украини, то де позволено було ясыръ брать, той бралы. Була тая Орда въ Капустыной и въ Йркахъ, и въ Калныболотахъ. А тутъ народъ зійшовся зъ ципамы: - „Ходимо, выбьемъ вражу Орду, щобъ іи й духу не було!"

А Артыпармакъ сказавъ: — „Не займайте! Бо пушкы на васъ наведу и всихъ выбью, а Орда зостанецьця цѣла!"

Да й повернувъ на Крывы Колина, да тамъ уже не знаю, де винъ іи дивъ. Мабуть, де взявъ, туды й вывивъ.

А въ насъ тогди бувъ Козакъ Кузубъ. Той и каже: „Пойдемо, брацьци, за Ордою, чы не достанемо по червиньцю!"

Отъ, мій батько, да ще одынъ чоловикъ, да той Кузубъ, силы на коней, да й поихалы. Прыихалы въ Йркы, ажъ тилько въ одній хати три Татарюгы сыдять посередъ хаты голыи и гріюцьця коло огню, бо се було въ зимку, и люлькы курять. Отъ, нашы ихъ повбывалы, да не знайшовшы пры ныхъ ничого, — бо сказано голота, — й повернулы до дому. Колы жъ зустричають ватагу Козакивъ: те жъ йдутъ на чаты.

— „Здоровы, Козакы!"

— „Здоровы" — кажуть нашы.

— „А де вы булы?"

— „Да оце, — кажуть, — йздылы за Ордою."

— „А що вы тамъ бачылы?"

— „Ничого: трёхъ голыхъ Татаръ убылы, да й вернулысь зъ пустымы рукамы."

— „Давайте жъ сюды, вражы сыны, и своихъ коней!"

Да й побралы въ ныхъ коней. А воны, сердечныи, мусылы йты до дому пишкы. То смиху, смиху описьля зъ того було! Оттакъ воюй Орду! Довго сміялысь, якъ було зберуцьця у кунпаніи.

(Разсказывалъ Дмитро Погорѣлый въ Звенигородкѣ.)

II.

Колысь то ще, якъ Польща пановала,—бо теперъ уже Польщы тилько рукавъ, - увесь свитъ свита, а Польщы тилько рукавъ,— Польща хуторъ, — такъ Татаре набигалы. Було навяже людей рукамы до жерткы нызку, да й жене. Отъ же єсть и лисъ Перегинъ.

Такъ тоди-то разъ Татарынъ такъ нагнавъ того мыру, що й земли важко. Ото ночуютъ воны въ степу. Такъ тіи вже до людей говорятъ: „Чы вже жъ мижъ намы нема такого сылного, щобъ оцю сырыцю порвавъ; або такого, щобъ ружьже замовывъ, або що? Подаваймо мы оцю мову по всёму обществу своймy, изъ коньця въ конець, щобъ такъ якъ оце.“ ... Подалы тую мову, одынъ по одному, одынъ по одному. Ажъ одынъ и каже: „Я,—каже,—розвяжу и соби, й вамъ рукы, тилько не выдайте мене.“ – „Не бійся,—кажутъ,—абы тоби Богъ помагавъ.“ Ото винъ ставъ навколишкы, стенувся, сырыця такъ и трыснула. „Теперъ же, — каже, — одынъ одному розвязуйте рукы, да забигайте зъ усихъ сторонъ по частямъ, дай крычить:—„Сюды нашы, сюды нашы! Забирай Турка, бый Турка!“ Колы такъ, каже, якъ нароблятъ крыку: го, го! го, го! го, го! якъ нароблятъ крыку, — Туркы не стямылысь, да въ ростычъ, а нашы за нымы, — побылы, й порубалы, а самы до дому вернулысь.

(Разсказывалъ старикъ-нищій въ Кіевѣ.)

III.

Ще до Коліивщыны пишла разъ по Черкасамъ чутка, що Орда йде, и вже не далеко. А се було зимою. То народъ такъ и хряснувъ на той бикъ (Днипра). А тамъ збиглось десяткивъ пять Гетьманськыхъ Козакивъ на *Кручыну* редуту, выще села Панського: „Стійте! Нема указу!“ Не пускають черезъ граныцю.“ А народъ сперся на лёду, то лидъ ажъ реве. Крыкъ, гвалтъ, диты плачуть! Бида такая скоилась на лёду, що Боже твоя воля! Те саночкамы самотужкы, а въ кого волы, то на волахъ; а хто коні мав, то кіньмы. Тутъ и коровы, тутъ и овечкы, тутъ збижьже всяке. Отожъ зупынывшы народъ на лёду, одынъ Козакъ побигъ до суда въ Золотоношу, чы можно пустыть? А нашы люде силы на коней, да побиглы ажъ до Смилянського мосту, чы йде Орда? То прыбигае Гетьманець: „Можна!“ Ажъ тутъ и нашы вернулысь: „Нема Орды!“

А вона такы була, да тилько розграбыла Журавку, да Бовтышку, тамъ десь коло Камнянкы, да й вернулась.

(Разсказывалъ Харко Цехмистеръ въ Черкасахъ.)

КОЗАКИ 1790 ГОДОВЪ.

Діялось се въ 1790 року. Тогди въ Польщи зробылась завырюха. Мижъ Полщакамы й добры люде есть, да часомъ дило ныш-

комъ роблять. Отъ и вышовъ указъ зобрать Малоросыйскыхъ Козакивъ. То насъ и зобралы въ Чернигови въ 1790 году, а 1791 и 1792-го у Кыеви вже лагерямы стоялы. Изъ трёхъ губерень насъ набрато девять тысячъ. Я и знаю, якъ Потёмкынъ набиравъ насъ. Винъ бувъ первымъ совитчыкомъ у Государыни, а Речетныковъ бувъ началныкомъ. Ну, такъ оце насъ бувало що недилы смотрыть. А въ насъ одежа була егорська, пидъ зелень пидходыла. Въ страженіи винъ (Потёмкынъ) багацько війська потерявъ; то про ёго проложена й письня:

„Ой Потёмкынъ Генералъ
Много війська потерявъ,
Ой якъ же винъ потерявъ?
У картушкы програвъ.“

А Государыня,—сказано жинощына,—вона ёму те й простыла. Винъ сказавъ ій: „Государыня Екат. Алекс.! Нехай другы командуютъ имы, а позвольте изъ трёхъ губерній чыстыхъ мыни Малоросыянъ набрать!“ Отъ вона, нехай царствуе, и позволыла. Винъ изъ трёхъ губерній и набравъ девять тысячъ и зъ Хвастовець тысячу. Отъ, мы вышлы въ Кыевъ. А тамъ Днипръ манастыръ Выдубськый пидризавъ, и погреба булы открыты. То старшын й кажуть: —„А що, Козакы! каша остыла, до бурякивъ!“ Отъ мы тогди до бурякивъ, да въ котлы. Тогди жъ я заслабывъ и остався въ обози. Отъ Потёмкынъ першъ смотривъ у Чернигови все військо. Пихота жъ махнула, а покы мы прыбулы, винъ уже пересмотривъ и махнувъ у Петенбурхъ. Ёго потребувалы туды. Ажъ ось треба! Указъ и прышовъ: „Померъ Потемка! Померъ!“ А Леванидовъ же теперъ владіе військомъ и Речетныковъ, и говорять: „Що намъ робыть изъ оцимъ корпусомъ? Чы ёго по повкамъ розбыть, такъ велыка сыла, чы що?“ И послалы указъ до Царыци. А вона й одпысала: „На васъ оддаюсь, на ваше сумлѣніе. Того вже нема, кому я позволыла зобрать!“ А воны й розсудылы, нехай царствуютъ: Пустыть ихъ у господу. Пани одслужылы, теперъ пустить ёго на свободу, де хотя прожыть; тилько однодворцивъ, а наймытивъ по повкамъ, бо скаже: „Я свое одслужывъ.“ Ото жъ мы й прышлы въ Кыевъ 1793 году уже не треба, замырылось се, тилько Нащокынъ, — я ёго знавъ, и на рундуку стоявъ на часахъ. Разъ иде у выступцяхъ и сертуку,— а бувъ чоловичокъ соби невелычкый, старенькый,— я и зробывъ на караулъ, а винъ говорыть: „Не надо, голубчыкъ!“ А винъ не пры кавалерыи, ни що. Отъ, якъ розпустылы насъ, то винъ и зложывъ муныцію въ гамазыны; а тогди жъ то потребовалы въ Польщу и попивъ, щобъ правыть по Благочестію для Полякивъ, скилько ихъ прывернулось. Мы жъ ото вышлы ниччу на майданъ, щобъ позводно... А протывъ насъ Астраханськый повкъ. Отъ и пишлы командовать. Палы! трись! тамъ трись, Астраханськый повкъ трись! до того дотрискалысь, що за рулю не можна було взяцьця, такъ розогрилась. Мы жъ холостымы зарядами стреляемо, а изъ Астраханського якыйсь бойнымъ только ззз! ззз! почала зызгать куля! Якъ холостымъ зарядомъ, то воно тилько трисне; а кулю заразъ вже знать. Отъ мы стоимо: да й думаемъ:

—„Тутъ уже до дому бъ то скоро йты, а тутъ ось яке лыхо!“ Тутъ зразъ начальныкы постереглы, да „Полно! полно!“ Ото мы й розишлысь. А и тогди не безъ завидивъ було. Не далы намъ за треть года жалованьня. Прышовъ же я до дому. Ну, ничого тапть гриха. Треба засватацьця, одружыцьця. Богъ же зна, колы буде требка, бо однодворци повышны булы, якъ указъ прыде, зновъ буть на мисти. А братъ каже: „Я за тебе послужу.“ Така согласна вже. А тутъ донеслы Государынни, нехай царствуе, що стрилкамъ не оддано жалованьня. Отъ вона й прыписала: „Оддать жалованьне!“ Уже жъ намъ се жалованьне даромъ не обійденьця. Пишлы въ Борзну и взялы жалованьне! Ажъ тутъ Леванидовъ крычыть: — „Подай стрѣлковъ! Подай Малороссійскихъ стрѣлковъ!“ То тутъ кыдай й печене й варене. Леванидовъ: — „Подай стрилковъ!“ Въ Польщи зновъ закуёвдылось!“ Отъ же мойму брату итыбъ служыть, — такъ не можна: Леванидовъ прыписавъ:—„Безъ моеи видомы щобъ не переминялысь, чы слипый, чы крывый, щобъ булы налычно!“ Баба моя, тоди ще молода, кланяецьця:—„Братику соколыку! Иды ты, перемины!“ А я ёму й тогди ще казавъ: „А що жъ, якъ не пійдешъ? Хазяйку засмутышъ и выгонышъ: вона на тебе буде плакацьця!“ Отъ й спысалы бумагу, да въ Борзну. А въ Борзни Михайло Васплёвычъ Часныкъ комысаромъ бувъ. Прышлы до ёго зъ бумагою. А винъ бувъ невелычкый, да грубненькый: „Голубчыкы,—каже,— не наша сыла. Сохранъ Боже переминяцьця! Генералы кажуть неможна.“ Мы й пошлы, ничого робыть, пошлы въ Черниговъ. Намъ и переклычка есть, а браты за намы идуть, якъ бурлакы. Губернаторъ каже: „Не могу я изробыть ничого!“ Отъ мы зъ Чернигова повернулы въ Кыевъ. Браты кажуть:— „Э, брацьця, вы насъ до убытку доведете. Мы до дому пійдемъ?“ — „Идить,—кажемъ. Що,— жъ робыть? Мы васъ не сылуемъ.“ А въ мого брата новы чоботы.—„На,—каже—брате, тоби си чоботы, а мыни дай старенькы!“—„Ни,—кажу“—брате: ты дома не раздобудешъ, а я тутъ безъ чобить ходить не буду.“—Иншы жъ пошлы, а другы остались зъ намы. А мій братъ каже такы: „Учы мене свого артыкулу, щобъ мене письли не былы!“ Ажъ ото почулы, що можно зминыцьця. Нываютъ мого брата.—„Радъ Богу и Государыни служыть?“—„Радъ, Ваше тысокопревосходытельство!“ И запысалы ёго. Отъ мы вже то бъ й розходыцьця, ажъ тутъ отгонаютъ:—„Постойте жъ, ще не йдить, бо такъ не дійдете!“ И далы намъ бумагу. Якъ далы ту бумагу, тогди у насъ зъ братомъ серце домлило, й радъ и смутно на души: самъ у гору пишовъ, а ёго неначе прытоптавъ: серце оттакъ й оттакъ! Пытаю: „Що, братко? Якый я?“— „Билый.“—„А я, братко!“—„И ты билый!“ Ну, що жъ робыть, пишлы до Днипра, взялы горилкы, поциловалысь, попрощалысь. „Идить соби зъ Богомъ!“—А тутъ (дома) люде сказалы, що обоихъ визьмуть. То маты ледви ходыть, а жинка тилько що жыва. Сказано, бабамъ повирылы!

(Разсказывалъ Семенъ Юрченко въ Мартыновкѣ.)

ВОЙНА СЪ ПОЛЬШЕЮ (1793 — 1795).

Костючка бувъ Кролемъ у Польщи, и старый бувъ, кажутъ, да каверзныкъ бувъ велыкый. А якый каверзныкъ? Посадять у клитку, а винъ и втече. То давъ прыказъ: „Сю ничъ поризать, або поколоть постоялцивъ; а хто не згубыть, тому самому голову зрубать!“ А въ одного бувъ кумъ изъ нашыхъ. Прышовъ до дому; звисно вже, замырылось, то бувъ на гуляньци, або що, — ажъ хазяинъ смутный, все здыхае — „Чого се ты, куме, смутный такый?“ — „А що жъ, каже, — намъ всимъ прыказано оттакъ и такъ зробыть; то повечеряй, збирай муныцію, да й втикаймо обыдва!“ То положывъ ложку, уже наивсь, да за муныцію, да до свого товарыша: оттака и така рича.—„Що ты кажешъ? Ходимъ до Поручыка!“ Отъ заразъ барабанъ зборъ. Хто вечерявъ, ложку кыдавъ, за муныцію; хто спать лигъ, встававъ: хто куды гулять пишовъ, и той прыбигъ. Отъ, прымирно, Бильмачивка недалеко, то й почула барабанный галасъ, Ивангородъ, або Хвастовци недалеко, — и тамъ чують, що тревога, збираюцьця й соби въ походъ; а Борзна такъ 30 верстовъ, такъ тамъ не чутно було барабана, то й выризано всихъ нашыхъ. Отъ тутъ уже давай збирать Козакивъ. Прыходымъ у Кыевъ, ажъ тамъ уже повны шпаковни. Де Андрей Правозванный, то й тамъ ихъ повно у лёхахъ. Ото, що имъ робыть? Сталы воны рештантамы. Було поженуть чоловика 15 на Днипръ пали быть. Пійде жъ 15 чоловика, а чоловика спмъ прыйде. Тягнуть зализну бабу, щобъ убывать пали, а дали й самы бовть у воду своею волею, бо вмирать, вмирать. Генераламъ кажуть, що оттакъ и такъ: „Полякы топляцьця.“ А воны: „Катъ ихъ беры, нехай топляцьця!“ Ихъ бралы на допросъ. „А що жъ,— кажуть,— мы не по своій воли: Король веливъ, шляхта!“

(Разсказывалъ Семенъ Юрченко, въ Мартыновкѣ.)

КАМЫШНИКИ.

Комышныкы тыи жылы по комышахъ и очеретахъ. Було йде чумакъ, то выскочать, обдеруть, да й булы такыи. Ото разъ йдуть чумакы, ажъ ихъ два выскакуе. Одынъ ратыще на дорози встромывъ и крычыть: „Одъ возивъ, чортя!“ Усп парубкы такъ и порозбигалысь, а отаманъ и зоставсь.— „Ты отаманъ?“ — „Я,“—каже.— Давай грошы!“—„Що жъ“—каже,—люде добры! Мы йдемо пидъ хуру, то де въ насъ тыи грошы?“ „Брешешъ, вражый сыну!“ И ставъ шукать, шукать у возахъ. Одну шкуру пидныявъ — нема; винъ до другои. А отаманъ чумацькый, Товстуха, соби ума прыбирае, що ёму робыть. Вынявъ двійло, а Гайдамака до ёго. Дакъ и то худо-пахолокъ! Якъ ударыть!—„Эй,—каже,—сюды!“ Отъ хлопци позбигалысь, потрощылы

имъ ноги на гамузъ, да и покынулы. — „Ой брацьци, доколить насъ!“ — „Нп, якъ заробылы, такъ и одвичайте!“

У чумакивъ колеса товстыи; то въ колесахъ було продовбуе диркы, да туды грошы положыть, да й позабывае гвиздкамы; то ёго хочъ якъ нехай розбывае, а грошы є.

(Онъ же.)

ГЛАДКІЙ.

Тоди, якъ була та война *, зновъ, не знать чого, народъ изтруснувся. Було кажуть: „Се, выдно, десь такый лыцаръ уродывся, що вся земля затрусылась!“ Ажъ отоди саме, якъ була ота заверюха, той Гладкый-то народывсь.

(*Разсказывалъ Климъ Бѣлыкъ въ Кумейкахъ.*)

УРОЧИЩА ВЪ СМѢЛОЙ.

Не знаю, чы згадаю вси врочыща, бо є въ насъ ихъ до ката. Оце заразъ *Юрова гора*. Було у якогось пана троё дитей: то сынъ, Юрась, збудовавъ соби домокъ на Юровій гори, — ще й доси слидъ знать, — а одна дочка, Домна, греблю Смилянську сыпала, а друга, Мотря, Мотренынъ манастыръ збудовала. А зновъ єсть, верстовъ, може, пятнадцять одъ Смилои, *Гер)сивъ яръ*. Тамъ, кажутъ, Туркы колысь сыдилы, и колодязъ тамъ єсть, увесь выкладенъ камнемъ, а глыбокый, такый, що росказувавъ Смилянськый такы нашъ чоловикъ, що, каже, — разъ якъ одвалывъ камень, да якъ кынувъ туды, то летивъ, летивъ, да тилько — дзенинь! А ще єсть *Барабашыха яръ* (верстахъ въ десяти отъ Смѣлой). Тамъ колысь Козакъ Барабашъ сыдивъ. *Плоске* на лощыни, а за Плоскымъ єсть озеро давне, предвишне. Єсть ище *Холодный яръ*, давный дужс. А коло Юрового єсть, на гори такы, могыла; зовецьця *Роскопана*. Отъ іи и выдно звидси. Да и зъ Черкасъ, скоро выйдешъ за царыну, заразъ и выдно. Да ще верстовъ чотыри отъ Смилои єсть *Чорна могыла*. Отъ и вси вамъ урочыща, вельможный пане!

(Разсказывалъ Кондратъ Гарануха.)

* Съ Польшею, 1793 — 1795.

УРОЧИЩА ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ.

Черезъ Звенигородку тече невелычка, ричка *Погыбна*. Да и все удольле, ввесь байракъ зовецьця Погыбна. Колысь тамъ булы велыкыи лозы. Отъ Татарва якъ набигла, то килько чоловикъ зховалось, да й сыдять у тыхъ лозахъ. Колы жъ дывляцьця, ажъ Татарюга, піймавъ чоловика, да й веде черезъ мистокъ. То воны й кажуть:—„Отъ погыбне чоловикъ ни за собаку!“

А одынъ каже: „Побижу я ёго обороню: у мене ципъ є.“

Да зъ ципомъ до того Татарына выскочывъ, да и вбывъ Татарына, и чоловика однявъ.

То вже тогди тіи люде й кажуть:—„Отъ же, якъ мавъ чоловикъ погыбнуты, то нехай лучче ричка зовецьця Погыбною, щобъ тутъ уже николы люде не погыбалы!“

А оцюды, черезъ гору, есть озеро *Топыло*. Тамъ хлопецъ, чы що, втопывсь, да й прозвалы Топыломъ. А воно такъ, що якъ лито жарке, то все й высохне. А за тымъ озеромъ *Брыжчына долына*. Чоловикъ бувъ Брыжка. А за тіею долыною, черезъ стрелыцю, урочыще *Козацькый Куринь*. Якъ було ще тутъ колысь староство, то було старостянськыи Козакы стережутъ дубыны. А ще есть тутъ у Гудзіёвци могыла *Звенигородъ*. Богъ іи знае, чого вона такъ зовецьця; тилько кажуть, що Звенигородъ бувъ колысь Козачый городъ; одъ жадного двора Козакъ выходывъ. И на самій оттій могыли судъ стоявъ, бо городъ далеко розходывся. А въ Гудзіёвци жывъ колысь чоловикъ Гудзь, то одъ ёго вже и вся слобода Гудзіёвкою прозвалась. Изпидъ могылы Звенигорода тече ричка *Звенигородка* и впадае въ Тыкычъ, а въ Звенигородку впадае Погыбна, трошкы выще оптеки. Ще *Шугайлова могыла* есть. А назвалась вона Шугайловою ще тогди, якъ Украиною Князи (Полякы) правылы. То було оце якъ станутъ *грянычыцьця*, то село на село йде. Той каже: „Сюды гряныця!“ а той каже: „Сюды!“ Такъ одынъ Козакъ, Шугайло, выскочывъ конемъ на могылу, а ёго зъ того боку кулею якъ далы, такъ винъ зъ коня. Тамъ ёго й закопалы, и могыла зъ того часу якъ Шугайлова, то й Шугайлова, Да ще одно урочыще зовецьця *Попивъ Ригъ*, верстовъ дви одъ города. А у самому городи, оце саме, де городнычый жыве, зовецьця *Натягайливка* Що було якъ бьецьця навкулачкы, парахвія на парахвію, то якъ доженутъ до того миста, то вже добре за чубы натягають; отъ и Натягайливка. А де теперъ жыве Головачевськый, то звався *Грецькый кутокъ*. Було якъ збыраюцьця на грець, чы то бачъ навкулачкы, то зійдуцьця на той кутокъ самыи старыи, да й розкладають раду, якъ зайты, чы зъ того, чы зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокамъ иты, и тамъ соби тайно змовляцьця да потимъ уже й пускають дитвору, ажъ покы и до старыхъ дійде. Було оце такый старый чоловикъ буде, якъ я, то бороду въ зубы, да й пишовъ гулять зъ кулакамы, да часомъ старый бьецьця ще лучче молодого. Теперъ якъ гулять, то йдутъ або на музыкы, або у шынкъ, а тогди то все навкулачны. Оце зострынуцьця де-небудь хлопци:

— „Здоровъ, брате!“
— „Здоровъ!“
— „А давай навкулачкы!“
— „Давай!“
Той того въ груды, а той того.

А по сей бикъ Погыбнои — *Кучукуривка*. Колысь сее мисто було зовсимъ пусте. То якыйся чоловикъ прыйшовъ, чы зъ Бердычова, чы що, на слободу, да й сивъ соби коло Погыбнои. Ото прызываютъ ёго паны:—„Якъ тебе зовутъ?“

— „Олійныкъ.“

— „Э, треба тоби друге призвыще дать, щобъ тебе твои паны звидты не взялы.“

— „Да я,—каже,—панове, на такыхъ кучугурахъ сивъ, що нихто ни зайде, ни зайде.

— „Ну, будь же ты Кучугуромъ!“

Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да описьля и ввесь той кутокъ назвався Кучугуривкою.

А по той бикъ рички Звенигородки зовецьця мисто *Цяпивка*. То жъ була колысь пустыня, а одынъ чоловикъ изъ жинкою прышовъ, на слободу жъ таку, да й сивъ соби одынъ однымъ за ричкою. Такъ було жинка ёго выйде вранци, да на курей: „*Куръ, куръ, цяпъ, цяпъ!*“ А люде зъ сёго боку сміюцьця було, да й прозвалы того чоловика Цяпомъ, а одъ Цяпа и ввесь кутокъ ставъ Цяпивка. Бо ни що въ свити не буде безъ призвыща, хочъ чоловикъ, хочъ скотына, усе мае свое призвыще. А ще якъ йхаты на Каныболота, то одъ города верстовъ пять, стоитъ камень *Пысанка*, що сыны поставылы колысь надъ батькомъ. Пысанка той бувъ родомъ изъ Стебного (двѣ версты отъ Звенигородкы), старый, дидызный чоловикъ, и такый, кажуть, бувъ Козакъ, що нехай до ёго стреляе, то руку наставытъ, да й кули вертае назадъ. Якъ ще булы Козакы у старосцыны Салтыковои, то вже було безъ ёго не пійдутъ грянычыцьця, бо не ихъ буде сыла. А якъ же Пысанка е, то вже йдутъ смило. Такъ одъ надъ тымъ то Пысанкою й стоитъ той камень Пысанка. Есть и *Пысанчыны Байракы*.

(Разсказывалъ Дмитро Погорѣлый.)

ПРЕЖНІЯ ВРЕМЕНА ВЪ УКРАИНѢ.

Тогди було дасы два рубли *чеишы* посесорови, да одбудешъ дванадцять день *шарварку*, греблю въ то гатыть, а тамъ уже що загадаютъ, да *возове* одбудешъ, шисть визъ прывезешъ колодъ, да заплатышъ *коменного* пивкопы грошей, да *осыпу* корець жыта, да пивкорця овса и ячменю, да й сыдышъ соби дома. А панщыны ни якои

не було. Тилько толокою було зоремъ ланъ посесорови, да выжавшы зкладемъ и звозымъ, да й годи. Оце було прыде до хаты: „Прохавъ панъ на толоку орать, або тамъ жатъ чы косыть.“ То зъ хаты два, або тры бижыть, и въ одынъ день зроблять толокою, що треба, да й напьюцьця й найдяцьця въ посесора, ще й музыкы граютъ. Добре було жыть! Теперъ-то вже стало погано! Ой, погано, погано!

— „А якыи тогди, дидусю, булы урожаи?“ *

— „Э, урожаи булы куды про ты теперишныхъ! Знаєте, степы булы волныи, бо ще Смилянкы, Рохмыстривкы и Ковалыхы тогди не було, то поля було доволи. Рокивъ десять, або пятнадцять перелогомъ лежыть, да якъ зорешъ на новыни, да посієшъ кавунивъ, то вродять такыи, що зъ земли не знимешъ. А на другый годъ посієшъ пшеныци, а потимъ жыта; то було якъ заложышъ чотыри пары воливъ, да день попоорешъ, то вродыть тоби на однимъ дни кипъ сорокъ, да таке густе, що було кипъ чотыри за день нажнешъ, а теперъ попогаиайся покы нажнешъ и дви копы. Да було оце попоорешъ рокивъ тры, да й пускаешъ зновъ на перелигъ, а орешъ новыну. А теперъ, якъ воно буде родыть, колы що року все на однимъ мисти оруть? Изъ копы було наберешъ четверть, якъ добрый колосъ.

— „А якыи жъ тогди, дидусю, цины булы?“ **

— „А цины ось якъ булы: Мишокъ гречкы такый, що четверыкивъ два, — тры копійкы; проса, овса, ячменю — тры копійкы; жыта корець у Смилій — двадцять копіёкъ, а въ Билазерье повезы, то тры грывни; пшеныци корець — сорокъ копіёкъ; визъ кавунивъ — грывня.

(*Разсказывалъ Кондратъ Тарануха, 1843, авг 12.*)

---

* Спрашиваю я.

** Спрашиваю я.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Преданія Фантастическія.

КИРИЛО КОЖЕМЯКА.

Колысь бувъ у Кыєви якыйся князь (лыцаръ), и бувъ коло Кыева змій, и кожного году посылалы ёму дань: давалы або молодого парубка, або дивчыну. Ото прышла черга вже и до дочкы самого князя. Нычого робыть: колы давалы горожане, треба й ёму давать.Ославъ князь свою дочку въ данъ зміёви. А дочка та була така хороша, що й сказаты не можно; то змій іи й полюбывъ. Отъ до ёго прылестылась, да й пытаєцьця разъ у ёго: — „Чы есть, — каже,— такый на свити чоловикъ, щобъ тебе подужавъ?“

„Єсть, —каже,—такый у Кыеви, жыве надъ Днипромъ. Якъ затопыть хату, то дымъ ажъ пидъ небесамы стелецьця; а якъ выйде на Днипръ мочыть кожы (бо винъ кожемяка), то не одну песе, а двинадцять разомъ, и якъ набрякнуть воны водою въ Днипри, то я визьму, да й учеплюсь за ихъ, чы вытягне-то винъ ихъ? А ёму й байдуже: якъ поцупыть, то й мене зъ нымы трохы на берегъ не вытягне. Оттого тилько мыни й страшно.

Княжна й взяла соби тев на думку, и думае: якъ бы ій висточку до дому податы и на волю до отця достатысь? А при ій не було ни душы, тилько одынъ голубокъ. Вона згодовала ёго за счаслывои годыны, ще якъ у Кыеви була. Думала, думала, а дали храпъ и напысала до панотця: „Оттакъ и такъ, каже. У васъ,—каже,—паноче, есть у Кыеви чоловикъ, на именьня Кырыло, на призвыще Кожемяка. Благайте вы ёго черезъ старыхъ людей, чы не захоче винъ изъ зміемъ побыцьця, чы не вызволыть мене бидну зъ неволи! Благайте ёго, паноченьку, й словамы, й подарункамы (щобъ не обидывсь винъ за незвычайне яке слово)! Я за ёго й за васъ буду до вику Богу молыцьця.“

Напысала такъ, прывязала пидъ крыльцемъ голубови, да й выпустыла въ викно. Голубокъ звывся пидъ небо, да й прылетывъ до дому, на подвирье до князя. А диты саме бигалы по надвирью, да й побачылы голубка: — „Татусю, татусю, — кажуть, — чы бачъ голубокъ одъ сестрыци прылетывъ!“

Князь перше зрадывъ, а дали подумавъ, подумавъ, да й засумовавъ:—„Се жъ уже проклятый ырод згубывъ, выдно, мою дытыну!“

А дали прыманывъ до себе голубка, глядь, ажъ пидъ крыльцемъ карточка. Винъ за карточку. Читае, ажъ дочка пише: такъ и такъ. Ото заразъ прызвавъ до себе всю старшыну:—„Чы є такый чоловикъ, що прозываєцьця Кырыломъ Кожемякою?“

— „Єсть, князю. Жыве надъ Днипромъ.“

—„Якъ же бъ до ёго прыступыть, щобъ не обыдився, да послухавъ?“

Отто сякъ, такъ порадылысь, да й послалы до ёго самыхъ старыхъ людей. Прыходять воны до ёго хаты, одчынылы помалу двери зо страхомъ, да й злякалысь. Дивляцьця, ажъ сыдыть самъ Кожемяка доли, до ихъ спыною, и мне рукамы дванадцять кожъ, тилько выдно, якъ колывав оттакою билою бородою (Разскащикъ показалъ по поясъ). Отъ одынъ зъ тыхъ посланцивъ — кахы!

Кожемяка жахнувся, а дванадцять кожъ тилько трись, трись! Обернувсь до ихъ, а воны ёму въ поясъ:—„Оттакъ и такъ, прыславъ до тебе князь зъ прозьбою.“

А винъ и не дывыцьця, и не слухав: розсердывся, що черезъ ихъ дванадцять кожъ порвавъ.

Воны зновъ давай ёго просыть, давай ёго благать (сталы на колина)—шкода! Просылы, просылы, да й пишлы, понурывшы голову.

Що тутъ робытымешъ? Сумуе князь, сумуе и вся старшына.—„Чы не послать намъ ище молодшыхъ?“

Послалы молодшыхъ, — ничого не вдіють и тыи. Мовчыть да сопе, наче не ёму й кажуть. Такъ розобрало ёго за тыи кожы.

Дали схаменувся князь и пославъ до ёго малыхъ дитей. Тіи якъ прышлы, якъ почалы просыть, якъ сталы навколишкы, да якъ заплакалы, то й самъ Кожежяка не вытерпивъ, заплакавъ, да й каже:—„Ну, се жъ уже для васъ я роблю!“

Пишовъ до князя:—„Давайте жъ,—каже,—мыни дванадцять бочокъ смолы и дванадцять визъ конопель!“

Обмотався коноплямы, обсмолывся смолою добре, взявъ булаву таку, що може въ ій пудовъ десять, да й пишовъ до змія.

А змій ёму й каже: — „А що, Кырыло, прышовъ быцьця, чы мырыцься?“

— „Де вже мырыцьця? Быцьця зъ тобою, зъ продомъ проклятымъ!“

Отъ и почалы воны быцьця, ажъ земля гуде. Що розбижыцьця змій, да вхопыть зубамы Кырыла, то такъ кусокъ смолы й вырве; що розбыжыцьця да вхопыть, то такъ жмутокъ конопель й вырве. А винъ ёго здоровенною булавою якъ улупыть, то такъ й вжене въ землю. А змій якъ огонь горыть, такъ ёму жарко; и покы збигае до Днипра, щобъ напыцьця, да вскочыть въ воду, щобъ прохолодыцьця трохы, то Кожемяка вже й обмотався коноплямы и смолою обсмолывсь. Отто выскакуе зъ воды проклятый иродъ, и що розженецьця протывъ Кожемякы, то винъ ёго булавою тилько лупъ! що розженецьця, то винъ знай ёго булавою тилько лупъ да лупъ, ажъ луна йде! Былысь былысь, ажъ курыть, ажъ искры скачуть. Стукъ такый справылы, мовъ у коваля въ кузьни на весни, якъ усякому треба лемеши для оранкы; то й самъ коваль бье, й хлопци бьють, а михъ тилько сычыть, сопучы безъ перестанку, а искры и зъ горла, и одъ зализа скачуть да шкварчять, кузьня ажъ ходоромъ ходыть; чутко ковальську роботу далеко по селу: оттаку жъ стукотню пиднявъ Кырыло зъ

зміемъ, такъ мицно и часто гасывъ ёго зализною булавою по голови, и якъ изъ горна свыще огонь сынёю трубою, такъ у того змія свыстало поломье изъ рота, изъ очей и изъ ушей; розогривъ ёго Кырыло ще лучче, якъ коваль лемишъ у горни: ажъ пырхае, ажъ захлыпаєцьця проклятый, а пидъ нымъ земля тилько стогне. А тутъ у дзвоны звонять, молебни правлять, а по горахъ народъ стоить якъ нежывый, зципывшы рукы; жде, щото буде! Колы жъ зміюка бубухъ, ажъ земля затряслась!

Народъ, стоячы на горахъ, такъ й сплеснувъ рукамы: „Слава тоби, Господы!“

Отъ Кырыло, вбывшы змія, вызволывъ княживну и оддавъ князю. Князь уже не знавъ, якъ ёму й дяковать, чымъ ёго й награждать. Да вже зъ того-то часу и почало звацьця те урочыще, де винъ жывъ, *Кожемякамы*.

— „А де жъ змія вбытого дилы? *

— „Эге! И Кырыло зробывъ трохы не розумно: взявъ ёго, спалывъ, да й пустывъ по витру попелъ; то зъ того попелу завелась вся тая погань: мошкы, комари, мухы. А якъ бы винъ узявъ, да закопавъ той попелъ у землю, то ничого бъ сёго не було на свити.

(Доставилъ В. М. Бѣлозерскій; а онъ записалъ возлѣ Борзны, Черниг. губ.)

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Бувъ, кажуть, колысь чоловикъ Свырыдъ. То якъ дождався Велыкодня, то й думае соби: кажутъ люде Велыкденъ. А побачу я, чы справди Велыкый денъ? Чы багацько я выору? И отъ, на самый первый день Свитлого Празныка запрягъ до плуга воливъ, да зъ наймытамы й пишовъ орать. Люде жъ въ церкви Богу моляцьця, а винъ оре. Уже й выходять зъ свяченымы паскамы до дому, на дзвоныци въ дзвоны дзвонять, а винъ ще оре. Тилькы що почалы, може, скыбу десяту одкыдать, ажъ пидъ землею щось загуло страшно, страшно, такъ якъ часомъ далекый гримъ загуркотыть, и Свырыдъ разомъ зъ воламы такъ и провалывся скризь землю. — А на тимъ мисти стала могыла. Вона й доси зовецьця *Свырыдова могыла* **. То, кажуть, якъ инколы прыйдешъ на ту могылу, да прыложышъ ухо до земли, то все неначе хто воливъ далеко поганяе, такъ и чутно: „Гей, гей!“

(Онъ же.)

---

* Вопросъ слушателя.

** Въ селѣ Красиловкѣ, въ 15 верстахъ отъ Борзны, Черниговск. губ.

СОКОЛЪ И ПЧЕЛА.

Сокилъ побратавсь изъ бжолою, говорыть: „Ходимъ угору: ты далеко чуешъ, а я далеко бачу: я за симъ мыль бачу, а ты за симъ мыль чуешъ“. Узялы, изнялы чоловичу волосынку и понеслы въ гору. И сказавъ сокилъ: „Леты за мною, бжоло!“ Иде сокилъ у гору, и бжола йде. „Ну, — говорыть дывысь, бжоло, унызъ, чы велыка земля?“ — Каже: „Вже такъ, якъ дижа, що бабы хлибъ мисять“. Потому, изновъ идуть, идуть. Изнову каже: „А глянь,— каже,— бжоло, чы велыка земля?“—„Уже,—каже,—такъ, якъ жинка выбере изъ дижи тисто, да маленькый засадчычокъ посадыть!“ — „Ну, пускайся жъ у нызъ, бжоло, и пускай ту волосыну у передъ. — „А чуешъ?“— каже.—„Чую, ажъ реве!“—„Ну, я,—каже,—не чую.“—Ну, леты жъ,—каже,—да до земли прыпады, якъ та волосына ударыцьця.“ — „А що, бжоло, чы чула?“— „Чую, ажъ гупнула, а вгору пиднялась на дванадцять сажнивъ“ — „Зоставайся жъ ты, бжоло, у симъ краи, доставай за симъ мылъ соби пропытанie, а я пиду у такы краи, де тебе не буде; то я за симъ мыль буду птыцю выбывать и диты годовать. Бжола просыла у Бога, щобъ брать изъ цвиту пропытанie. Такъ Богъ давъ iй уси цвиты до моря, до востока: „Ходы по свиту изъ усихъ рикъ, изъ усихъ берегивъ избирай Богу хвиру, и людямъ дбай, и соби дбай!“

(Разсказывалъ Давыдъ Олыйникъ, въ Александровкѣ, Чигиринск. уѣзда.)

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Одна дивка полюбылась ужевi и сама злюбыла ёго. Винъ и повизъ iи до себе въ господу. А въ ёго будынокъ бувъ самый чыстый скляный, увесь изъ крышталю. Такъ мыни, бацьця, казано: застаростьтю мало вже що памятаю, мовъ сплю, або пьяна, або, здаецьця, передъ вамы стою, да й брешу зъ головы, чого зъ роду й не чула. Лыбонь будынокъ той стоявъ пидъ землею, въ якiйсь могыли, чы що. Ну, звисно, стара маты спершу убывалась за нею. Якъ то вже не вбываецьця? А та чы зляглась, чы не зляглась зъ ужакою, вже й завагонила, а якъ прышло времня, то розсыпалась блызяткамы: хлопець и дивчынка; обойко якъ зъ воску вылылысь, у матиръ. А вона соби була така хороша, якъ квитка! Отъ, якъ давъ Богъ дитокъ, то й каже вона: „Отъ же, уже, колы воны въ людей породылысь, хай ихъ у людей и перехрыстымо.“ Сила въ золоту карету, поклала дитокъ на колинкы, да й поихала въ село до попа. Не докотылась карета до царыны, а вже матери й сказано. Стара зарепетовала на все село, ухопыла косу, да до царыны. Бачыть дочка выдющу смерть, якъ заголосыть до дитокъ, а дали: „Полынайте жъ, диткы, пташкамы, по свиту: ты, сынку,

соловейкомъ, а ты, донько, зозулею.“ Выпурхнувъ соловейко въ правe, а зозуля въ ливе выконце зъ кареты; а карета, й кони, и все не знать де подилось.

Не стало й паніи, тилько надъ Шляхомъ уродылась глуха кропыва.

(Доставилъ А. В. Марковичъ, а ему разсказывала Явдоха Думыха, въ Кулажен-цахъ, Полтав. губ.)

ЦАРЕВИЧЪ И БАБА.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ жывъ чоловикъ й жинка, да въ ихъ дитей не було. Отъ воны йдутъ на богомильле просыть Бога, щобъ давъ имъ Богъ дытя, ажъ ихъ Цыганка й зустрила, да й каже:—„Не йдить иуды вы йдете, а йдитьна ярмарку, да купить рыбку, да зъижъ, молодыце, то й буде въ тебе дытя!“

Отъ воны й пошлы на ярмарокъ, да купылы рыбку, да зъила; отъ у ихъ и дивчынка е маленька. Ото вона й росте. А Царевычъ у той часъ прыихавъ на охоту, да й посылае свого парубка:—„Пійды, будласкавъ, у ту хату, попросы воды!“

Прышовъ той парубокъ воды просыть, ажъ та дытына плаче, а жемчугъ такъ и сыплецьця зъ очей. Маты забавыла; засмiецьця, дакъ усякы квиткы цвитуть. Той парубокъ вышовъ, да й каже: — „Оттамъ, Царевычу, я бачывъ дытыну; якъ плаче, жемчугъ сыплецьця; а якъ смiецьця, дакъ усякы квиткы цвитуть.“

Той Царевычъ пошовъ у хату, да нарочыто й дражныть тую дытыну, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сыплецьця. Винъ и просыть матери, щобъ забавыла. Якъ же засмiецьця, дакъ и бачыть Царевычъ, що всякы квиткы цвитуть.

Ото та дивчына росте, да й росте, а Царевычъ усе заизжае, якъ на полёванье прыиде. Ото вона й выросла. Дакъ Царевычъ каже, що оддай за мене, диду, дочку. А вона вже дакъ вышывае рушныкы орламы. А Царъ каже:—„Де жъ такы тоби, сыну, да мужычку брать?“

Такъ Царевычъ якъ узявъ той рушныкъ, що вона вышыла, да повизъ до батька, дакъ Царъ ажъ рукамы сплеснувъ, якъ побачывъ. „—Чы ничого жъ?“—„Женысь, — каже,—сыну, женысь!“

„Отъ винъ и оженывсь. Да везе до дому, а зъ нымъ була баба, а въ бабы дочка. Отъ, идучы пыть хочуть. Царевычъ уставъ щосъ-то тамъ устрелыть, а вона: — „Пыть хочу, пыть хочу!“

Баба прынесла iй пыть, да познимала зъ iи все, да й повыколювала iй очи, да й упхнула въ ямку, а дочку у iи одежу й прыбрала. Дакъ Царевычъ и повизъ замисто iи, не пизнавъ.

А коло тыеи ямкы да нехворощы багато росло. Дакъ якыйсь дидъ да нехворощы прышовъ ирвать. Дывыцьця — дивка сыдыть у

ямци и передъ нею оттака купа жемчугу, що вона сыдячы наплакала; а очей не ма. Та дивка каже: — „Визьмы мене, дидусю, и оце намыстечко заберы!“

Отъ, дидъ ій взявъ и намыстечко забравъ, да й пр ывивъ до дому. У дида дитей не було, а баба є. Вона й каже: — „Заберы, дидусю, оце намыстечко въ торбынку, да понесы у городъ, продай, да якъ зострине тебе баба якась, то ты ій не продавай, а зъ купцемъ не торгуйсь: уже винъ зна, що за ёго треба!“

Отъ винъ понисъ и продавъ, и рыбы накупывъ й всёго. И такъ винъ двичы носывъ до купця продавать. Уже въ дида й грошы є. А въ трете несе дидъ продавать; а та баба за всякымъ разомъ ёго стричає. Отъ у трете якъ понисъ, то й стривъ тую бабу. Баба каже:—„Продай мыни намысто!“ „Купы.“—„А що за ёго?“—„Дай же, що въ тебе є!“

Дакъ баба тая й оддала платьтя-одежыну, що въ ій зняла. Дидъ знову несе. Баба:

— „Продай мыни намысто!“—„Оддай те, що въ тебе є!“

Вона ёму й дала одно око. Изновъ дидъ понисъ намысто. Баба знову: „Продай намысто, диду!“—„Купы.“—Що за ёго?“—Дай те, що въ тебе є!“

Дакъ вона й друге око оддала. Дакъ отъ дивка й въ одежи, й зъ очыма. Дидъ каже: — „Отъ у Царя обидъ.“

То дивка й каже:—„Йды, дидусю, на обидъ, да визьмы глечычокъ, да й мыни попросышъ юшкы!“

Да й почепыла свого цытьтя диду рушныкъ на шыю. Якъ побачывъ Царевычъ у дида на шыи рушныкъ. — „Видкы ты, диду?“—„Да я тамъ, Царевычу, зъ хутора, да въ мене тамъ й дивчыжка прожыває, дакъ дай, будласкавъ, и ій чого-небудь у сей глечыкъ!“—„А рушныкъ, диду, де ты взявъ?“—„Да се я въ ямци дивку найшовъ, дакъ оце вона й вышиває!“

А Царевычъ уже познавъ по вышыванью. Тогди Царевычъ сказавъ визъ запрягты. Поихавъ, да й познавъ ій: — „Се жъ вона, се жъ вона!“ — А тую выпроводывъ свыней наповать, бабыну дочку. Оце жъ й вся. Жывуть, й хлибъ жують и постоломъ добро возять.

(Разсказывали въ Мартыновкѣ.)

ЦАРЕВИЧЬ И ЦЫГАНКА.

Ото бувъ соби Царевычъ. Де вже винъ не сватався, не оженыцьця, да й не оженыцьця. Ажъ зострывъ Цыганку:—„Я тоби, Царевычу, скажу щось, дакъ ты оженысься. Пойды, оттамъ, надъ ричкою, верба, а на верби гниздечко, а въ гниздечку тры яичкы, дакъ ты ихъ и поберы!“

Отъ винъ пишовъ, излизъ на вербу, да й набравъ, да й пде, иде, да йде. Иде, да й каже. — „Боже мій мылый, Боже мій любый! Иду, несу, и самъ не знаю що!“

Да й розбывъ одно яичко. Ажъ изъ яичка выскочыла панночка, така хороша, така хороша, що ни здумать, ни згадать, тилько въ казци сказать: — „Пыть хочу! Пыть хочу!“

Бигавъ винъ, бигавъ за водою, нигде не найшовъ; вона й вмерла. Отъ винъ иде, да й каже: „Боже мій мылый, Боже мій любый! Иду, несу, й самъ не знаю що!“

И розбывъ друге. Якъ вышла, дакъ ще краща тыеи панночка: — „Пыть хочу! Пыть хочу!“ Винъ за водою бигавъ, бигавъ, не найшовъ. Вона й вмерла. Отъ винъ иде зновъ: — „Боже мій мылый, Боже мій любый! Иду, несу, й самъ не знаю що!“

Розбывъ трете, дакъ така вже, що лучча тыхъ двохъ: — „Пыть хочу! Пыть хочу!“

Винъ у шапку набравъ воды. Напылась вона, й жыва. Отъ и йдуть, ажъ надъ ричкою верба стоить. Вона й каже: — „Якъ же такы такъ мене ты до батька доведешъ? Ты иды, да зъ поиздомъ выидь!“

Винъ пишовъ, а вона злизла на вербу. Ажъ Цыганка йде: — „Подывлюся лышъ я въ воду на свою вроду, чы хороша я.“

Вона на верби сыдячы: — „Може я краща?“

А Цыганка: — „А лизь же, колы ты краща, лизь сюды!“

Отъ вона й злизла. Цыганка іи обидрала, да й утопыла въ ричку, а сама въ іи одежу вбралась.

Царевычъ пріихавъ зъ поиздомъ, да й узявъ Цыганку. Отъ и жывуть. Царевычь каже: — „Нехай бы пошлы намъ рыбы поймалы!“

Прынеслы рыбы, дакъ срибна луснынка, а золота луснынка, срибна перынка, золота перынка. Цыганка вже й догадалась, що и то панночка. Отъ и говорыть: — „Не йжмо: помремо, якъ сю рыбу будемъ исты!“

Отъ и выкынулы тую рыбу. Якъ выросъ садъ, такъ такый садъ, такый садъ! Срибный лыстокъ, золотый лыстокъ, срибне яблучко, золоте яблучко. Дакъ Цыганка говорыть, що не йжмо сихъ яблукъ: помремо!“

Да й вырубалы той садъ. А въ Царевыча въ двори дидъ жывъ, да й зробывъ зъ тыеи яблуни гребиночку. А въ дида не було дитей. Дакъ дидъ якъ пійде зъ бабою на панщыну,—прійдуть до дому, такъ у ихъ повымитано, хлиба паляныць напечено, попрыбирано, прыпечокъ помазаный, да не знають, хто поравцьця. Дакъ дидъ и засивъ разъ. Ажъ дывыцьця, зъ тыеи гребиночкы да й стала панночка, така хороша, така хороша! да й поравцьця, прыбырае, вымитае. Якъ же попрыбирала усе въ хати, тоди дидъ за іи. Вона въ плачь: — „Пусты мене, дидусю, пусты!“

— „Да ты въ мене, моя дытыно, будешъ за ридну дытыну!“

Отъ вона й жыве: вже не пустывъ ін гребиночкою стать. А Царевычъ и каже: — „Ты казавъ, диду, що въ тебе дитей нема, а то въ тебе яка хороша дочка?“

— „Э! се, царевычу, не моя дочка; а се я зъ тыєи яблуни зробывъ гребиночку, що ты, Царевычу, сказавъ орубать; да то, чы пійду зъ бабою на панщыну,— прыйдемъ, дакъ не знаємъ, хто въ насъ и попрыбирає и попрымитає, да не знаємо, хто є. Ажъ изъ тыєи гребиночкы да стала оця дивочка.“

Якъ же почула Цыганка, дакъ и охолола. А вона се все знала, що буде. Тоди Царевычъ: — „Ахъ, се жъ вона, се жъ вона, та, що на вербу злизла! Се жъ Цыганка ін втопыла!“

Да Цыганку тоди свыней наповать, а ін взявъ. Живуть да хлибъ жують, постоломъ добро возять.

(Тамъ жс.)

МЫШЬ И ВОРОБЕЙ.

Колысь-то, ще за первого вика, за старыхъ людей, мыша да горобець да засіялы просо. Якъ пожалы воны просо, то почалы дилыцьця, да й не помырылысь. Ось сталы быцьця, а стала й збырацьця усяка птыця й всякы звиры. Якъ сталы быцьця, якъ сталы быцьця, то птыця й подужала звиривъ. Да хочъ й подужала, а такы и сама побылася: тильки одна така птыця вынялась, що добыла усихъ звиривъ. Уже й та птыця вморылась да й сила на такимъ дереви высокимъ! Колы жъ йде чоловикъ бовкуномъ. Такъ вона того чоловика й просыть: „Дай мыни быка,— каже,— я ёго зъимъ. Я у тебе дурно не схочу: я тоби заплачу.“ Отъ винъ и отдавъ. Вона того быка й зъила, да теперъ просыть того чоловика: „Донесы мыне, будь ласкавъ, до мого дому!“ Ось винъ якъ узявъ несты, якъ узявъ несты, да й донись у такы пущы страшныи. А вона й говорыть: „Погуляй же тутечка, а я тоби плату вынесу.“ И вынесла ёму царствечко въ золотимъ яичку. „Ты жъ, якъ увійдешъ у село, то не розчыняй ёго, а хыба на якому поли розчынешъ, колы йсты захочешъ, або що.“ А винъ й розчынывъ посередъ шляху: ажъ тутъ видтиль ярмарокъ, такый, що Боже храны! А винъ уже ходыть помижъ людьмы, да плаче. Излякався, що не збере ни якъ. Ажъ, на ёго счастьтє, якыйсь чоловикъ нагодывся; дакъ винъ й просыть ёго: — „Сдилай мылость, чы не можешъ ты зобрать, да зачыныть!“ Такъ у двохъ зачынылы. Отъ винъ й пишовъ зъ тымъ царствечкомъ да дому: покаявсь уже.

— „Де жъ изновъ си звиры понабиралыс, колы птыця усихъ стребыла?“ *

---

* Вопросъ слушателя.

— „Се жъ уже на другый викъ повернуло; то Богъ тогди й людей и всячыну намножывъ.“

(Доставилъ В. М. Бѣлозерскій, а разсказывалъ ему Андрей Ящепко, возлѣ Борзны.)

ВОЛКЪ ПРОЖОРА.

Прышовъ вовкъ до хутора. А въ тому хутори жыве дидъ д баба, да дивочка, да сучка-кавилочка, й пятнадцятеро овечато чокъ. Ось, Прожора Вовкъ прышовъ, да й просыть:

— „Хорошъ, хорошъ
Дворокъ, дворокъ, соломняный;
А въ тимъ тынку тынокъ, тынокъ;
Жыве дидъ да бабуся,
Парень да дивочка,
Сучка-кавилочка,
Да пятнадцятеро овечяточокъ.“ —

Ось дидъ говорыть: „Парень, парень! Пиды ёму овечечку дай!“ Парень пишовъ, да ёму й оддавъ. Бояцьця воны того Вовка Прожоры. Винъ ту овечку й зъивъ. Да заразъ зновъ просыть:

„Хорошъ, хорошъ,“ и т. д.

Изновъ ёму давалы, а винъ усе цвъ, покы не зъивъ и останнёи. Тогди вже просыть:

Хорошъ, хорошъ, и т. д.
А въ тимъ тынку
Жыве дидъ, да бабуся.
Парень да дивочка,
Сучка-кавилочка.“

Ось дидъ говорыть: — „Парень, парень! Пиды оддай сучку—кавилочку!“ Винъ оддавъ, Вовкъ Прожора зъивъ, да й зновъ винъ:

„Хорошъ, хорошъ, и т. д.
Парень да дивочка!“

Дидъ изновъ каже:—„Паренъ, парень! Оддай ёму дивочку. Винъ оддавъ; вовкъ изъивъ, и зновъ просыть:

„Хорошъ хорошъ,“ и т. д.
Жыве дидъ да бабуся.
Парень....“

— Парень, парень! Оддай бабусю,“—каже дидъ. Зъивъ вовкъ и бабусю. И зновъ такъ просить:

„Хорошъ, хорошъ.“ и т. д.
Жыве дидъ да парень.“

Дидъ той взявъ и парня оддавъ. Вовкъ изновъ:

„Хорошъ, хорошъ и т. д.....
Жыве дидъ!“

Тогди уже дидъ: — „Се жъ винъ и мене хоче зъисты!“ Да взявъ булаву, якъ трисне вовка въ лобъ, то тилько й було ёго! А зъ ёго усе и повыскакувало: и бабуся, парень и дивочка, и сучка-кавилочка, и пятнадцятеро овечечокъ.

(Онъ же.)

БРАТОУБІЙЦА.

Бувъ соби чоловикъ да жинка, да у ихъ два сыны. Погналы воны кабасыка у садокъ пасты. Ось кабасыкъ той рыецьця, да й рыецьця, и зайшовъ далеченько. Такъ старшый на меньшого й говорыть:— „Пиды, заверны!“ — А той: „Не хочу,“ каже. Старшый братъ узявъ да й убывъ меньшого, въ свынорыще й закопавъ пидъ хаткою. Колы жъ такъ, — черезъ годъ, або черезъ два, выростъ ясенокъ. Ось идуть гончарыкы и купци. Гончарыкы й кажуть: —„Изрижмо оццей ясенокъ, да зробимо дудочку!“ — да й зризалы. Дудочка якъ заграе,— говорыть:

„По малу, малу, купчыноньку, грай!
Не вразы мого серденька въ край!
Братъ мене вбывъ, изъ свита згубывъ,
За того кабасыка, що у саду рывъ!“

Гончарыкы й соби просять; а дудочка и имъ грає:

„По малу, малу, гончарыку, грай!“ и т. д.

Ажъ батько й маты й дочулыся, да попросылы и соби заграты. Дудочка й заграла:

„По малу, малу, татусеньку, грай,“ и т. д.

Маты й соби просыть сёго дыва. И ій заграла:

„По малу, малу, матусенько, грай,“ и т. д.

А братъ той стоить уже билый; излякався, що дизнаюцьця. Цады ёму заграть. Ажъ дудочка й ёму одказуе:

„По малу, малу, братику, грай!
Не вразы мого серденька въ край!
Ты жъ мене вбывъ, изъ свита згубывъ,
За того кабасыка, що у саду рывъ!“

Тогди то дозналысь уси; да ще й баба просыть. — „А дайте мыни, заграю я ще.“ Бона й заграла:

„По малу, малу, бабусенько, грай,“ и т. д.

Тогди-то вси вже увирылысь. По меньшому жъ обидъ поставылы, а старшого прывязалы до киньскаго хвоста, й рознеслы его на кисточкы.

(Онъ же.)

КУРЪ И КУРОЧКА.

Бувъ соби дидъ да баба, а у ихъ була курочка да пивныкъ. Дидъ да баба померлы, а пивныкъ да курочка все безъ ихъ повыйдалы, й бобокъ, и все чысто. Посидалы на сидали. Пивныкъ: „*Кукуруку!*“ — ухопывъ каминчыкъ да й удавывся. Ось курочка плакала, плакала, а дали побигла до моря воды просыть: — „Море, море! Дай воды!“

„На що воды?“
— Куру воды;
Лежыть куръ на гори,
Да не дыше,
Тилько хвостыкомъ
Да колыше.“

А море говорыть: „Пиды до вола: нехай ригъ дасть!“ Вона й пишла; просыть:

— „Воле, воле! дай ригъ!
„На що ригъ?“
Мору ригъ:
Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды;
Лежыть куръ на гори,
Да й не дыше,
Тилько хвостыкомъ
Да колыше.“ –

Ось вилъ й говорыть: — „Пиды жъ до кабана: нехай иколъ дасть!“

— „Кабанъ, кабанъ! Дай иколъ!
„На що иколъ?“
— Волу иколъ:
Вилъ ригъ дасть.
— „На що ригъ?“
— Мору ригъ:
Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды,
Лежыть куръ,“ и т. д.

— „Пиды жъ до дуба: нехай жолудь дасть!“ Ось вона пошла:

— „Дубе, дубе! дай жолудь!
— „На що жолудь?“
— Кабану жолудь,
Кабанъ иколъ дасть.
„На що иколъ?“
Вилъ ригъ дасть.
„На що ригъ?“
— Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды,“ и т. д.

— „Пиды жь до дивкы:нехай нытокъ дасть!“ Ось курочка пошла, да й говорыть:

— „Дивко, дивко, дай нытокъ!
„На що нытокъ?“
— Дубу нытокъ?
Дубъ жолудь дасть.
„На що жолудь?“
— Кабанъ иколъ дасть.
„На що иколъ?“
— Волу иколъ,
Вилъ ригъ дасть.
„На що ригъ?“
— Морю ригъ,
Море воды дасть.
„На що воды?“ и т. д.

„Пиды жъ,—говорыть,—до бабы: нехай масла дасть!“ Пошла вона, да:

— „Бабо, бабо! дай масла!
„На що масла?“
— Дивци масла,
Дивка нытокъ дасть.
„На що нытокъ?“
— Дубу нытокъ,
Дубъ жолудь дасть.
„На що жолудь?“
Кабану жолудь,
Кабанъ иколъ дасть,“ и т. д. *

„Пиды жъ до лыпы: — нехай лыпы (лыпового цвѣту) дасть!“ Вона й пошла:

---

* Вопросы продолжаются.

— „Лыпо, лыпо! дай лыпы!
„На що лыпы?“
Баби лыпы:
Баба масла дасть.
„На що масла?“
Дивци масла,
Дивка нытокъ дасть.
„На що нытокъ?“
Дубу нытокъ.
Дубъ жолудь дасть,“ и т. д. *

Дала ій лыпа лыпы, баба за лыпу масла, за масло дивка нытокъ, дубъ за нытки жолудь, кабанъ за жолудь иколъ, вилъ за иколъ ригъ, а море за ригъ и воды дало. Отъ курочка напоила кура, дай жывутъ, и хлибъ жують, и постоломъ добро возять.

(Онъ же.)

ИВАСЬ.

Якъ бувъ соби чоловикъ да жинка, да въ ихъ сынъ Ивашко. Ось Ивашко той на батька: — „Тату, тату! Зробы, да й зробы, мыни човныкъ; пойду рыбкы ловыть!“ А батько говорыть: „Да на що, сыночку; ты малый: пойдешъ, да ще утопысься“! — „Ни, — каже, — не утоплюсь, зробить!“ — Винъ й зробывъ ёму. Ивашко й поплывъ, и наловывъ рыбкы. Въ обидню пору маты понесла ёму обидать; прышла до берега, да й клыче ёго:

„Ивась, сынокъ,
Золотый човнокъ,
А сребнее веселечко!
Плывы до мене,
Мое сердечко!“
Ивась почувъ: —
„Блызче, блызче, човныку, до бережка:
Се моя матинка!“ —

Ось винъ прыплывъ, да й оддавъ рыбку; а самъ попоивъ, да й поплывъ изновъ. А змія пидслухала, да й прышла соби, и клыче (товстымъ голосомъ):

„Ивась, сынокъ,“ и т. д.

— „Дальше, дальше, човныку, одъ бережка:
Се не моя матинка!“

— Отъ змія й пишла до коваля, и просыть ёго: „Ковалю, ковалю! Скуй мыни такый голосокъ, якъ у Ивашченои матери!“ Ось винъ и сковавъ. Вона й пишла до берега, колыжъ изновъ чуе:

* Вопросы продолжаются.

„Ивась, сынокъ," и т. д.
Якъ пишла мати, змія й соби:
„Ивась, сынокъ," и т. д.

Винъ и прыплывъ, а вона ёго ухопыла, да въ зализный мишокъ, да й понесла ажъ до себе. Прышла пидъ двери й говорыть: „Сучко-Оленко, одчыны!" Сучка - Оленка одчыныла. Такъ вона взяла, да ёго пидъ пичъ: сорочку биленьку, штанци надила, товкачечку дала й оришкивъ, винъ бье товкачечкою й исть, да й говорыть змія Суцьци-Оленьци: „Нажаръ,—каже,—пичъ, да въ пичъ ёго и всады, и замажъ, да й попрыбирай тутъ все чысто, а я пиду по гостей." И пошла. Такъ тая Сучка - Оленка взяла, да й нажарыла пичъ, да на Ивасыка: — „Ось вылизь сюды, Ивасыку!" — А Ивасыкъ все й пидслухавъ, що говорыла змія Оленьци. Сучка - Оленка и лопату положыла, да говорыть: — „Сидай, Ивасыку, на лопатку!" Отъ винъ и положывъ нижку; вона говорыть: „Не такъ." Положывъ ручку: „Не такъ"—каже. Ось винъ говорыть:—„А сядь же,—каже,—сама, да научы й мене, якъ сидать!" — Тилько що вона сила, а Ивасыкъ за лопату, да въ пичъ, да й замазавъ ии у печи. Попрыбиравъ самъ, вышовъ, да й заперъ хату, а самъ злизъ на превысоченного ясокора. Колы змія и йде: „Сучко-Оленко, одчыны!" Тыхо: „Сучко - Оленко! одчыны!..... Оцце немае Сучкы - Оленкы: пошла на побридкы." Взяла сама й одчыныла. Гости посидалы за стилъ. Вона выняла зъ печы, да й идять. Попойлы добре, да повыходылы на двиръ, да й качаюцьця. „Покочуся, повалюся, Иващыного мясьця найвшыся!" А Ивашко зъ ясокора й крычыть: — „Брешете, стары сукы, Оленчыного!"—А воны: — „Де се?"—„Дывылысь, дывылысь, да й угледилы. Отъ змии й побиглы до коваля:—„Ковалю, ковалю! Скуй намъ такы сокыркы, щобъ того ясокора зрубать!" Винъ имъ и поковавъ. Ось воны пишлы и давай рубать. Колы летять гусы; Ивашко давай ихъ просыть:

— „Гусы, гусы,—лебедятя!
Визьмить мене на крылята!
Понесить мене до батенька!
А въ батенька пыты, исты,
И хороше походыты."

А гусы й говорять: „Нехай тебе середни визьмуть!" Ось летять середни; винъ просыть середнихъ:

„Гусы," гусы,—лебедечкы!
Возьмить мене на крылечкы!
Понесить мене," и т. д.

А воны й говорять: „Нехай тебе саме поганише задне визьме!" Ось воно й летыть; зосталося, сердешне, зъ заду. А змии усе цюкають да рубають: отъ-отъ-отъ упаде за того. Ивась и просыть ёго:

„Гуся, гуся,—лебедятко!
Возьмы жъ мене на крылятко,
Понесы жъ мене," и т. д.

Ось воно й ухопыло его на крыла, да втомылось, сердешне, то такъ нызько несе. А зміи за нымъ, чы не схоплять ёго: женуцьця, женуцьця, да такы не наздогналы. Ось воно прынесло, да й посадыло Йвашка на верху, а само ходыть по двору, пасецьця. А маты й говорить:

„Печу, печу хлибчыкъ!
Старшому — старшый,
Меньшому — меньшый.“

А Йвашко: — „А мыни?“ — Маты каже: „Хто се тамъ?“ Да зновъ: „Се тоби, диду, пирожокъ, а се мыни.“ — „А винъ зновъ: — „А мыни, мамо?“ — Дидъ и баба повыбигалы, да дивляцьця, и угледилы Йвашка; зхопылы ёго на рукы, да въ хату й внеслы; гусятко жъ ходыть по двору, а маты й побачыла: — „Опъ гусятко ходыть: пійду я ёго визьму, да зарижу.“ А Йвашко каже: — „Нитъ, мамо, не рижте ёго; колы бъ не воно, то я бъ у васъ и не бувъ. Пойдить, да нагодуйте!“ — Отъ вона пошла, да взяла ёго, да нагодовала и напоила, и пидъ крыльця насыпала пшона и пустыла. Дакъ воно й полетило. — Отъ вамъ и казочка, и бублычкивъ вязочка.

(Онъ же.)

МАЧИХА.

Якъ бувъ соби дидъ да баба, а у ихъ дочка. Прышло времня — баба и умерла. Дидъ соби другу взявъ, да и у іи дочка. У дида й корова. Отъ мачыха й говорить на дидову дочку: — „Жены корову пасты!“ — и дала ій кужелю прясты. Дакъ вона й погнала, и плаче дорогою. Коривка пытае: „Чого ты, дивочко, плачешъ?“ — Якъ же мыни, — говорыть, — не плакать? Далы кужелю прясты.“ — „Не журысь, — та коривка на дивочку каже, — сажай мыни кужель у праве ухо!“ А зъ ливого й выймае уже попряженый. Да оце, якъ стане смеркацьця, й пожене іи до дому. То на другый разъ мачыха й говорыть на свою дочку: „Гоны, доню, ты пасты коривку!“ — Та и пожене, да на поли й каже: — „Сорокы, вороны! Идить до мене кужелю прясты!“ То сорокы й вороны поназлитаюцьця и порозхапують кужель, да й порозносять на гнизда. У вечери вона и пожене тую коривку до дому. До дому прыжене, то маты й пытае іи: „А що, доню, попряла кужель?“ — „Ни, мамо, не попряла: сокоры да вороны порозхаплювалы.“ То мачыха на дидову й говорыть: — „Гоны отъ уже ты коривку пасты!“ — Оцьце вона пожене, — жене да й плаче. Такъ коривка изновъ пытае: „Чого се ты плачешъ, дивочко?“ — „Якъ же мыни не плакать, що тебе хочуть заризать? И кужелю, — говорыть, — мыни далы прясты.“ — „Не журысь, дивочко, — сажай у праве ухо кужель!“ Оцьце вона сажае, а зъ ли-

вого уха й выймав попрядене. Да й говорыть тая коривка:—„Слухай,— каже,—дивочко: якъ будуть мене ризать, такъ ты просыся хлякы мыть. Да якъ будешъ мыть, то тамъ знайдешъ двоє яблучокъ; якъ ты ихъ посадышъ, то яблунькы повыростають.“ Отъ, ту коривку и заризалы. Дидова дочка й просыцьця хлякивъ мыть. Такъ вона пошла на ричку, да й мыє, а тамъ двоє яблучокъ: одно золотеньке, а друге сребрененьке. А бабына угледила дочка, да й гоныцьця за нею, хоче однять. Такъ тая взяла, да въ крапывку и вкынула ихъ. Колы жъ й выросла яблунька: сребрененьке яблучко, золотеньке яблучко, а пидъ нею крынычка. — Ажъ йде Царъ, да й говорыть: — „Хто мыни тее яблучко вырве, то я ёму половыну царства, половыну панства, оддамъ.“ Отъ бабына (дочка) прыскочыла, — хотила вырвать яблучко, дакъ яблунька въ гору; хотила водычкы зъ крынычкы набрать, а крынычка внызъ.

Дидова жъ прышла, водычкы набрала, яблучко вырвала, да й дала Царевычу. Ось винъ ій и говорыть: — „Я тебе визьму за себе замужъ!“—И взявъ ій зъ собою. Такъ воны соби й дытынку нажылы. А мачыха розсердылась на ій, да взяла, да зробыла дидовій такъ, щобъ козою побигла, . а свою дочку й посадыла на ій мисто. Дытынка й цыцькы у ій не ссе,—плаче усе. Отъ слуга й просыцьця у свого пана:—„Понесу я дытя на погуляньне?“—„Несы,“ той каже. Винъ оцьце й понесе, и клыче:

„А— рысь, коза, молодець плаче,
Молодець плаче, исты хоче.“

А вона й отказуе.

— „Бижу, лечу, мій сыночку,
Роса очы забывае,
Очеретъ нижкы пидколюе,
Быстра вода не пускае.“

Оцьце й прыбижыть, да зъ себекож у скыне, а сама за дытыну, сяде й годуе, да гирко, гирко плаче. Погодуе, оддасть слузи дытынку, да й зновъ побижыть. То тее слуга дытынку прынесе, то воно до сутокъ испыть. На другый день изновъ плаче. Такъ винъ й зновъ просыцьця: — „Пусты мене, пане, на погуляньне!“ — „Ну, йды!“ Понесе, да й гукае на ій:

А — рысь, коза, молодець плаче,“ й проч.

То вона й бижыть:

„Бижу, лечу, мій сыночку,“ й т. д.

Прыбижыть, да зъ себе шубу скыне, й нагодуе дытынку. А письля й каже до ёго: „А, дытынко моя любая! Тилько ще разъ намъ бачыцьця, а то далеко уже поженуть мене; не почую, якъ будуть звать.“— Отъ винъ й однесе дытынку. Дытынка до сутокъ й зновъ спыть; на другый день встане, да й плаче. То слуга й зновъ просыцьця:—„Пане мій мылый, пане мій любый! Пусты мене на погуляньне!“—Отъ панъ ёго й пытае: — „Що се значыть, — каже, —що ты оцьце понесешъ дытыну

на погуляньне, да й не плаче?“ Такъ винъ ему давай прызнавацьця: — „Щось, —говорыть—твоя, пане, жона побигла козою.“ — Отъ воны й пишлы у двохъ. Слуга й зове іи:

„А — рысь, коза, молодець плаче,“ и т. д.

Вона й одвичае:

„Бижу, лечу, мій сыночку!“ и т. д.

Прыбигла, скынула зъ себе шубу, взяла дытынку, да такъ плаче! „Геперъ, —говорыть,—моя дытыночко, николы въ свити не прыбижу!“ — А панъ узявъ, да и вкынувъ іи шубу въ огонь. Якъ затрещыть шерсть, а вона й почула, да зъ кущъ: немае шубы! Дакъ панъ іи плащемъ накрывъ, й пошлы до дому, да й жывуть изъ нею. А тыхъ-рюзстрелылы.

(Отъ же.)

УЖЪ И ЦАРЕВНА.

Бувъ соби Царъ до Царыця, до було въ ихъ тры дочкы. Ось Царъ и занедужавъ, да й пославъ свою старшу дочку по воду. Вона й пошла набирать, ажъ ужъ: — „А куку!“ говорыть, — чы пидешъ за мене замужъ?“ „А Царивна: — „Не пиду.“ — „Ну, не дамъ же,—говорыть—й воды.“—Вона й пошла до дому и сказала: — „Тату! Не давъ ужъ воды!“ Ось друга говорыть: — „Пиду я: винъ мыни дасть.“ И пошла. Ужъ и ій: „А куку! Чы пидешъ за мене за мужъ?“ — „Нитъ, — говорыть, — не пиду.“ — „Не дамъ же й воды.“ — Дакъ вона пошла й говорыть: — „Не давъ воды; якъ пидешъ замужъ, то дамъ.“ — А меньша говорыть: — „Я пиду, дакъ мыни дасть.“ — Пишла, дакъ ужъ и до сіви каже: — „А куку! Чы пидешъ за мене за мужъ?“ — „Пиду, „говорытъ. — Отъ винъ и набравъ ій воды изъ самого дна, холоднои, свижои. Вона прынесла до дому, напоила батька, такъ батько й одужавъ. Колы въ недилю пойздъ йде и говорыть:

— „Ой одчыняй вориточка,
На що люба любувала,
Кацаривно!
Зъ броду воду набирала,
Кацаривно!“

Отъ вона злякалась, плаче, да йде, одчыняе ворота. Ось воны знову:

— „Ой одчыняй, синечкы, Кацаривно!“ и т. д.

Вона одчыныла, йде, да й плаче. Воны знову:

„Ой одчыняй хаточку,
Кацаривно!
На що люба любовала,
Зъ броду воду набирала,
Кацаривно!“

Отъ вишлы въ хату, а ужа на столи на тарильци й поставылы; а винъ лежыть, — такый, ажъ золотый. Выходять зъ хаты й говорять:

„Ой сидай же въ кареточку,
Кацаривно!“ и т. д.

Теперъ пойхалы ажъ увъ уживъ домъ. Тамъ ось жывуть воны, й дытя нажылы. И взялы соби куму, тилько не добра вона була. А дытына та скоро умерла, й маты скоро умерла за нею. Ось ничьчю пошла тая кума, де ій сховалы, да рукы ій й пообризовала. А ничью окропу нагрила, парыть тыи рукы, й золоты перстни здыймав. Ажъ тая Царивна, — такъ Богъ давъ,—й прышла до ій за рукамы, и говорыть:

— „И куры сплять, и гусы сплять,
Тилько моя кума не спыть;
Билыи рукы въ окропи парыть,
Золоты перстни здыймав.“

А кума й сховалась пидъ пилъ. А вона изновъ говорыть:

„И куры сплять, и гусы сплять,
Тилько моя кума не спыть,“ и т. д.

На другый день прышлы, ажъ кума пидъ поломъ и вмерла. Такъ ій, не запечатавшы, такъ и вкынулы въ яму.

(Отъ же.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Смѣсь.

НЕ ЛЮБО—НЕ СЛУШАЙ.

Якъ бувъ я ще парубкомъ, а дидъ тоди ще невелычкымъ бувъ, а батька ще на свити не було; то дидусь покійныкъ було пытаєць-ця: — „А що будемъ, сыну, робыть? Зима холодна!“

То я було дида ражу: — „Пойдьмо, — кажу, — дидусю, въ лисъ, да нарубаємъ дровъ!“

— „Пойдьмо, такъ и пойдьмо!“

А въ насъ бычечкы невылычкы соби булы, такъ, — можна на прыгорщъ було взять. Поихалы въ лисъ. Дывлюсь, ажъ ломачьчя така велыка купа! Я стукъ сокырою въ те ломачьче! А видьмидъ звидтыля, зъ того ломачьчя. Колы я въ те ломачьче, ажъ шестеро яець. Якъ узялы мы зъ дидомъ, то дручьчямъ на визъ не скотылы, да вже я ледви не ледви въ шапку забравъ, такы велыкы! Отто прынись додому, а въ насъ якъ на те, правда, свыня квоктала. Отъ я пидсыпавъ пидъ ту свыню, а вона й вылупыла мыни шисть воливъ, такъ якъ соколивъ. Тоди вже якъ узялы мы зъ дидомъ тымы воламы поле орать, да хлибъ сіять: да и вродыло жъ добре! Выйдемъ було зъ дидомъ на поле, такъ то чуже, а то не наше, то чуже, а то не наше! Якъ узялы жъ мы женцивъ збирать, такъ, Боже мій мылостывый! що то мы того женця зобралы! Ажъ одну бабу! Якъ понажынала вона намъ кипъ: Боже мылостывый, скилько кипъ! А дидъ покійныкъ и пытаєцьця въ мене:—„Де жъ мы,—каже,—сыну, будемъ скырты складаты?“

А я кажу: — „Аже жъ у насъ коменъ велыкый, то на комени скырты складемо, а на печи молотытымемъ!“

Якъ же вклюнулася та проклята кузька, мышы, да такъ же вклюнулася! А въ насъ, прызнацьця, китъ добрый бувъ. Якъ махнувъ винъ по комену, якъ ударыть хвостомъ, а нашы скырты да въ помыйныцю!

А тутъ уже й батько пидрисъ. Дакъ маты було все любыть молоко парене, а мы все кисле; то маты було по селу парыть, парыть, а мы въ запичку кыснемъ, кыснемъ! А батько, правда, рыбалка добрый бувъ: кыне удочку въ чужу будочку, то й тягне не кожухъ, такъ свыточку. Отъ мы й розжылысь. Такъ батько й каже:—„У тебе маты, вмерла, а въ мене жинка, то поставымо обидъ!“

Якъ узялы жъ мы збирать людей на обидъ, да зъ такымъ договоромъ, щобъ була своя ложка, и хлибъ, и силь. Ото якъ найшло

народу, такъ Боже мылостывый! Ажъ два чоловика! Дакъ батько й каже: — „Засолить же оце озерце, до выйжте щербычку, а насподи буде рыбка!“

Дакъ ты люде не здяковалысь!

(Разсказывалъ одинъ старикъ, возлѣ Канева.)

ЗАГАДКИ.

Ото оре чоловикъ у поли, ажъ йде Царъ. Чоловикъ доходыть до шляку, а Царъ зове ёго: — „Диду!“—каже,—чы якъ тамъ. — „Чого, пане!“ Бо тоди ще не було сыхъ Благородій, а запросто: „Пане!“ да й тилько. „Чого, — каже, — пане?“ — „Чы давно, диду, на гори ляглы снигы?“— „Давно, пане: годивъ пятнадцять, або й двадцять.“ А се бъ то бачъ, чы давно голова посывила. — „Э!“ думае соби Царь. — „А чы давно,—каже,— пошла вода знидъ гиръ?“ Зъ выщого, бачъ, розуму закыдае крючка. Знаешъ, у старыхъ людей такъ слёзы зъ очей идуть. Э, да се жъ и дидъ соби вдався! Пытаецьця ще: — „Чы багато на неби звиздъ?“ — Каже: „Пасъ волы, да все личывъ, а передъ свитомъ заснувъ, то й не доличывъ.“ Оце загнавъ дида! Думае соби.—„Гляды жъ,—каже,—чоловиче, залетять сиры гусы зъ Билои Русы, то пиддеры хорошенько!“—„Добре,—каже,—якъ жывъ буду, то пиддеру!“ И поихавъ соби. Ото прыповъ въ Сенатъ, а тамъ старыкы такыи сыдять, звисно Сенаторы. Отъ винъ заразъ: — „А чы давно ляглы снигы на горахъ?“ Тыи тамъ думалы, думалы. А вже бачыть, що вже стары, да ничого не втнуть. Воны тамъ до кныгъ, воны до богословіи, перекыдають, кныжкы ламають: Оттакъ Богъ создавъ небо, оттакы ричкы. Ни, не втнуть! „Эге, — каже,— пошлить до такого й такого старычка, винъ скаже. Ну, а грошей до смутку въ тыхъ членивъ. Отъ воны выбралы поштара, далы ёму кылько тамъ тисячъ: „Дуй!“ Убигъ той у сельце, спытавсь:—„Чы жывъ такый и такый старыкъ?“ —„Жывъ,“ — кажуть. До ёго заразъ: „Здоровъ, диду!“—„Здоровъ, пане!“—„Пусты на кватеру!“ — Йдь же, пане!“ —„Сино, овесъ есть?“ —„Есть, пане.“—„Ну, такъ пусты на кватеру!“—„Йдь же,— каже,—пане!“ Ото заихавъ, заразъ пославъ за горилкою, що треба якось-не будь крючка закынуть. А якъ якого, то й горилкою не обманышъ. Пытаецьця ото:—„Чы знаешъ, диду, давно на гори ляглы снигы?“ —„А якъ же не знать?“ —„А чы знаешъ,—пытаецьця,—чы давно пишла вода знидъ гиръ?“ — „Да знаю, — каже, — колы й вода, колы й що.“ А тутъ того й прыихавъ. Кынулось диду въ голову: „Оце, може, то й панъ прыславъ!“—„Що,—каже —тоби дать, щобъ сказавъ?“ — „Тысячу рублей, — каже, — то скажу.“ — Тягне той тысячу зъ кармана: — „Кажы, старыкъ!“ А дидъ: „Постій, — каже,—заховаю грошы въ комору.“ Заховавъ. — „Ну, — каже, — старыкъ: „Ото такъ, пане. Оце, що снигы

впалы, то то ваша голова посыдила.“ Той дывыцьця. — „Оце,“ — каже, — такъ!“ — „А то, — каже, — що вода пишла знидъ гиръ, то то въ старого чоловика, такъ хочъ бы й въ мене, слёзы почалы йты зъ очей.“ Той тоди: — „Господы! Оце такъ!“ каже. — „Видкыля, — каже, — вы, пане?“ Каже: „Зъ Петинбурха“ — „Ге! Якъ, — каже, — ихавъ колысь якыйся панъ. Я, — каже, — дохожу до шляху, а винъ почавъ мене пытать, а я ёму одвичавъ. Пытавъ: „Чы давно на гори снигы ляглы?“ а я ёму одвичавъ: „Годивъ зъ пятнадцять, або й зъ двадцять.“ Пытавъ: „Чы давно пишла вода знидъ гиръ, а я ёму отакъ, отакъ одвичавъ. То винъ и сказавъ: — „Гляды жъ, диду, налетять спры гусы зъ Вилон Русы, то пиддеры хорошенько!“ А я ёму й кажу: — „Якъ буду жывъ, то пиддеру.“ Тоди той поштаръ назадъ: — „Оттакъ и такъ, панове!“ — Тыи ажъ за голову вхопылысь: — „Щобъ намъ було такъ казать! Мужыкъ, да давъ Царю одвитъ!“ — „Эге! И зъ нашымъ братомъ часомъ не жартуй!“

(Тамъ же, другой старикъ.)

СЦЕНЫ ИЗЪ ДОМАШНЯГО БЫТА.

I.

Мы зъ жинкою, — не хай легко ій души! — прожылы до старостей своихъ. А дидызны було доволи, — вичный покой предкамъ и дидамъ! — и къ тому ище прыжылы. А дитокъ намъ Богъ не давъ. Дакъ ото мы зъ бабою й порадылысь. Такъ вона и каже: „Що будемо, диду, робыты? Нездужаемъ, а робыть никому. Да й прынялы небожа. Ёму жъ я и препоручывъ свое мизерство. А баба й каже: — „Що жъ то, старый! Тоби е помичъ, а мыни нема!“ Постій, бабо, оженю, такъ и тоби помочъ буде!“ Да ото й оженылы. Отъ и баби е помичъ. Правду кажуть: *що рада, то незрада.* А воны, — слава Богу, — добры, ище не огрызаюцьця; а якъ що не такъ, то я такы не втерплю, да й скажу, а якъ мижъ собою заведуцьця, то я й цыпуру покажу: „Ось, — я кажу, — васъ помырю!“ А умремо, то й буде имъ худибчына.

(Разсказывалъ Семенъ Юрченко, въ Мартыновкѣ.)

II.

„Вы у охотныцьке дильце, голубчыкы, охотытесь?“ — „Охотымось, добродію; а не знаемо, въ яке.“ — „Въ легеньке, — каже: налыть, про-

дать.“—„Въ шынкарське! Охотымось.“—То вы бъ у мене бралы горилочку!“ — „А може вы, добродію, на выгодку не такъ, якъ иншы.“— „О, ни, мы зійдемось!“

(Онъ же.)

III.

Спасыби вамъ за ягидкы! Понесу для внукивъ!“ — „Чы воны жъ тебе жалують?“ — „А якъ же? Прыйде до мене, да сяде на колиняхъ: „Дисусечку, голубчыку! Слипесенькый!“ да й обниме. „Да ну, йдить!“ — „Э, ни, дидусечку! Мы тебе жалуемъ.“ Да якъ сяде на колиняхъ, то и серце радіе. А другыи дурни: „Чого винъ ихъ жалуе? Чы воны его диты?“ А я имъ: „Дурачество вы говорыте! Чоловикъ пташку пойме, на руку посадыть, да й радуецьця; а то жъ такы Хрыстыянынъ, свое ридне!“

(Онъ же.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Преданія Историческія.

	Стр.
Золотые Кіевскіе ворота	1
Жидовскіе откупы	2
Козаки и Жолнѣры	—
Хмельницкій и Барабашъ	—
Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи	3
Плата Хмельницкаго за плѣнныхъ	4
Хмельницкій надъ Случью	—
Войны Хмельницкаго	—
Юрій Хмельницкій	5
Царь Петръ и Палій	—
Мазепа и Палій	7
Степанъ Плаха	8
Чупрына и Чортоусъ	11
Шелестъ, Лусконигъ, Гныда и Зализнякъ	19
Максымъ Шыло	23
Гайдамакы въ Черкасахъ	25
Наймытъ Гайдамака	26
Вовчокъ	—
Гайдамака и пасичнык	27
Месть за имя Жида	28
Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ	—
Максымъ Зализнякъ	30
Бѣгство Гайдамакъ	33
Золотая Грамота	34
Гайдамаки въ Каневѣ	—
Швачка	36
Гайдамаки въ Жаботинѣ	37
Гайдамаки въ Умани	—
Нежывый	—
Цехмыстеръ	38
Благочестіе	40
Ярмарки	—

Жолнѣры 41
Харко ..... —
Базиліане 42
Разсказы о Запорожцахъ ..... —
Очаковская бѣда 52
Разсказы о Татарахъ 55
Козаки 1790 годовъ 55
Война съ Польшею (1793 — 1795) 59
Камышники ..... —
Гладкій 60
Урочища въ Смѣлой ..... —
Урочища въ Звенигородкѣ 61
Прежнія времена въ Украинѣ 62

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Преданія Фантастическія.

Кирило Кожемяка 67
Свиридова могила 69
Соколъ и пчела 70
Превращенія ..... —
Царевичь и баба 71
Царевичь и Цыганка 72
Мышь и воробей 74
Волкъ прожора 75
Братоубійца 76
Куръ и курочка 77
Ивась 79
Мачиха 81

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Смѣсь.

Не любо—не слушай 87
Загадки 88
Сцены изъ домашняго быта 89